ШЕСТОЙ ДВОРЕЦ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Вавилон-17

Сэмюель Дилэни

Аннотация
Сэмюэль Дилэни. ВАВИЛОН-17
Часть первая. Ридра Вонг
1
2
3
4
5
6
7
Часть вторая. Вер Дорко
1
2
3
4
5
Часть третья. Джебел Тарик
1
2
3
4
5

Часть четвертая. Батчер
1
2
3
Часть пятая. Маркус Тиварба
1
2
3
4
5
6

Аннотация

Далекое будущее. Человечество вышло в космос и расселилось по далеким звездам. А теперь между его частями идет затяжная кровопролитная война. Одна из враждующих сторон подвергается серии диверсий, подрывающих саму основу ее безопасности. Эти диверсии сопровождаются радиопередачами, закодированными странным шифром, условно названным «Вавилон-17». Для дешифровки армейское руководство решает пригласить известную поэтессу Ридру Вонг, в прошлом сотрудницу криптографического отдела.

© *cherepaha*

Сэмюэль Дилэни
ВАВИЛОН-17

Нигде цивилизация не отражается так совершенно, как в языке. Если мы плохо знаем Язык как таковой, то мы плохо знаем и цивилизацию.

Марио Пей

Часть первая. Ридра Вонг

1

Это город-порт.

«Здесь испарения покрывают ржавчиной небо», — подумал генерал. Промышленные газы окрашивают вечер в оранжевый, розовый, пурпурные цвета. Опускающиеся и поднимающиеся транспорты, перевозящие грузы в звездные центры и на спутники, разрывают облака. «И гниющий город тоже», — подумал генерал, огибая угол по засыпанной мусором и отбросами обочине.

Со времени Захвата шесть губительных запретов задушили город, чей жизненный путь поддерживается звездной торговлей. Изолированный, как мог этот город существовать? Шесть раз за последние двадцать лет задавал он этот вопрос, а ответ? Его не было.

Паника, мятежи, пожары, каннибализм…

Генерал взглянул на силуэты грузовых башен, выдававшихся над шатким монорельсом на фоне грязных строений. В этом районе улицы были уже, на них толпились транспортные рабочие, грузчики, несколько космонавтов в зеленых мундирах и орды бледных, прилично одетых мужчин

и женщин, руководивших сложными и запутанными таможенными операциями. «Теперь они спокойны, занятые работой и домом», — подумал генерал. Но, однако, эти люди двадцать лет жили под Захватом. Они голодали во время запретов, разбитых окон, грабежей, толп, убегавших от пожарных брандспойтов; их лишенные кальция зубы рвали мясо трупов.

Что за животное мужчина? Он задавал себе этот вопрос, чтобы отогнать воспоминания. Легче, будучи генералом, задавать такой вопрос, чем вспоминать о женщине, сидящей посреди тротуара во время последнего запрета, держа на коленях скелет своего ребенка, вспоминать о трех истощенных девочках-подростках, напавших на него посреди улицы с бритвами (…передняя свистнула сквозь коричневые зубы: «Иди сюда, Бифштекс! Иди ко мне, Лангет…» Его спасло каратэ), или о слепце, с криком бежавшим посреди улицы.

Бледные приличные мужчины и женщины. Теперь они спокойны, теперь они стараются, чтобы никакое чувство не отразилось на их лицах, у них теперь бледные и приличные патриотические идеи: работать для победы над захватчиками.

Алона Стар и Кип Рчак хороши в «Звездном празднике», но Рональд Квар, конечно, самый

серьезный артист. Они слушают хилейт-музыку. «Слушают ли?» — подумал генерал, вспоминая об этих танцах, где партнеры не касаются друг друга. Служить в Таможне хорошо и безопасно; работать непосредственно на транспорте, конечно, веселее, и эта работа возбуждает, но лучше ее смотреть в кино — эти транспортные такие странные люди… Более актуально обсуждать стихи Ридры Вонг.

Они часто говорят о Захвате все теми же фразами, которые освящены двадцатилетним повторением в газетах и по радио. Они редко вспоминают о запретах, и то лишь одним-двумя словами.

Возьми любого из них, возьми миллион — кто они? Чего они хотят? Что они скажут, если у них будет возможность сказать?

Ридра Вонг стала голосом века. Генерал вспомнил изображение в гиперболическом ревю. Парадоксально: военный командир с военной задачей, он теперь шел на встречу с Ридрой Вонг.

Вспыхнули уличные огни, и его отражение внезапно появилось в стекле окна бара. «Правильно, что я сегодня не надел мундира», — подумал он. Генерал представил высокого мускулистого человека с властным выражением крючконосого лица, ставшим привычным за пятьдесят лет

командования. В сером штатском костюме он чувствовал себя неуютно. До тридцати лет он производил на людей впечатление высокого и неуклюжего, а после — это изменение совпало с Захватом — впечатление массивного и властного.

Если бы Ридра Вонг пришла к нему в штаб-квартиру Администрации Союза, он чувствовал бы себя лучше. Но он в гражданском, а не в зеленом мундире космонавта. А она — наиболее известная поэтесса в пяти исследованных Галактиках. Впервые за долгое время он почувствовал некоторую неуверенность.

Он вошел. И прошептал:

— Боже, она прекрасна. Я не знал, что она так прекрасна, изображения этого не передают…

Она повернулась к нему, встала со стула и улыбнулась. Он подошел, пожал ей руку, слова «Добрый вечер, мисс Вонг» застряли у него во рту и так и остались невысказанными.

И они начали беседу.

Помада ее была медного цвета, а зрачки глаз напоминали медовые диски…

— Вавилон-17, — сказала она. — Я не решила этого еще, генерал Форестер.

Вязаное платье цвета индиго, волосы струятся

по плечам, как вода в реке.

Он ответил:

— Это не очень удивляет меня, мисс Вонг.

«Удивляет», — подумал он. Она оперлась рукой на стойку, наклонилась вперед, бедра шевельнулись под вязаной синей материей; каждое движение удивляет, поражает, сбивает с толку.

— Но я продвинулась дальше того, на что оказались способны вы, военные.

Мягкая линия ее рта изогнулась в вежливой улыбке.

— Благодаря тому, что я знаю вас, мисс Вонг, это тоже не удивляет меня.

«Кто она?» — подумал он. Он задавал этот вопрос абстрактному собеседнику. Задавал его собственному отражению. Размышляя о ней он непрерывно задавал этот вопрос. Все остальное не имеет значения, но ОН должен знать о ней все. Это очень важно. Он обязан знать.

— Во-первых, генерал, — сказала она, — Вавилон-17 — не код.

Мысли его нехотя вернулись к предмету разговора.

— Не код? Но мне казалось, криптографический отдел установил… — он остановился и потому, что не был уверен в заключении криптографи-

ческого отдела, и потому, что требовалось время, чтобы вернуться с обрывов ее скул, из пещер ее глаз. Напрягая мышцы лица, он приказал своим мыслям возвратиться к Вавилону-17. Захват Вавилона-17 может оказаться ключом к прекращению этого двадцатилетнего бедствия. — Вы хотите сказать, что наши попытки дешифровать его бессмысленны?

— Это не шифр, не код, — повторила она. — Это язык.

Генерал нахмурился.

— Что ж, как бы вы это не называли — код или язык — мы должны понять его. Пока мы не понимаем его, мы чертовски далеки от цели.

Напряжение последних месяцев превратилось в зверя в его животе, этот зверь ухватил его за язык, сделал хриплым его голос.

Улыбка его исчезла, обе руки он положил на стойку. Он хотел преодолеть хрипоту.

Она сказала:

— Вы непосредственно не связаны с криптографическим отделом? — голос ее был ровным и успокаивающим.

Он покачал головой.

— Тогда позвольте мне кое-что объяснить. В основном, генерал Форестер, существуют два типа

кодов. В первом буквы или символы, используемые вместо букв, перемешиваются и искажаются в соответствии с некоторым образцом. Во втором буквы, слова или группы слов заменяются другими буквами, символами или словами. Код может относиться к тому или другому типу или быть их комбинацией. Но оба типа имеют одно общее свойство: когда найден ключ, вы лишь применяете его и тут же получаете логичные предложения. Язык же имеет собственную внутреннюю логику, собственную грамматику, свой способ выражения мыслей в словах. Не существует ключа, подходящего ко всем значениям и выражениям в языке. В лучшем случае вы получите лишь приблизительное представление о значении.

— Вы хотите сказать, что Вавилон-17 декодируется в какой-то язык?

— Вовсе нет. Это я проверила в первую очередь. Мы могли бы взять вероятностную развертку различных элементов и проверить, конгруантны ли они разным языковым образцам, даже если они расположены в совершенно неверном порядке. Нет, Вавилон-17 — сам по себе язык, и мы его не понимаем.

— Я думаю, — генерал Форестер попытался улыбнуться, — что вы хотите сказать: поскольку

это не код, а чужой нам язык, то нам придется отступить.

Даже если это поражение, то, исходя от нее, оно становилось облегчением.

Но она покачала головой:

— Боюсь, что вы меня не поняли. Неизвестный язык может быть дешифрован без перевода. Вспомните, например, линеарный язык В и хеттский язык. Но если я попытаюсь сделать это, мне нужно гораздо больше знать.

Генерал поднял брови.

— Что еще вам нужно знать? Мы передали вам все образцы. Когда получим новые, мы обязательно…

— Генерал, я должна знать все о Вавилоне-17: где вы получили его, когда, при каких обстоятельствах — все, что может оказаться ключом к этому языку.

Вы дали мне десять страниц искаженных магнитных записей с кодами под условным названием «Вавилон-17» и спросили, что он означает. Все, что я могла, я вам сказала. Будет больше сведений, я смогу сделать еще что-нибудь. Очень просто.

Он подумал: «Если бы это было так просто, мы никогда не обратились бы к тебе, Ридра Вонг».

Словно прочитав его мысли, она промолвила:

— Если бы это было так просто, вы никогда не обратились бы ко мне, генерал Форестер.

Он уставился на нее, на какое-то мгновение поверив в абсурдную мысль, будто бы она читает у него в мозгу. Но, конечно же, она просто знает это.

— Генерал Форестер, установил ли ваш криптографический отдел, что это за язык?

— Если и установил, мне об этом не говорили.

— Я уверена, что они об этом не знают. Я сделала несколько структуральных набросков грамматики. А они сделали это? Генерал, хотя они знают чертовски много о кодах, они ничего не знают о сущности языков. Именно эта идиотская специализация — причина того, что я не работаю с ними уже шесть лет…

«Кто она!» — подумал он вновь. Сегодня утром ему прислали ее секретное досье, но он передал его адъютанту, лишь заметив пометку «одобряется». Он услышал свой собственный голос:

— Возможно, если вы расскажете мне немного о себе, мисс Вонг, я свободнее буду говорить с вами.

Нелогично, однако он проговорил это со спокойствием и уверенностью. Насмешливо ли она

смотрит на него?

— Что вы хотите знать?

— Я знаю только ваше имя и то, что несколько лет назад вы работали в военном криптографическом отделе. Знаю, что уже и тогда, несмотря на ваш юный возраст, у вас была отличная репутация. Поэтому, когда наши люди безуспешно возились с Вавилоном-17 в течении месяцев, они единодушно сказали: «Пошлите это Ридре Вонг», — он помолчал. — И вы говорите, что кое в чем разобрались. Следовательно, они были правы.

— Выпьем, — предложила она.

Бармен подошел с двумя небольшими стаканами с дымчато-зеленой жидкостью. Она пригубила, наблюдая за генералом. «Ее раскосые глаза, — подумал он, — похожи на изумительные крылья».

— Я не с Земли, — сказала она. Мой отец был инженером связи в Звездном центре с индексом X–II-B, как раз за Ураном. Мать была переводчицей Двора Внешних Миров. До семи лет я росла в Звездном центре. Там было мало детей. В пятьдесят втором мы переселились на Уран-XXYП. К двенадцати годам я знала семь земных языков и пять неземных. Я запоминала языки, как люди

запоминают мелодии популярных песен. Во время второго запрета погибли мои родители.

— Во время Запрета вы были на Уране?

— Вы знаете, что произошло?

— Знаю, что внешние планеты пострадали гораздо больше внутренних.

— Вы ничего не знаете. Конечно, они пострадали больше, — она глубоко вздохнула, отгоняя воспоминания. — Одной порции недостаточно, чтобы я могла говорить об этом… Когда я вышла из госпиталя, врачи не исключали возможность помешательства.

— Помешательства?

— А что вы хотите? Длительное недоедание плюс невралгическая чума.

— Я знаю об этой чуме.

— Итак, я попала на Землю, жила у тети и дяди и получала невротерапию. Но я не нуждалась в ней. Не знаю, психологическое это или физиологическое, но из всего этого я вышла с еще более обостренным чутьем к языкам. Я пронесла это чутье через всю жизнь и постепенно привыкла к нему. К тому же, я научилась хорошо излагать свои мысли.

— Не связано ли это с легкостью расчетов и эйдетической памятью? Эти качества очень нужны

криптографии.

— Я плохой математик и совсем не умею рассчитывать. Зрительное восприятие и специальные тексты — например, цветные сны и тому подобное — все это у меня есть; но главное, в чем проявляются мои качества — в словесном оформлении. В то время я начала писать. Один год я работала переводчицей при правительстве и одновременно занялась кодами. Через некоторое время я как криптограф приобрела определенную профессиональную легкость. Но я плохой криптограф. У меня нет достаточного терпения, чтобы корпеть над чем-то, написанным другим. Мне хочется писать самой. К тому же, я невротична: это вторая причина, по которой я обратилась к поэзии. Но мое профессиональное мастерство часто меня пугало. Иногда, когда было слишком много работы и мне хотелось сделать что-нибудь еще, внезапно все, что я знала, укладывалось в стройную картину у меня в голове, и я легко читала лежавшее передо мной, а потом становилась усталой, испуганной и жалкой.

Она взглянула на свой стакан.

— Постепенно я подчинила себе свое умение. В девятнадцать лет у меня была репутация маленькой девочки, которая может расшифровать

что угодно. Я уже кое-что знала о языке и легко распознавала типичные его конструкции, его грамматический строй, распознавала чутьем, что я и сделала с Вавилоном-17.

— Почему вы оставили эту работу?

— Я назвала вам две причины. А третья заключалась в том, что, овладев профессиональным мастерством, я захотела использовать его в собственных целях. В девятнадцать лет я оставила военную службу и… да, вышла замуж и начала серьезно писать. Три года спустя вышла моя первая книга, — она пожала плечами, улыбнулась. — Об остальном читайте в моих стихах. Там есть все.

— И теперь в мирах пяти Галактик люди ищут в ваших образах и значениях разгадку величия, любви и одиночества…

Последние слова выпрыгнули из фразы, как бродяги из товарного вагона. Она стояла перед ним; она была великой, а он, оторванный от обычной военной жизни, чувствовал себя таким одиноким; и он был отчаянно влюб… Нет!

Это невозможно, это отвратительно, это было слишком просто для объяснения того, что происходит в его мозгу, что пульсирует в его руках.

— Выпьем еще? — автоматическая защита. Но она приняла ее за автоматическую вежливость.

Бармен подошел, отошел.

— Миры пяти Галактик, — повторила она. — Удивительно. Мне всего двадцать шесть лет.

Глаза ее остановились на чем-то невидимом, она еще не выпила и половины первой порции.

— В вашем возрасте Китс уже был мертв.

Она пожала плечами.

— Это странное время. Оно так быстро и внезапно выдвигает героев и так же быстро и внезапно убивает их.

Он кивнул, вспомнив о полдюжине певцов, писателей, которые в конце второго или в начале третьего десятилетия своей жизни объявлялись гениями, чтобы исчезнуть через год-другой. Ее репутация удерживается очень долго.

— Я принадлежу своему времени, — сказала она. — Я хотела бы вырваться за его пределы, но время не пускает меня, — руки ее оторвались от гладкой поверхности стекла. — Вы в армии должны испытывать то же самое, — она подняла голову. — Дала ли я вам то, чего вы хотели?

Он кивнул. Легче было солгать жестом, а не словом.

— Хорошо. Теперь, генерал Форестер, расскажите мне о Вавилоне-17.

Он оглянулся в поисках бармена, но сияние

вернуло его взгляд к ее лицу: сияние оказалось просто ее улыбкой — краем глаза он принял эту улыбку за вспышку света.

— Возьмите, — сказала она, пододвигая к нему свой второй стакан. — Я еще не кончила первый.

Он взял его, отхлебнул.

— Захват, мисс Вонг… Это связано с Захватом.

Она оперлась рукой, слушая с сузившимися глазами.

— Это началось с серии несчастных случаев, точнее, вначале они казались несчастными случаями, но теперь мы уверены, что это диверсия. Они происходят на всем пространстве Союза с шестьдесят восьмого года. Некоторые — на боевых кораблях, некоторые — на базах космического флота… Обычно не срабатывает самое важное оборудование. Дважды взрывы привели к гибели правительственных деятелей. Несколько раз эти случаи происходили на индустриальных предприятиях, производящих важную военную продукцию.

— Что же объединяет все эти «случаи» кроме того, что они связаны с войной? При современном развитии экономики любой случай нетрудно связать с войной.

— Их объединяет Вавилон-17.

Он смотрел, как она заканчивает свою порцию и аккуратно ставит стакан на влажный круг.

— Непосредственно перед, в течение и сразу после каждого случая пространство заполнялось радиопереговорами из неизвестных источников. Некоторые из них по мощности отстоят на сотни ярдов, но иногда встречаются и такие, которые доносятся за световые годы. Во время последних трех «случаев» мы записали эти радиопередачи и дали им рабочее название Вавилон-17. Вот. Сможете ли вы из этого что-нибудь извлечь?

— Да. Есть хорошая возможность перехватить того, кто передает эти радиоинструкции для саботажа…

— Но мы ничего не можем найти! — в его голосе прорвалось раздражение. — Нет ничего, кроме этого проклятого бормотания! И, наконец, кто-то заметил повторение в передачах и заподозрил существование кода. Криптографы потратили много сил, но целый месяц ничего не могли сделать, поэтому и обратились к вам.

Продолжая говорить, он заметил, что она задумалась. После продолжительного раздумья она сказала:

— Генерал Форестер, вам нужен оригинал записи радиопереговоров плюс полный отчет, если

можно, секунда за секундой, обо всем происшедшем во время «случая».

— Не знаю, можно ли…

— Если вы не можете получить такой отчет, постарайтесь его составить во время следующего «случая». Если этот радиохлам представляет собой разговор, обмен репликами, я сумею выяснить, о чем в них говорится. Вы могли бы заметить, что в той копии, которую мне передали из криптографического отдела, нет обозначений, кому принадлежат реплики. Нет даже пауз, не говоря уже о словах. Простая техническая запись.

— Я могу дать вам все, кроме оригинала записи…

— Но вы должны. Я хочу сама составить транскрипцию, тщательно и со своими обозначениями.

— Мы сделаем для вас перезапись по вашим указаниям.

Она покачала головой.

— Я должна все проделать сама, иначе я ничего не могу обещать. Вся проблема заключается сейчас в распознавании фонематических и аллофонических противопоставлений. Ваши люди даже не поняли, что это язык, поэтому эта проблема их не заинтересовала…

Теперь он прервал ее:

— Что за противопоставления?

— Вы знаете, что некоторые люди азиатского происхождения путают Р и Л, когда говорят на западных языках. Это потому, что в западных языках это разные фонемы, а восточные люди на их месте слышат и пишут одно и то же. Или сравните межзубное «th» в «они» (They) и «театр» (Theator).

— А в чем же разница между этими «т»?

— Они различаются так же, как В и Ф: из них один звук звонкий, а другой глухой.

— Понятно.

— Но проблема заключается в том, чтобы иностранец мог правильно затранскрибировать язык, который изучает. Иначе он может просто не услышать различий, которых нет в его собственном языке.

— А как вы собираетесь сделать это?

— Используя свои знания звуковых систем множества языков, а также при помощи чутья.

— Опять профессиональное мастерство?

Она улыбнулась.

— Я надеюсь.

Она ждала его одобрения. Но что он должен одобрить? На какое-то мгновение он был отвле-

чен ее голосом.

— Конечно, мисс Вонг, — сказал он, — вы наш эксперт. Приходите завтра в криптографический отдел и получите все необходимое.

— Спасибо, генерал Форестер. Я направлю вам свой официальный доклад.

Он стоял неподвижно, окаменев от ее улыбки. «Я должен идти, — в отчаянии подумал он. — О, нет, сначала нужно что-то сказать».

— Хорошо, мисс Вонг. Потом мы еще поговорим…

Что-то еще, что-то еще…

Он начал поворачиваться. Надо сказать еще спасибо, спасибо. Подошел к двери, по-прежнему размышляя: «Кто она? О, что-то я должен сказать! Я груб, властен, я военный. Но богатство мыслей и слов отдано ей.»

Дверь раскрылась, и вечер опустил ему на глаза свои синие пальцы.

«Боже, — подумал он, когда прохлада коснулась его лица, — все это во сне. А она не знает. Я не могу этого выразить! — слова притаились где-то в глубине. На поверхности было молчание. Не могу ничего сказать!»

* * *

Ридра встала, ухватилась руками за стойку. Она смотрела в зеркало. Подошел бармен, чтобы унести стаканы. Он нахмурился.

— Мисс Вонг?

Лицо ее было напряжено.

— Мисс Вонг, но…

Костяшки пальцев ее побелели, и бармен видел, как белизна ползет по ее руке.

— Вам плохо, мисс Вонг?

Она повернулась к нему.

— Вы заметили?

Голос ее был резким, хриплым, саркастическим, напряженным. Она отодвинулась от стойки и подошла к двери, остановилась и, закашлявшись, вышла.

2

— Моки, помогите мне!

— Ридра? — доктор Маркус Тиварба оторвался в темноте от подушки. В дымном свете над постелью появилось ее лицо. — Где вы?

— Внизу, Моки. Пожалуйста, мне нужно поговорить с вами.

Ее возбужденное лицо двигалось справа налево, стараясь избежать его взгляда. Он зажмурился от света, потом снова открыл глаза.

— Поднимайся.

Лицо исчезло.

Он взмахнул рукой в направлении контрольного света, и мягкий свет заполнил роскошную спальню. Он откинул золотое одеяло, встал на меховой ковер, снял с искривленной бронзовой подставки черный шелковый костюм и накинул его. Встроенные в костюм контуры расправили его на плечах и груди. Он нажал впускной клапан в раме стиля рококо, алюминиевая откидная доска опустилась, открыв внутренности бара. Оттуда выдвинулся дымящийся кофейник и графин с выпивкой.

Повинуясь другому жесту, на полу выросло

пузырьковое кресло. Доктор Тиварба повернулся к входной двери, она щелкнула, распахнулась и появилась Ридра.

— Кофе? — он подтолкнул кофейник, силовое поле подхватило его и мягко поднесло к ней. — Чем ты занимаешься?

— Моки, это… я…

— Пей кофе.

Она наполнила чашку, поднесла ее ко рту.

— Нет ли чего-нибудь успокаивающего?

— Какао? — он извлек две маленькие бутылки. — Алкоголь тоже способен обмануть. У меня кое-что осталось от обеда, собиралась компания.

Она покачала головой.

— Только какао.

Бутылочка последовала за кофе по силовому полю.

— У меня был ужасно утомительный день, — он потер руки. Работать после полудня не удалось, за обедом гости, все хотели разговаривать со мной, да и после обеда докучали своими вызовами. Минут десять назад лег спать, — он улыбнулся. — Как ты провела вечер?

— Моки, это… Это было ужасно!

Доктор Тиварба отпил из чашки.

— Прекрасно. Иначе я ни за что не простил бы

тебе, что ты меня разбудила.

Вопреки своему желанию она улыбнулась.

— Я всегда… всегда могу рас-считывать на в-вашу помощь и симпатию, Моки.

— Ты можешь рассчитывать на мой здравый смысл и убедительный совет психиатра. А симпатии? Мне жаль, но не после двенадцати. Садись. Что случилось? — взмах его руки вызвал к жизни кресло рядом с ней. Край сиденья легонько ударил ее под колени, и она села. — Перестань заикаться и рассказывай. Ты преодолела это, когда тебе было пятнадцать лет, — голос его стал очень мягким и убедительным.

Он еще раз отпил кофе.

— Код, вы помните, я работаю над кодом?

Доктор Тиварба опустился в широкий кожаный гамак и отбросил назад седые волосы, все еще взъерошенные после сна.

— Я помню, тебя просили поработать над чем-то для правительства. Ты довольно презрительно отзывалась об этом деле.

— Да. И… ну, это не код… это язык. Но сегодня вечером я… я разговаривала с главнокомандующим… с генералом Форестером, и это случилось… Я имею в виду — это случилось, и я знаю!

— Что знаешь?

— Как в прошлый раз, я знаю, о чем он думает.

— Ты читаешь в его мозгу?

— Нет. Как в последний раз. По тому, что он делал, я могла сказать, о чем он думает.

— Ты уже пыталась объяснить это мне раньше, но я не понял, мне кажется, что ты говоришь о чем-то вроде телепатии.

Она покачала головой, снова качнулась.

Внезапно Ридра сказала ровным голосом:

— «У меня теперь есть кое-какие идеи насчет того, что ты пытаешься выразить, дорогая, но ты должна высказать это сама». Именно это вы хотели сказать, Моки, не правда ли?

Тиварба поднял седые брови.

— Да. Это. И ты говоришь, что не читаешь у меня в мозгу? Но ты много раз демонстрировала мне…

— Я знаю, что вы собираетесь сказать, а вы не знаете, что хочу сказать я, — она почти встала со своего кресла.

Он сказал:

— Именно поэтому ты такая известная поэтесса.

Ридра продолжала:

— Я знаю, Моки. Я ношу все в своей голове и вкладываю в стихи, которые понятны людям. Но

прошедшие десять лет я занималась не этим. Вы знаете, что я делала? Я слышала людей, улавливала их полумысли, полупредложения, в которых они не могли выразить ничего, и это было очень больно. Потом я отправлялась домой и отделывала их, полировала, выплавляла для них ритмическое обрамление, превращала тусклые цвета в яркие краски, заменяла кричащие краски пастелью, чтобы они больше не могли ранить — таковы мои стихотворения. Я знаю, что хотят сказать люди, и говорю это за них.

— Голос века, — сказал Тиварба.

Она ответила непечатным выражением, и в глазах у нее появились слезы.

— То, что я хочу сказать, то, что я хочу выразить, я еще только… — она снова покачала головой. — Я не могу сказать этого.

— Если ты хочешь расти как поэт, ты это должна сказать.

Она кивнула.

— Моки, год назад я не подозревала, что высказываю то, что хотят сказать люди. Я думала, это мои собственные мысли.

— Каждый молодой писатель, хоть чего-нибудь стоящий, проходит через это. Так овладевают мастерством.

— А теперь у меня есть собственные мысли, у меня есть, что сказать людям. Это не то, что раньше: оригинальная форма для уже сказанного. Это новые мысли, и я боюсь до смерти.

— Каждый молодой писатель, созревая, проходит через это.

— Повторить легко, но сказать трудно, Моки.

— Хорошо, что ты это поняла. Почему бы тебе не рассказать мне точно, как это… как действует это понимание другого человека?

Она молчала пять, десять секунд.

— Ладно. Попытаюсь еще раз. Перед тем, как уйти из бара, я стояла, глядя в зеркало, а бармен подошел и спросил, что со мной.

— Он почувствовал, что ты расстроена?

— Он ничего не «почувствовал». Но посмотрел на мои руки. Они стиснули край стойки и быстро белели. Не нужно быть гением, чтобы связать это с тем, что происходит в моей голове.

— Бармены обычно очень чувствительны к такого рода сигналам. Это часть их работы, — он кончил свой кофе. — Твои пальцы побелели? Что же сказал генерал или не сказал, и что он хотел сказать?

Ее щека дважды дернулась, и доктор Тиварба подумал, следует ли это интерпретировать более

специфически, чем просто нервозность?

— Генерал — грубоватый, энергичный человек, — объяснила она, — вероятно, неженатый и всю жизнь прослуживший в армии со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ему около шестидесяти лет, но он не чувствует этого. Он вошел в бар, где мы должны были встретиться, глаза его сузились, потом широко открылись, руки его спокойно лежали на бедрах. Вдруг пальцы их согнулись, потом распрямились, шаг его замедлился, когда он вошел, но, оказавшись в нескольких шагах от меня, он пошел быстрее. Он пожал мне руку так, будто боялся ее сломать.

Улыбка Тиварбы перешла в смех.

— Он влюбился в тебя.

Она кивнула.

— Но почему это тебя расстроило? Я думаю, ты должна быть тронута этим.

— Я и была, — она наклонилась вперед. — Я была тронута. И я могла проследить каждую мысль в его голове. Один раз, когда он старался вернуть свои мысли к коду, к Вавилону-17, я сказала точно то, что он думал, чтобы показать, насколько я близка к нему. Я проследила за его мыслью, будто я читаю в его мозгу…

— Погоди минутку. Вот этого я не понимаю, как

ты могла точно знать, о чем он думает?

Она обхватила рукой подбородок.

— Вот как. Я сказала что-то о необходимости иметь больше информации для расшифровки этого языка. Он не хотел мне давать ее. Я сказала, что должна иметь ее, иначе не смогу продвинуться дальше, ведь это просто. Он чуть поднял голову — чтобы не покачать ею. Если бы он покачал головой, чуть поджав губы, чтобы он хотел сказать мне по-вашему?

Доктор Тиварба пожал плечами.

— «Но ведь это все не так просто».

— Конечно. Но он сделал один жест, чтобы избежать другого. Что это могло означать?

Тиварба покачал головой.

— Он избегал жеста, чтобы не показать, что простое дело не вызвало бы его появления здесь. Поэтому он поднял голову.

Тиварба предположил:

— Что-нибудь вроде: если бы это было так просто, мы не нуждались бы в вас.

— Точно. И я сказала ему это. Челюсти его сжались…

— От удивления?

— Да. Тут он на секунду подумал, что я читаю его мысли…

Доктор Тиварба покачал головой.

— Это просто, Ридра. То, о чем ты говоришь, это чтение мышечных реакций, и его можно осуществить очень успешно, особенно, если знаешь область, в которой сосредоточены мысли твоего собеседника. Вернись к тому, из-за чего ты расстроилась. Твоя скромность была возмущена вниманием этого… неотесанного солдафона?

Она ответила чем-то не очень скромным.

Доктор Тиварба покусал нижнюю губу.

— Я не маленькая девочка, — сказала Ридра. — К тому же он ни о чем грубом не думал. Я сказала его слова просто чтобы показать ему, насколько мы близки. Я думала, что он очарован. И если бы он понял эту близость так же, как я, у меня было бы к нему только доброе чувство. Только когда он ушел…

Доктор Тиварба вновь услышал хриплые нотки в ее голосе.

— …когда он ушел, последнее, что он подумал, было: «Она не знает, я не сказал ей об этом».

Глаза ее потемнели — нет, она слегка наклонилась вперед и полуприкрыла глаза, поэтому они стали казаться темнее. Доктор наблюдал это тысячи раз с тех пор, как исхудалую двенадцатилетнюю девочку направили к нему для

психотерапии, которая превратилась потом в дружбу. Но он так и не понял смысла этой перемены. Когда срок терапии официально кончился, он продолжал внимательно приглядываться к Ридре. Какое изменение происходит вместе с этим потемнением глаз? Он знал, что существует множество проявлений его собственной личности, которые она читает с легкостью. Он знал много людей, равных ей по репутации, людей влиятельных и богатых. Репутация не внушала ему почтения. Однако Ридра внушала.

— Он подумал, что я не понимаю, и что он ничего не сообщил мне. Я рассердилась. Это ранило меня. Все недопонимания, которые связывают мир и разделяют людей, обрушились на меня, ждали, чтобы я распутала их, объяснила их, а я не могла. Я не знаю слов, грамматики, синтаксиса. И…

Что-то изменилось в ее восточного типа лице, и он попытался понять, что именно:

— Да?

— Вавилон-17.

— Язык?

— Да. Вы знаете, что я называю моим профессиональным чутьем?

— Ты внезапно начинаешь понимать язык?

— Ну, генерал Форестер сказал мне, что то, что у меня в руках, не монолог, а диалог. Я этого раньше не знала. Это совпадало с некоторыми другими моими соображениями. Я поняла, что сама могу определить, где кончается одна реплика и начинается другая. А потом…

— Ты поняла его?

— Кое-что поняла. Но в языке заключено нечто, что испугало меня гораздо больше, чем генерал Форестер.

Удивление отразилось на лице Тиварбы.

— В самом языке?

Она кивнула.

— Что же?

Мускул ее щеки снова дернулся.

— Я знаю, где будет следующий несчастный случай.

— Случай?

— Да. Где захватчики (если это действительно захватчики, хотя я в этом не уверена) планируют произвести следующую диверсию. Но язык сам по себе, он… довольно странный.

— Как это?

— Маленький, — сказала она. — Крепкий. И плотно связанный… Это вам ничего не говорит? Относительно языка?

— Компактность? — спросил доктор Тиварба. — Я думаю, это хорошее качество разговорного языка.

— Да, — согласилась она, глубоко вздохнув. — Моки, я боюсь!

— Почему?

— Потому, что я собираюсь кое-что сделать и не знаю, смогу ли я.

— Если это достойно твоих стараний, то неудивительно, что ты немного испугана. А что это?

— Я решила это еще в баре, но подумала, что нужно сначала кое с кем посоветоваться. А это означает поговорить с тобой.

— Давай.

— Я решила сама разгадать всю загадку Вавилона-17.

Тиварба склонил голову вправо.

— Ибо я могу установить, кто говорит на этом языке, откуда говорит и что именно говорит.

Голова его пошла влево.

— Почему? Большинство учебников утверждают, что язык — это механизм для выражения мыслей, Моки. Но язык — это и есть мысль. Мысль в форме информации; эта форма и есть язык. Форма этого языка… поразительна.

— Что же тебя поражает?

— Моки, когда вы изучаете другой язык, вы узнаете, как другой народ видит мир, вселенную.

Он кивнул.

— А когда я вглядываюсь в этот язык, я вижу… слишком много.

— Звучит очень поэтично.

Она засмеялась.

— Вы всегда скажете что-нибудь такое, чтобы вернуть меня на землю.

— Но я делаю это нечасто. Хорошие поэты обычно практичны и ненавидят мистицизм.

— Только поэзия, которая пытается затронуть реальное, настоящая поэзия.

— Конечно. Но я все еще не понимаю. Как ты предполагаешь решить загадку Вавилона-17?

— Вы на самом деле хотите это знать? — она дотронулась до его колена. — Я возьму космический корабль, наберу экипаж и отправлюсь к месту следующего случая.

— Да, верно, у тебя есть удостоверение капитана межзвездной службы. Ты в состоянии взять корабль?

— Правительство субсидирует экспедицию.

— О, отлично. Но зачем?

— Я знаю с полдюжины языков захватчиков, и Вавилон-17 не из их числа. Это не язык Союза. Я

хочу узнать, кто говорит на этом языке, кто или что во вселенной мыслит таким образом. Как вы думаете, я смогу, Моки?

— Выпей кофе, — он протянул руку назад и вновь послал ей кофейник. — Это хороший вопрос. Нужно о многом подумать. Ты не самый стабильный человек во вселенной. Набор и руководство экипажем требует особого психологического склада — у тебя он есть. Твои документы, как я помню, — это результат твоего странного брака… хм, несколько лет назад. Но тогда ты руководила автоматическим экипажем. Теперь ты будешь руководить транспортниками?

Она кивнула.

— Я больше имею дело с таможенниками. И ты тоже более или менее к ним относишься.

— Мои родители были транспортниками. Я сама была транспортником до запрета.

— Верно. Допустим, я скажу: «Да, ты это сможешь сделать»?

— Я поблагодарю тебя и улечу завтра.

— А если я скажу, что мне нужно с неделю проверять твои психоиндексы, ты же в это время должна будешь жить у меня, никуда не выходить, ничего не печатать, избегать всяких приемов?

— Я поблагодарю. И улечу завтра.

Он нахмурился.

— Тогда зачем ты побеспокоила меня?

— Потому что, — она пожала плечами, — потому что завтра я буду дьявольски занята и… у меня не будет времени попрощаться с вами.

— Ага, — его напряженное хмурое выражение сменилось улыбкой.

И он вновь подумал о майне-птице.

Ридра, тоненькая тринадцатилетняя девочка, застенчивая, прорвалась сквозь тройные двери рабочей оранжереи с новой вещью, называемой смехом, и открыла, как производить его ртом. И он был по-отцовски горд, что этот полутруп, отданный под его опеку шесть месяцев назад, вновь стала девочкой с по-мальчишески остриженными волосами, с дурными настроениями и вспышками раздражения, с вопросами, с заботами о двух гинейских свиньях, которых она называла Ламп и Лампкин. Ветерок от кондиционера пошевелил кустарники у стены, и солнце просвечивало сквозь прозрачную крышу. Она спросила:

— Что это, Моки?

И он улыбаясь ей, испятнанный солнцем, в белых шортах, сказал:

— Это майна-птица. Она будет говорить с тобой.

Скажи ей: «Здравствуй».

В черном глазу сверкала булавочная головка живого света. Перья сверкали, а из иголочного клюва высунулся тоненький язычок.

Птица наклонила голову, когда девочка прошептала: «Здравствуй!»

Доктор Тиварба две недели учил птицу при помощи свежевыкопанных земляных червей, чтобы удивить девочку. Птица проговорила: «Здравствуй, Ридра, какой хороший день, как я счастлива».

Крик.

Полная неожиданность.

Вначале он подумал, что она начинает смеяться. Но лицо ее исказилось, она начала почему-то колотить руками, зашаталась, упала. Крик разрывал ее легкие. Он побежал, чтобы подхватить ее, а птица, перекрикивая ее истерические рыдания, повторяла: «Какой хороший день, как я счастлива».

Он наблюдал и раньше у нее припадки, но этот был потрясающим. Когда позже он смог поговорить с ней об этом, она, побледневшая, с напряженными губами, просто сказала: «Птица испугала меня».

А спустя три дня проклятая птица вырвалась,

полетела и запуталась в антенной сети, которую они с Ридрой натянули для ее любительских радиоперехватов: она слушала гиперстатические передачи транспортных кораблей в этом рукаве Галактики. Крыло и лапа попали в горячую линию, так что искры были видны даже в солнечном свете. «Нужно достать ее оттуда!» — закричала Ридра. Но когда она взглянула на птицу, то даже под загаром стало заметно, что она побледнела. «Я позабочусь об этом, милая, — сказал он. — Ты просто забудь о ней». «Если она еще несколько раз ударится о линию, она погибнет».

Но он уже пошел внутрь за лестницей. А выйдя, остановился. На четыре пятых она уже вскарабкалась по проволочным вантам на дерево, закрывающее угол дома. Спустя пятнадцать секунд, она уже протягивала руку к перьям птицы, отдернула и снова протянула. Он знал, что она чертовски боится горячей линии, она сама коснулась ее. Полетели искры, но она собралась с духом и схватила птицу. Спустя минуту, она была уже во дворе, держа на вытянутых руках измятую птицу. Лицо ее казалось вымазанным известью.

— Возьмите ее, Моки, — сказала она чуть слышно дрожащими губами, — прежде, чем она что-нибудь скажет, и у меня снова начнется

припадок.

И вот теперь, тринадцать лет спустя, кто-то другой говорил с ней, и она сказала, что боится. Он знал, что она может пугаться, но знал и то, что она храбро может смотреть в лицо своим страхам.

Он сказал:

— До свидания. Я рад, что ты меня разубедила. Если бы ты не пришла, я бы совсем сошел с ума.

— Это вам спасибо, Моки, — ответила она. — Я все еще испугана.

3

Давид Д. Эплтон, который редко называл себя полным именем — он был чиновником из Таможни — взглянул на приказ через очки в проволочной оправе и потер рукой коротко остриженные волосы.

— Что ж, приказ разрешает это, если вы хотите.

— И?

— И он подписан генералом Форестером.

— Я думаю, вы присоединитесь к этой подписи.

— Но я должен одобрить…

— Тогда идемте со мной и одобрите на месте. У меня нет времени посылать вам отчет и ждать одобрения.

— Но ведь так нельзя…

— Можно. Идемте со мной.

— Но, мисс Вонг, я не хожу в транспортный город по ночам.

— Я приглашаю вас. Боитесь?

— Нет. Но…

— Мне к утру нужно иметь корабль и экипаж. Видите подпись генерала Форестера?.. Все в по-

рядке?

— Надеюсь.

— Тогда идемте. Экипаж должен получить одобрение.

Настаивающая Ридра и неуверенно возражающий человек покинули бронзово-стеклянное здание.

Почти за шесть минут монорельсовый вагон доставил их на место. Здесь улицы были гораздо уже, а в небе висел постоянный вой транспортных кораблей. Между зданиями складов и контор были разбросаны жилые дома и меблированные комнаты. Поперек проходила большая улица, гремящая движением, запруженная толпами свободных от работы грузчиков и космонавтов. Они проходили мимо неоновых реклам разнообразнейших развлечений, мимо ресторанов многих миров, мимо баров и публичных домов. В давке таможенник втянул плечи и ускорил шаг, чтобы не отстать от широко шагающей Ридры.

— Где вы хотите искать?

— Пилота? Именно его я хочу подобрать в экипаж первым, — она остановилась на углу, засунув руки в карманы кожаных брюк, и осмотрелась.

— У вас есть какой-нибудь план?

— Я думала о нескольких кандидатах. Сюда.

Они свернули в узкую улочку, тесную и ярко освещенную.

— Куда мы идем? Вы знаете этот район?

Она засмеялась, взяла его за руку и легко, как танцор партнершу, повернула к металлической лестнице.

— Сюда?

— Вы никогда не были здесь раньше? — заметила она с наивным рвением, которое на какое-то мгновение заставило его подумать, что он охраняет ее.

Он покачал головой.

Навстречу им из подземного кафе поднимался чернокожий человек с красными и зелеными драгоценными камнями, усеивающими его грудь, лицо, руки и бедра. Влажная оболочка, тоже усеянная драгоценными камнями, отлетела от его рук.

— Эй, Лом!

— Капитан Вонг! — голос его был груб, белоснежные зубы остры, как иглы. Он повернулся к ней. Его паруса распростерлись за ним. Заостренные уши двинулись вперед. — Зачем вы здесь?

— Лом, сегодня вечером борется Брасс?

— Хотите взглянуть на него? Да, с Серебряным Драконом, интересная схватка. Эй, я искал вас

на Денебе. Купил вашу книгу. Много читать не смог, но купил. Я не нашел там вас. Где вы были шесть месяцев?

— На Земле, училась в Университете. Но теперь я снова отправляюсь!

— Вам Брасс нужен как пилот? Вы отправляетесь в Спецелли?

— Верно.

Лом обхватил ее за плечи черной рукой, парус окутал ее, сверкая.

— Когда двинетесь к Цезарю, возьмите в качестве пилота Лома. Лом знает Цезаря, — он скривил лицо и покачал головой. — Никто не знает лучше.

— Обязательно, Лом. Но теперь Спецелли.

— Тогда вам нужен Брасс. Работали с ним раньше?

— Мы выпивали с ним, когда оба неделю находились в карантине на одном из планетоходов Лебедя. Похоже, он знает то, о чем говорит.

— Говорит, говорит, говорит, — засмеялся Лом. — Да, я помню. Вы «капитан, который говорит». Посмотрите схватку этого сына собаки, тогда вы будете знать, что он за пилот.

— Для этого я и пришла, — кивнула Ридра. Она повернулась к таможеннику, который

прижался за прилавком. «О, Боже! — подумал он. — Она собирается знакомить меня!». Но она с насмешливой улыбкой склонила голову и отвернулась. — Увидимся позже, Лом, когда я буду снова дома.

— Да, да, вы говорите это и говорили то же раньше, но я не видел вас шесть месяцев, — он засмеялся. — Но вы мне нравитесь. Возьмите меня к Цезарю когда-нибудь.

— Обязательно, Лом.

Острозубая улыбка.

— Обязательно, обязательно, говорите вы. Хорошо. До свидания, капитан… — он поклонился и поднял руку в салюте. — …капитан Вонг, — и ушел.

— Вы не должны бояться его, — сказала Ридра чиновнику.

— Но он… — подыскивая слово, он недоумевал: откуда она знает? — откуда он явился?

— Он землянин. Но родился он в пути от Арктура к одному из центров Центавра. Его мать была помощником капитана, если только он не выдумывает. Лом — мастер рассказывать сказки.

— Вы думаете, что вся его внешность — это косметохирургия?

— Да, — Ридра начала спускаться по лестнице.

— Но ради какого дьявола они делают это с собой? Они и так дикари. Ни один приличный человек не захочет иметь с ними дело.

— Моряки привыкли к татуировкам. К тому же Лому нечего делать. Сомневаюсь, чтобы у него в последние годы была работа.

— Он плохой пилот? Тогда что это за разговоры о туманности Цезаря?

— Я уверена, что он ее знает. Но ему уже сто двадцать лет. А после восьмидесяти рефлексы замедляются, и это конец пилотской карьеры. Он блуждает от одного портового города к другому, знает, что происходит со всеми, разносит сплетни и дает советы.

Они вступили в кафе по аппарели, проходившей в тридцати футах над головами посетителей, сидевших за столиками и у прилавка. Над ними парил дымный шар сорока футов в диаметре. Взглянув на него, Ридра сказала таможеннику:

— Сегодняшние игры еще не начались.

— Здесь происходит так называемая борьба?

— Да.

— Но ведь она считается незаконной.

— Закон так и не был принят. После обсуждения вопрос замяли.

— Ага, — и чиновник удивленно моргал, пока

они спускались между веселыми транспортными рабочими. Большинство было обычными мужчинами и женщинами, но результаты косметохирургии то и дело заставляли его таращить глаза.

— Я никогда не бывал раньше в подобном месте! — прошептал он.

Люди, похожие на рептилий и амфибий, разговаривали и смеялись с грифонами и сфинксами с металлической шкурой.

— Оставите свою одежду здесь? — улыбнулась девушка-контролер. Ее обнаженная кожа была зеленого цвета, груди, бедра и живот сверкали.

— Нет, — быстро проговорил таможенник.

— По крайней мере, снимите брюки и рубашку, — сказала Ридра, стягивая блузку, — не то люди узнают в вас чужака, — она наклонилась, сняла туфли и сунула их под прилавок. Начала расстегивать бюстгальтер, но поймала испуганный взгляд таможенника и застегнула вновь.

Он осторожно снял пиджак, рубашку и уже развязывал шнурки ботинок, когда кто-то схватил его за руку.

— Эй, таможня!

Перед ним стоял обнаженный человек огромного роста, с нахмуренным лицом, покрытом

оспинами. Единственным украшением его были механические огоньки, вживленные в грудь, плечи, ноги и руки и создававшие определенный рисунок.

— Вы меня?

— Что ты делаешь здесь, таможня?

— Сэр, я вас не трогал.

— А я тебя трону. Выпьем, таможня. Сегодня я настроен дружески.

— Очень благодарен, но я лучше…

— Да, я настроен дружески. А ты нет. И если ты не будешь дружески настроен, таможня, я тоже перестану.

— Но, я не… — он беспомощно взглянул на Ридру.

— Пошли. Выпьем со мной оба. Плата за мной. Мы будем настоящими друзьями, черт побери, — второй рукой он хотел схватить за плечо Ридру, но та перехватила его руку. Его ладонь раскрылась, обнажив множество шрамов, которые возникают при работе со стеллариметром.

— Навигатор?

Он кивнул, и она отпустила его руку.

— Почему вы так дружественно настроены сегодня вечером?

Одурманенный покачал головой. Волосы его

были собраны в пучок и перевязаны над левым ухом.

— Я дружественен только с таможней. А ты мне нравишься.

— Спасибо. Купи нам выпивку, и я отплачу тебе тем же. Он тяжело кивнул, его зеленые глаза сузились. Протянув руку, он коснулся золотого диска, свисавшего на цепи с ее шеи.

— Капитан Вонг?

Она кивнула.

— Очень рад, что встретил вас, — он засмеялся. — Идемте, капитан, я куплю кое-что, что сделает вас и таможенника веселыми…

Они направились к бару.

То, что в более приличной обстановке подают в маленьких стаканчиках, здесь наливают в кружки.

— На кого будете ставить в схватке: на Дракона или на Брасса? Только, если скажете, что на Дракона, я плюну вам в лицо. Я, конечно, шучу, капитан.

— Я ни на кого не ставлю, — сказала Ридра. — Я нанимаю. Вы знаете Брасса?

— Был навигатором с ним в последнем полете. Прибыли с неделю назад.

— Поэтому вы за него в этой схватке?

— Можно сказать и так.

Таможенник удивился.

— После рейса Брасс пропил все, — объяснила ему Ридра. — Экипаж теперь без работы. Сегодня вечером Брасс выставляет себя, — она вновь повернулась к навигатору. — Здесь много капитанов, ищущих пилота?

Он сунул язык под верхнюю губу, подмигнул, покачал головой и пожал плечами.

— Кроме меня вы не встречали капитанов здесь?

Кивок, большой глоток напитка.

— Как вас зовут?

— Калли, навигатор-2.

— Кто ваш первый и третий?

— Третий где-то здесь пьет. А первым была милая девушка, по имени Кетти О'Хиггинс. Она умерла, — он закончил выпивку и потянулся за следующей порцией.

— Сожалею, — сказала Ридра. — А от чего она умерла?

— Столкнулись с захватчиками. Выжили только Брасс, я, Третий и наш Глаз. Потеряли весь взвод, потеряли помощника. Чертовски хороший помощник. Капитан, это был плохой полет. Глаз остался без Уха и Носа. Они были лишены тела

уже десять лет и были всегда вместе. Рон, Кетти и я, мы составили тройку только несколько месяцев назад. Но даже и так, — он покачал головой, — очень плохо.

— Позовите вашего Третьего, — сказала Ридра.

— Зачем?

— Мне нужен полный экипаж.

Калли наморщил лоб.

— Но с нами нет больше Первого.

— И вы все время так и будете хандрить тут? Пойдем в Морг.

Калли хмыкнул.

— Если хотите видеть моего Третьего, то идемте.

Ридра и таможенник двинулись за ним.

— Эй, глупыш, обернись.

Парню, сидевшему на табуретке у прилавка, было не больше девятнадцати лет. Таможенник прежде всего разглядел путаницу металлических лат. Калли был большим, сильным, а этот…

— Капитан Вонг, это Рон — лучший Третий во всей солнечной системе.

…а этот Рон — маленький, тощий, со сверхъестественно выделявшимися жилами: грудные жилы, как пластины металла под натянутой восковой кожей; живот как опустевший рукав;

руки, как сплетенные кабели. Даже мускулы лица выделялись с обеих сторон челюстей. Он был непричесан, светловолос, глаза его были цвета сапфира, а единственным вмешательством косметохирургии была яркая роза, растущая на плече. Он улыбнулся, в знак салюта дотронулся указательным пальцем до лба.

— Капитан Вонг набирает экипаж.

Рон выпрямился на табурете, подняв голову, все мускулы его тела задвигались, как у змеи, что ползет к молоку.

Таможенник увидел расширившиеся глаза Ридры. Не понимая ее реакции, он не обратил на нее внимания.

— У нас нет Первого, — сказал Рон. Улыбка его стала печальной.

— Допустим, я найду вам Первого?

Навигаторы посмотрели друг на друга.

Калли обернулся к Ридре и потер кончик носа указательным пальцем.

— Вы знаете, что мы были тройкой…

Левой рукой Ридра сжала правую.

— И вы хотите, чтобы снова была тройка. Конечно, вы должны будете одобрить мой выбор.

— Ну, трудно подобрать…

— Почти невозможно. Но мы попробуем. Я ведь

только делаю предложения, но чертовски хорошие предложения. Что скажете?

Указательный палец Калли переместился от носа ко лбу.

— Вы не могли бы сделать лучшего предложения.

Ридра взглянула на Рона.

Юноша поставил ногу на табурет, согнув колено.

— Я скажу: посмотрим, кого вы нам предложите.

Она кивнула.

— Прекрасно.

— Вы знаете, не все понимают, что такое разбитая тройка, — Калли положил руку на плечо Рона.

— Да, но…

Ридра посмотрела вверх.

— Давайте следить за борьбой.

Люди вдоль стойки подняли головы. Те же, что сидели за столиками, откинули спинки у кресел и теперь полулежали.

Кружка Калли ударилась о прилавок, Рон обеими ногами забрался на табурет и облокотился на прилавок.

— На что они смотрят? — спросил таможен-

ник. — Разве кто-то…

Ридра положила ему руку на шею и что-то сделала: он рассмеялся и отвел голову. Потом сделал глубокий вздох и медленно выпустил воздух.

Дымный шар, висевший под сводом, осветился. Все помещение, наоборот, погрузилось в полутьму. Дым в шаре рассеялся, и стенки его оказались прозрачными.

— Что происходит, — недоумевал таможенник. — Это борьба… Ридра зажала ему рот рукой, он замолчал и затих.

Появился Серебряный Дракон с огромными крыльями; серебряные перья его были подобны лезвиям сабель, чешуйки на огромных бедрах тряслись, десятифутовое туловище изгибалось и колебалось в антигравитационном поле, зеленые глаза косили, серебряные веки опускались на зеленые же зрачки.

— Это женщина! — выдохнул таможенник.

Приветственный стук пальцев пронесся по залу.

Дым заклубился в шаре…

— Вот и наш Брасс! — прошептал Калли.

…и Брасс зевнул и затряс головой, его клыки слоновой кости блестели слюной, мускулы горели на плечах и руках; медные когти шести

дюймов длины выступали из плюшевых лап. Хвост кисточкой бил по стенкам шара. Грива, подстриженная, чтобы не дать противнику схватиться за нее, струилась, как вода.

Калли схватил таможенника за плечо.

— Стучи пальцами, стучи! Это же наш Брасс!

Таможенный чиновник чуть не сломал руку.

Шар осветился красным. Два пилота кружили лицом друг к другу по диаметру шара. Голоса замерли. Таможенник перевел взгляд с потолка на окружающих. Все лица были подняты. Навигатор Третий, казалось, превратился в узел мышц на прилавке. Ридра тоже взглянула на сжатые руки и стиснутые челюсти мальчика с розой на плече.

Наверху противники сжимались и разжимались, кружа друг против друга. Внезапное движение Дракона… Брасс отскочил, потом оттолкнулся от стены.

Таможенный чиновник схватил что-то.

Два тела столкнулись, сплелись, ударились о стену и отскочили рикошетом. Люди начали топать. Руки и ноги борющихся сплелись. Брассу удалось вывернуться, и он полетел к верхней стене арены. Тряся головой, он выпрямился. Внизу извивался Дракон, раздраженно взмахивая крыльями. Внезапно Брасс кинулся сверху

и ударил Дракона ногой. Дракон увернулся… Клыки-сабли щелкнули и промахнулись.

— Что они стараются сделать? — прошептал чиновник. — Как узнать, кто выигрывает? — он вновь посмотрел вниз: то, что он схватил, оказалось плечом Калли.

— Когда один отбросит другого на стену, а сам коснется другой стены лишь одной своей конечностью, — объяснил Калли не глядя вниз, — он выигрывает очко.

Серебряный дракон щелкнул свои телом, как освобожденная пружина; Брасс пронесся мимо и распростерся на стене, но когда Дракон отступил, он потерял равновесие, и вместо того, чтобы коснуться стены лишь одной задней ногой, задел ее обеими.

Вздох разочарования пронесся по аудитории. Оправившись, Брасс прыгнул и оттолкнул Дракона к стене, но отдача была слишком сильной, и он тоже коснулся стены тремя конечностями.

Вновь схватка в центре. Дракон рычал, растягивался, шуршал чешуей. Брасс сердито смотрел, глаза его были подобны золотым монетам; он двигался вперед и назад.

Дракон ударил, серебряный вихрь пронесся над плечом Брасса. Брасс легко отклонился, перехва-

тил Дракона лапой и ударил в свою очередь.

Шар вспыхнул зеленым, а Калли застучал по прилавку.

— Смотрите, он покажет этой серебряной суке!

Конечности сплелись, когти ударились о когти. Еще дважды схватка оканчивалась вничью. Потом дракон ударил Брасса в грудь, отбросил его к стене, а сам удержался на кончике хвоста. Толпа внизу застонала.

— Нечестно! — закричал Калли, отталкивая прочь таможенника. — Черт возьми, нечестно это!

Но шар вновь озарился зеленым — официально Дракон выиграл очко.

Теперь они осторожно плавали в шаре. Дважды Дракон делал ложный выпад, но Брасс успевал убрать когти и не касался стены.

— Почему она не схватится с ним? — кричал вверх Калли, — она изведет его до смерти. Эй, схватывайся и борись!

Как бы в ответ Брасс прыгнул и ударил плечом; это был бы прекрасный удар, если бы Брасс не промахнулся, но Дракон схватил его за руку и чуть не бросил на пластиковую поверхность.

— Она не имеет права! — на этот раз крикнул таможенник. Он снова схватил за плечо Калли. —

Разве она может так делать? Я не думал... — Но он прикусил язык, потому что Брасс оттянул и ударил Дракона ногой, и тот распростерся на пластине, в то же время, Брасс удержался на одной ноге и теперь парил в центре шара.

— Вот оно! — закричал Калли. — Чистый выигрыш!

Шар вспыхнул зеленым. Раздались аплодисменты.

— Он выиграл? — спрашивал таможенник. — А он выиграл?

— Конечно! Идем, взглянем на него. Пошли, капитан.

Ридра уже пробиралась сквозь толпу. Рон прыгнул за ней, а Калли потащил вслед таможенного чиновника. Пролет крытой черной черепицей лестницы привел их в комнату, где несколько групп мужчин и женщин окружили лежавшего на диване Кондора — огромное существо красно-алого цвета. Кондор должен был сражаться с негром, одиноко стоявшим в углу. Открылся выход на арену, и в нем появился покрытый потом Брасс.

— Эй! — окликнул его Калли. — Эй! Это было здорово, парень! С тобой хочет поговорить капитан.

Брасс потянулся, потом с низким рычанием опустился на четвереньки. Он потряс гривой, потом узнал Ридру и глаза его удивленно расширились.

— Капитан Вонг! — его рот, растянутый из-за косметохирургически вживленных львиных клыков, не совсем справлялся с губными согласными. — Как я вам понравился сегодня вечером?

— Вполне достаточно, чтобы я захотела взять вас в качестве пилота в Спецелли, — она почесала желтый хохолок за его ухом. — Когда-то вы сказали, что хотели бы показать мне свое умение.

— Да, — кивнул Брасс, — но мне все еще кажется, что я вижу сон, — он отбросил львиную шкуру и протер шею и руки полотенцем. Поймав удивленный взгляд таможенника, добавил: — Всего лишь косметохирургия.

И продолжал обтираться.

— Покажите ему ваш психоиндекс, — сказала Ридра, — и он одобрит вас.

— Значит, мы отправляемся завтра, капитан?

— На рассвете.

Из пояса на животе Брасс извлек тонкую металлическую пластинку.

— Вот, таможенник.

Таможенный чиновник принялся изучать ри-

сунок. Из бокового кармана он извлек пластинку со стабильными обозначениями, но решил более точные измерения провести позже. Опыт говорил ему, однако, что Брасс вполне подходит как пилот.

— Мисс Вонг, я хочу сказать, капитан Вонг, как насчет их карточек? — он обернулся к Калли и Рону.

Рон потянулся за шею и почесал лопатку.

— Не беспокойся о нас, пока нет навигатора!

— Проверим их позже, — сказала Ридра. — А сначала нам нужно набрать экипаж.

— Вы будете набирать полный экипаж? — спросил Брасс.

Ридра кивнула. — Как насчет Глаза, что вернулся с вами?

Брасс покачал головой.

— Он потерял свои Ухо и Нос. Это была настоящая тройка, капитан. Он шесть часов висел снаружи, пока мы не доставили его обратно в Морг.

— Понимаю. А вы не можете рекомендовать кого-нибудь?

— Никого в особенности. Нужно просто пойти в Сектор Лишенных Тела и посмотреть там.

— Если вы хотите к утру иметь экипаж, лучше

начать сразу же, — сказал Калли.

— Идемте, — сказала Ридра.

Когда они направились к лестнице, таможенный чиновник спросил:

— Сектор Лишенных Тела?

— Да. Ну и что? — Ридра шла вслед за остальными.

— Это так… Ну, мне не нравится эта мысль.

Ридра засмеялась.

— Из-за мертвых? Они нас не обидят.

— Я знаю, что незаконно существу, обладающему телом, находиться в Секторе Лишенных Тела.

— В некоторых их частях, — поправила Ридра, и все засмеялись. — Но мы зайдем в эти части, если сможем.

— Хотите получить обратно одежду? — спросила девушка-контролер.

Люди остановились, чтобы поздравить с победой Брасса, хлопнуть его кулаком по спине и щелкнуть пальцами. Он набросил на себя накидку, окутал плечи, шею, руки, толстые бедра, помахал толпе и начал подниматься по лестнице.

— Вы действительно можете оценить пилота по его поведению в схватке? — спросил у Ридры чиновник.

Она кивнула.

— На корабле нервная система пилота непосредственно связана с приборами управления. Весь полет в гиперстасисе — это борьба пилота с течением стасиса. Он должен иметь отличные рефлексы, должен полностью владеть своим искусственным телом. Опытный транспортник точно может определить, как будет вести себя пилот в течениях гиперстасиса.

— Я слышал об этом, конечно. Но сам вижу впервые. Это… волнующее зрелище.

На тротуаре Брасс опустился на четвереньки рядом с Ридрой.

— Как насчет помощника и взвода?

— Мне хотелось бы иметь взвод проведших только один полет.

— Зачем таких зеленых?

— Я хочу тренировать их по-своему. Более опытные слишком устойчивые, и их не переучить.

— С группой, совершившей лишь один полет, может быть дьявольская масса проблем с дисциплиной. Не летал никогда с такими.

— Если я хочу получить взвод к утру, такой получить легче. Я направлю запрос во флот.

Брасс кивнул.

— Вы хотите получить их?

— Сначала я хочу проверить их со своим пилотом: может, у вас будут замечания.

Они проходили мимо уличного фонаря на углу. Ридра нырнула под пластиковый колпак. Минутой позже она делала заявку:

— …взвод для полета к Спецелли необходим к рассвету. Я знаю, что мало времени, но мне и не нужен опытный взвод. Всего лишь одно путешествие, — она выглянула из-под колпака и подмигнула спутниками. — Хорошо. Я позвоню позже, чтобы получить их психоиндексы для таможенного одобрения. Да, чиновник со мной. Спасибо.

Она вышла из-под колпака.

— Ближайший путь к Сектору Лишенных Тела здесь.

Пустынные улицы постепенно сужались, переплетаясь друг с другом. Затем началась бетонка, прерываемая металлическими башнями. Башни были опутаны проводами. Столбы голубоватого цвета чередовались с полутьмой.

— Это и есть?.. — начал таможенник и замолчал. Они постепенно замедляли шаги. На фоне тьмы между башнями появились красные сполохи.

— Что это?

— Передача. Идет всю ночь, — объяснил Калли. Слева от них вспыхнули зеленые огни.

— Передача?

— Быстрый обмен энергией в результате освобождения от тела, — начал многословное объяснение навигатор-2.

— Но я все еще не…

Теперь они шли между фосфоресцирующими столбами. Серебро, перевитое красными огнями, просвечивало сквозь индустриальный смог. Постепенно сформировались три фигуры: женщины с просвечивающими телами и проступающими скелетами смотрели на них пустыми глазами.

Таможенник отшатнулся: сквозь животы призраков просвечивали пилоны.

— Лица, — прошептал он. — Как только отворачиваешься, не можешь вспомнить, как они выглядят. Когда смотришь на них, они совсем как люди, но когда отводишь взгляд от них… — он затаил дыхание, проходя мимо призрака. — Не можешь вспомнить, — он смотрел им вслед. — Мертвые? — он покачал головой. — Вы знаете, уже десять лет как мой психоиндекс позволяет мне работать с транспортниками, как телесными, так и лишенными тел. Но я никогда близко не сталкивался с лишенными тела, не разговаривал

с ними. О, я видел изображения, и иногда даже проходил мимо них на улице. Но это…

— Существуют виды работ, — голос Калли так же отяжелел от алкоголя, как его плечи от мускулов, — виды работ на транспортных кораблях, которые нельзя поручить живым людям.

— Я знаю, знаю, — сказал таможенный чиновник. — Тогда вы используете мертвых.

— Верно, — кивнул Калли. — Как Глаз, Ухо и Нос. Живой человек, окунувшийся в волны гиперстасиса… ну, он сначала умрет, а потом сойдет с ума.

— Я знаю теорию, — резко ответил таможенник.

Калли внезапно схватил таможенника за щеку и притянул его лицо к своему.

— Ты ничего не знаешь, таможня, — тон у него был такой же, как и в первый раз в кафе. — Ты прячешься в своей таможенной клетке, в безопасном тяготении Земли, а Земля прочно держится за солнце. Солнце спокойно движется к Веге, и все прочно и установлено в этом спиральном рукаве… — он жестом указал на Млечный Путь, светящийся над городом. — Но ты никогда не бываешь свободен! — внезапно он опустил голову в очках и с покрасневшим лицом сказал: — Эх!

Тебе нечего мне сказать!

Навигатор ухватился за кабель, свисавший с бетона. Прозвучал звон натянутой струны. Низкая нота высвободила что-то в горле чиновника; его рот наполнился металлическим вкусом газа.

Он уже хотел выплеснуть свой гнев, но медные глаза Ридры были устремлены на него с враждебным выражением.

Она сказала:

— Он был частью тройки, — слова ее были спокойны, но взгляд не отрывался от лица таможенника, — он был в тесных, неразрывных эмоциональных и сексуальных взаимосвязях с двумя другими людьми. И один из них умер.

Голос ее остудил гнев таможенника, но он все же успел сказать:

— Извращение!

Рон склонил голову набок, мышцы его свидетельствовали о боли и возмущении.

— Существуют виды работ, — повторил он слова Калли, — которые на транспортных кораблях нельзя поручить двум людям. Эта работа слишком сложна.

— Я знаю.

Потом он подумал: «Я обидел парня...» Калли облокотился о балку. Что-то ворочалось во рту

чиновника.

— Вы хотите что-то сказать? — спросила Ридра.

Удивленный, он перевел взгляд с Калли на Рона и обратно.

— Мне жаль, прошу извинить меня.

Калли поднял брови, выражение его лица смягчилось.

— Я тоже погорячился.

Брасс, шедший сзади, проговорил:

— Центр передачи примерно в миле отсюда, дальше в Секторе. Там можно найти Глаз, Ухо и Нос, необходимые нам в Спецелли, — он улыбнулся таможеннику, оскалив свои клыки. — Это одна из ваших запретных частей. Там слишком много галлюцинаций и некоторые телесные этого не выдерживают.

— Это незаконно, я подожду вас здесь, — сказал чиновник. — Вы захватите меня на обратном пути. Тогда я одобрю их.

Ридра кивнула. Калли одной рукой обхватил талию пилота, другой — плечи Рона.

— Пошли, капитан, если хотите к утру иметь свою команду.

— Если мы в течение часа не найдем того, что нам нужно, мы вернемся, — сказала Ридра.

Таможенный чиновник следил, как они исчез-

ли за стройными башнями.

4

Призрачная фигура, глаза — бассейн, полный чистой воды, заговорила, и он ответил:

— Чиновник, мадам. Таможенный чиновник.

Вначале лицо ее приняло удивленное выражение, потом на нем отразилась боль, потом — изумление. Он ответил:

— Около десяти лет. А как долго лишены тела вы?

Она придвинулась к нему ближе. Резкие прозрачные черты лица. Много слов от нее.

— Да, это совсем ново для меня. Все кажется таким неопределенным. А вы?

Вновь от нее ответ, одновременно убеждающий и остроумный. Он улыбнулся.

— Да. Для вас, я думаю, не так неопределенно.

Ее легкость заразила его; она ли игриво дотронулась до его руки, он ли изумленно коснулся призрака, ощутив удивительную ровность ее кожи.

— Вы такая передовая. Я… я не привык к молодым женщинам, которые просто подходят и веду т… себя так.

В ее объяснении была чарующая логика, и он

ощутил ее ближе, еще ближе, еще…

— Ну, вы лишены тела, так что это — не имеет значения, но…

Она прервала его улыбкой, или поцелуем, или словом, передавая ему не юмор теперь, а крайнее изумление, страх, возбуждение; и чувство ее формы было вновь для него совершенно новым. Он пытался сохранить его, но напрасно… Она ушла! Она смеялась где-то вдали. Он стоял, ощущая ее смех, изумленный и пригвожденный этим изумлением, а связи его с ее чувствами слабели…

5

Когда они вернулись, Брасс окликнул его:

— Хорошие новости! Мы получили то, что нам было нужно.

— Экипаж явился сам, — объяснил Калли.

Ридра протянула ему три индексные карточки.

— Они через два часа будут на корабле. Что случилось? Давид Д. Эплтон взял карточку.

— Я… она… — больше он ничего не мог сказать.

— Кто? — спросила Ридра. Напряжение на ее лице постепенно рассеивалось по мере того, как он вспоминал.

Калли засмеялся.

— Суккуб! Пока мы ходили, он встретился с Суккубом!

— Да! — возглас от Брасса. — Посмотрите на него!

Рон тоже засмеялся.

— Это была женщина… мне кажется. И я могу вспомнить, что она говорила…

— И много она у вас взяла? — спросил Брасс.

— Взяла у меня?

Рон проговорил:

— Наверное, он не знает.

Калли улыбнулся навигатору-3, потом обратился к чиновнику:

— Загляните в ваш бумажник.

— Что?

— Загляните.

Недоверчиво он сунул руку в карман. Его металлическая коробочка щелкнула в руках.

— Десять… двадцать… но у меня было пятьдесят, когда мы уходили из кафе!

Калли расхохотался своим громким смехом. Он наклонился и обнял чиновника за плечи.

— Вы кончите тем, что станете настоящим транспортником.

— Но она… я… — пустота бумажника была так же реальна, как и любовная боль. А пустой бумажник — это так тривиально. На глазах его выступили слезы. — Но она была… она была… — спазм мешал ему договорить.

— Кем она была, друг? — спросил Калли.

— Она… была… — голос его был печален.

— Лишенные тела… они такие, — сказал Брасс, — пользуются разными методами. Вы были бы поражены, если бы я сказал вам, сколько раз это случалось со мной.

— Она оставила вам достаточно, чтобы добрать-

ся до порта, — сказала Ридра. — Я вам возмещу потерю.

— Нет, я…

— Идемте, капитан. Он платит, он считает, что за это стоит заплатить, а, таможня?

Тот, смущенный, кивнул.

— Тогда проверьте их индекс, — сказала Ридра. — Нам осталось выбрать помощника и навигатора-1.

У общественного фона Ридра вновь вызвала флот. Да, взвод для нее подобран. Вместе с ним рекомендуется и помощник.

— Хорошо, — сказала Ридра и протянула фон чиновнику. Тот выслушал психоиндексы, сопоставил их с карточками Глаза, Уха и Носа, которые передала ему Ридра. Помощник выглядел вполне подходящим.

— Похоже, подбирал талантливый координатор.

— Помощник не может быть слишком хорошим. Особенно с новым взводом, — Брасс потряс своей гривой. — Ему придется держать этих парней в руках.

— Этот сможет. Я давно не видел такого высокого индекса совместимости.

— Что это за глупость? — спросил Калли. — Сов-

местимость, черт возьми! Может он дать ногой в зад, когда потребуется?

Чиновник пожал плечами.

— Он весит двести семьдесят фунтов, а рост его пять и девять.

Калли рассмеялся.

— Где мы будем залечивать раны? — спросил Брасс у Ридры.

Та вопросительно подняла брови.

— Искать навигатора-1, — объяснил тот.

— В Морге.

Рон нахмурился. Калли выглядел удивленным. Сверкающие насекомые окружили его шею, потом вновь перебрались на грудь.

— Вы знаете, наш первый навигатор должен быть девушкой, и она должна быть…

— Она будет, — сказала Ридра.

Они покинули Сектор Лишенных тела и по монорельсу направились через руины Транспортного города, потом вдоль края поля космодрома. Темнота за окнами пересекалась синими сигнальными огнями. Корабли поднимались, становились на расстоянии синими, потом превращались в кровавые звезды на ржавом небе.

Первые минуты они продолжали шутить. Флюоресцирующий поток бросал зеленоватый отсвет

на их лица. Чиновник молчал и пытался вспомнить ее лицо, ее слова, ее тело. Но она ускользала, оставляя пустоту в мозгу.

* * *

Когда они вышли на открытую платформу станции Туле, с востока подул теплый ветер. Облака разошлись, показалась луна. Красный городской туман остался позади. Перед ними во тьме возвышался черный Морг.

Они спустились по ступеням и пошли по мертвому каменному парку. Вокруг возвышались скалы. Ничто не двигалось.

Дверь из листового металла терялась во тьме.

— Как вы войдете? — спросил чиновник, когда они подошли к двери.

Ридра сняла с шеи капитанский медальон, приложила его к небольшому диску на двери. Что-то загудело, вспыхнул свет и дверь скользнула в сторону.

Калли посмотрел на металлический свод.

— В этом месте замороженного транспортного мяса достаточно, чтобы обслужить сотню звезд и все их планеты.

— И таможенников, — добавил чиновник. — Разве кто-нибудь побеспокоится позвать чинов-

ника, решившего отдохнуть? — чистосердечно спросил он.

— Не знаю, для чего бы это, — ответил на это Калли.

— Иногда случается, — сухо заметил чиновник.

— Гораздо реже, чем с транспортниками, — сказала Ридра. — Дело в том, что работа таможенника — это наука. А транспортник, переходящий в гиперстасис от одного уровня к другому — это искусство. Через сотни лет, возможно, это и станет наукой. Отлично. Но сегодня человек, познавший тайны перехода, встречается все же гораздо реже человека, изучившего законы науки. К тому же, вмешивается традиция. Транспортники привыкли к работе с мертвыми или ожившими. А для таможенников это трудно… Здесь самоубийцы.

Они оставили главный вестибюль и пошли по коридору, поднимавшемуся вверх и приведшему их в большое помещение. Это был огромный, ярко освещенный зал. Стены его уходили вверх на сотню футов и были уставлены стеклянными ящиками-гробами. За затянутыми изморозью стеклами — темные неподвижные фигуры.

— Во всем этом деле, — прошептал чиновник, — мне не понятно их возвращение. Разве

любой умерший может вернуться к жизни и телу? Вы правы, капитан Вонг, для таможенника неприлично говорить о таких вещах.

— Любой самоубийца, который лишается тела, через регулярные каналы Морга может быть возвращен к жизни. Но случается смерть, когда Морг не может восстановить тело, или смерть от старости, которая ждет каждого из нас в возрасте около ста пятидесяти лет — это смерть окончательная. Но в данном случае, если вы проходите по обычным каналам, запись вашего мозга сохраняется и ваши мыслительные способности могут быть восстановлены, хотя сознание ваше исчезает.

Рядом с ними сверкал розовым кварцем двенадцатифутовый кристалл регистатора.

— Рон, — позвала Ридра. — Нет, Рон и Калли.

Удивленные навигаторы выступили вперед.

— Вы знаете какого-нибудь первого навигатора, который умер сравнительно недавно и думаете, что мы можем…

Ридра покачала головой. Она провела рукой по кристаллу регистратора, загорелись слова: «НАВИГАТОР-2». Она провела рукой, изменив ее положение. «НАВИГАТОР-1». Она провела рукой в другом направлении. «МУЖЧИНА, ЖЕНЩИНА».

— Теперь говорите со мной, Рон, Калли.

— О чем?

— О вас, о том, чего вы хотите.

Глаза Ридры переходили с экрана на навигаторов и обратно.

— Гм… — Калли почесал голову.

— Хорошенькая, — сказал Рон. — Хочу, чтобы она была хорошенькая, — он наклонился вперед, в его глазах вспыхнул огонь.

— О, да, — сказал Калли, — но она не может быть красивой, полной ирландской девушкой с черными волосами и агатовыми глазами, с веснушками, появляющимися через четыре дня после начала полета. Она не может говорить так, что у вас начинает кружиться голова, и кружится она даже тогда, когда она просто разговаривает с компьютером, а когда она держит вашу голову в руках и говорит, как ты ей необходим…

— Калли!

Это выкрикнул Рон.

Огромный человек замолчал, сжав кулаки и тяжело дыша.

Ридра ждала, медленно, сантиметр за сантиметром водя пальцами по поверхности кристалла. На экране вспыхивали и гасли имена.

— Но хорошенькая, — повторил Рон, — и чтобы любила борьбу и любила спорт. Кетти не была

очень атлетичной. Я часто думал, что для меня было бы лучше, если бы она была спортивная. Я лучше разговариваю с людьми, любящими борьбу. Серьезная в работе. И быстро думающая, как Кетти. Только…

Рука Ридры медленно двигалась влево.

— Только, — сказал Калли, опустив руки, дыхание его стало спокойнее, — пусть это будет новая личность, совсем новая, и в ней не будет ничего от той, которую мы помним. Пусть она заменит нам…

— Да, пусть она будет хорошим навигатором и любит нас.

— Если она будет такой, как вы хотите, — спросила Ридра, рука ее колебалась между двумя именами на экране, — вы полюбите ее?

Колебание, медленный кивок огромного человека, быстрый — юноши.

Рука Ридры замерла на кристаллической поверхности, на экране вспыхнуло имя: МОЛИТВА, навигатор-1. Далее следовал ряд цифр. Ридра набрала их на циферблате.

Что-то сверкнуло над ними на высоте семидесяти пяти футов. Индукционный луч подхватил один из стеклянных гробов в стене.

Гроб, подхваченный за концы, опускался, его

прозрачная поверхность затуманилась. Он покачнулся, замер, опустился и щелкнул.

Изморозь на внутренней поверхности растаяла, превратилась в капли. Все подошли ближе, глядя на гроб.

Темная лента на темном. Движение под сверкающей поверхностью, затем крышка раздвинулась, обнажив теплую кожу и испуганные глаза.

— Все в порядке, — сказал Калли, трогая ее за плечо.

Она подняла голову, взглянула на его руку и вновь опустилась на подушки. Рон стоял над навигатором-2.

— Привет, — сказал он.

— Гм… Мисс Тва? — спросил Калли. — Вы снова живы. Вы полюбите нас?

— Нини ни нани? — лицо ее было удивленным. — Нико вапи хапа?

Рон удивленно посмотрел на всех.

— Думаю, она не говорит по-английски.

— Да, я это знаю, — улыбнулась Ридра. — В прочих отношениях она совершенство. Таким образом, у вас будет время узнать друг друга прежде, чем вы сможете сказать что-нибудь глупое про борьбу, Рон.

Рон смотрел на молодую женщину в гробу.

Ее волосы цвета графита были подстрижены по-мальчишечьи, полные губы побледнели от холода.

— Вы сами боретесь?

— Нини ни нани? — спросила она вновь.

Калли убрал руку с ее плеча, сделал шаг назад. Рон почесал затылок и нахмурился.

— Ну? — спросила Ридра.

Калли пожал плечами.

— Не знаю.

— Навигационное оборудование стандартно. В этом отношении никаких затруднений не будет.

— Она хорошенькая, — сказал Рон. — Вы хорошенькая. Не бойтесь, вы снова живы.

— Нипаогана! — она схватила Калли за руку. — Джи, ни усику ани мхона? — глаза у нее широко раскрылись.

— Пожалуйста, не бойтесь. — Рон схватил ее руку, которой она сжимала руку Калли.

— Силеви лугха йену, — она покачала головой, жест ее выражал не отрицание, а только недоумение. — Сикуджувени нини нани. Нинаонано…

С видом тяжелой утраты Рон и Калли кивнули в знак отрицания.

Ридра сделала шаг вперед и заговорила.

После долгого молчания женщина, ни слова не

говоря, кивнула.

— Она говорит, что пойдет с вами. Она потеряла двух членов экипажа семь лет назад. Они были убиты захватчиками. И поэтому она пришла в Морг и убила себя. Она говорит, что хочет идти с вами. Вы примете ее?

— Она все еще боится, — сказал Рон. — Не бойтесь, пожалуйста. Я не обижу вас. И Калли тоже.

— Если она пойдет с нами, — сказал Калли, — мы возьмем ее.

Таможенный чиновник кашлянул.

— Могу я получить ее психоиндекс?

— Вот он, на экране.

Чиновник подошел к экрану.

— Ну, — он извлек блокнот и начал переписывать цифры, — на это потребуется некоторое время.

— Действуйте, — сказала Ридра.

Он произвел необходимые вычисления и сказал, удивленный вопреки своему желанию:

— Капитан Вонг, я думаю, ваш экипаж укомплектован.

6

Дорогой Моки!

Когда вы получите это письмо, я уже два часа буду в полете. Через полчаса рассвет, и мне хочется поговорить с вами, а будить вас опять я не хочу.

С чувством ностальгии поднимусь я на борт старого корабля с Фобоса под наименованием «Рембо» (это название — идея Мусла, помните?). Имя это вызывает во мне множество воспоминаний.

Я отправляюсь через двадцать минут.

Настоящее положение: я сижу в грузовом шлюзе в переносном кресле и смотрю на поле. Небо к западу усеяно звездами, а к востоку посерело. Черные иглы кораблей возвышаются вокруг меня. К востоку уходят линии голубых сигнальных огней. Сейчас все спокойно.

О чем я думаю: лихорадочная ночь набора экипажа провела меня через весь транспортный город, через Морг, по подземке и монорельсу и т. д. Громкая и шумная вначале, спокойная и тихая в

конце.

Чтобы получить хорошего пилота, нужно увидеть его в борьбе. Опытный капитан точно оценит рефлексы пилота, наблюдая за его действиями на арене. Но я не настолько опытна.

Помните, что вы говорили о чтении мышечной реакции? Может, вы более правы, чем думали сами. Этой ночью я встретилась с юношей, навигатором. Наверное, Микеланджело хотел видеть таким человеческое тело. Он родился в транспорте и отлично знает борьбу. Поэтому я следила за тем, как он наблюдал за борьбой моего пилота. По его реакциям я получила полное представление о том, что происходит у меня над головой.

Вы знаете теорию Де Форе о том, что психоиндексы имеют соответствие в мускульных реакциях (модификация старой гипотезы Вильгельма Рейха о мускульных движениях), я думала о ней этой ночью.

Юноша, о котором я говорила, был членом разбитой тройки: двое мужчин и женщина, которая погибла в стычке с за-

хватчиками. Эти двое чуть не заставили меня закричать. Но я сдержалась.

Напротив, я взяла их с собой в Морг и нашла для них замену. Это было почти сверхъестественно. Я уверена, что они до конца жизни будут считать это колдовством. Впрочем, основные условия были заключены в регистраторе: навигатор-один, женщина, потерявшая двоих мужчин.

И как согласовать их индексы? Я уточнила психоиндексы Рона и Калли, глядя, как они говорят и действуют.

Трупы занесены в регистратор по психоиндексам, так что я должна была выбрать наиболее подходящий. Окончательный набор был гениальной идеей, если можно так сказать. Я отобрала шесть молодых женщин, подходящих по индексам. Но нужно было сделать окончательный выбор, и я его сделала.

Молодая женщина из провинции Игонда в Пан-Америка. Она покончила с собой семь лет назад. Потеряла обоих мужей во время нападения захватчиков и вернулась на Землю в разгар запрета. Вы

помните, какие тогда были политические отношения между Пан-Америкой и Американзией — я была уверена, что она не говорит по-английски. И она действительно не говорила. Видите ли, их психоиндексы могли слегка противоречить друг другу. Но к тому времени, как они смогут понимать языки друг друга — а им придется этому научиться — их 0 1психоиндексы совпадут. Достаточно мудро?

Главная причина этого письма — Вавилон-17. Я говорила вам, что расшифровала его достаточно, чтобы знать, где будет следующее нападение. Двор Военного Союза в Армседже. Я хочу, чтобы вы на всякий случай знали, куда я направляюсь. Я хочу знать, какой тип мозга может пользоваться таким языком. И зачем? Я испугана, как ребенок, который боится жужжащей пчелы, но загадка забавляет меня.

Мой взвод прибыл час назад. Все привлекательные, милые, зеленые юнцы. Через несколько минут встречусь со своим помощником (он толстый увалень с

черными глазами, волосами и бородой, двигается медленно, а думает быстро).

Вы знаете, Моки, собирая этот экипаж, я заботилась об одном (помимо компетентности, разумеется, они все компетентны) — они должны любить друг друга, они должны быть людьми, с которыми я могла бы говорить.

И они такие и есть.

Любящая вас Ридра.

7

Свет без теней. Генерал стоял на летающем блюдце. Разглядывая черный корпус корабля он сошел со скользящего диска диаметром два фута, поднялся в лифте на сто футов к шлюзу.

Ее не было в капитанской каюте. Он столкнулся с толстым бородатым человеком, который направил его по коридору в грузовой люк. Генерал вскарабкался по лестнице и постарался выровнять дыхание.

При виде его Ридра улыбнулась.

— Генерал Форестер, я знала, что мы увидимся сегодня утром, — в руке она держала пакет.

— Я хотел увидеть вас… — он вновь начал задыхаться, — перед полетом.

— Я тоже хотела увидеть вас.

— Вы сказали, что если я дам вам разрешение предпринять эту экспедицию, вы скажете мне, где вы…

— Мой рапорт, который вполне удовлетворит вас, отправлен с утренней почтой, вы найдете его у себя на столе в штаб-квартире Администрации Союза.

— О! Понимаю.

— Вам нужно поторопиться. Мы отправляемся через несколько минут, — сказал она, улыбнувшись.

— Да. Конечно. Я уже был утром в штаб-квартире, а несколько минут назад по звездному фону получил краткое изложение вашего рапорта, и я только хочу сказать… — но он не сказал ничего.

— Генерал Форестер, однажды я написала стихотворение. Оно называется «Совет тем, кто хочет полюбить поэта». Начинается оно так:

Юноша, она будет издеваться
над твоим языком,
Девушка, он похитит твои руки…

Прочтите остальное сами. Оно в моей второй книге. Вы не захотите терять поэта по семь раз в день, это чертовски раздражает.

Он сказал:

— Вы знали, что я…

— Знала, и я рада.

— Когда я был штатским, мисс Вонг, и нас впервые направили в казармы, мы говорили о женщинах, только о женщинах. И однажды кто-то сказал об одной девушке: она так хороша, что не обязана ничего давать мне, достаточно только пообещать… — он позволил себе расхохотаться,

и хотя его плечи опустились на полдюйма, казалось, она стала выше на целых два. — Вот что я сейчас чувствую.

— Спасибо за это чувство, — сказала она. — Вы нравитесь мне, генерал. И обещаю вам, что вы по-прежнему будете нравиться мне, когда мы увидимся в следующий раз.

— Я… благодарю вас. Думаю, что это все. Спасибо… за знание и обещание, — а затем он спросил: — Теперь мне нужно идти?

— Старт через десять минут.

— Ваше письмо, — сказал он. — Я отправлю его.

— Спасибо, — она протянула ему письмо, он взял его, слегка задержав ее руку. Потом повернулся и вышел.

Через несколько минут она увидела, как его блюдце движется к бетонному зданию, освещенное лучами восходящего солнца.

Часть вторая. Вер Дорко

1

Затранскрибированный материал прошел сортирующий экран. У панели компьютера уже лежали четыре страницы определений, явившихся результатом ее размышлений над грамматикой. Прикусив нижнюю губу, она пробежала глазами таблицу частоты дифтонгов. К стене она прикрепила три листа, озаглавив их:

Возможная фонетическая структура…

Возможная фонематическая структура…

Семантические и синтаксические неясности…

В последнем листке заключалась проблема, которую необходимо было решить. Вопросы формулировались на основе данных двух первых листков.

— Капитан?

Она повернулась на пузырьковом кресле. Из входного люка выглядывала голова.

— Да?

— Что вы хотите на обед? — маленький кок был семнадцатилетним юношей. Из копны волос

на его голове торчали два косметохирургических рога. Кончиком хвоста он почесывал одно ухо.

Ридра пожала плечами.

— Ничего особенного. То же, что и взвод.

— Эти парни съедят жидкие органические отбросы, если я дам им их. Что вы скажете о запеченном фазане или о яичнице с дичью.

— У вас настроение кормить птицей?

— Ну… — он отпустил створку двери и теперь висел на карнизе, раскачиваясь вперед и назад. — Мне хочется приготовить что-нибудь из птицы.

— Если никто не возражает, давайте птицу, печеные яйца и бифштекс с помидорами.

— Сейчас будет готово!

— А на десерт — торт с клубникой.

Дьявол щелкнул пальцами и исчез.

Ридра засмеялась и повернулась к компьютеру.

Она изучала третий пример того, что могло бы быть синкопой, когда ее кресло внезапно откинулось назад. Записи взлетели к потолку. Она тоже взлетела бы, если бы не успела ухватиться за край стола. Плечи ее чуть не вывихнуло.

Каюта успокоилась. Ридра повернулась и увидела дьявола, разбившего колено о прозрачную стену.

Толчок.

Она откинулась на сморщенную спинку пузырчатого кресла. В интеркоме появилось лицо помощника.

— Капитан!

— Какого дьявола! — крикнула она.

Замигала лампа-сигнал перегрузки двигателей. Что-то вновь тряхнуло корабль.

— Каково положение?

Тяжелое, окруженное бородой лицо помощника, было напряжено.

— Воздух в порядке. Двигатели — в них какие-то затруднения.

— Если эти проклятые молокососы… — она щелкнула пальцами.

Флон, начальник секции двигателей сказал:

— Боже, капитан, что-то подхватило нас.

— Что именно?

— Не знаю. Двигатели А и В в порядке. Но двигатель С трясется как в лихорадке. Где мы сейчас?

— На первом часу полета между Землей и Луной. Мы даже не приблизились к Звездному центру-О. Навигаторы?

Еще один щелчок. Появилось темное лицо Молли.

— Где мы? — спросила Ридра.

Первый навигатор быстро подсчитала вероятную орбиту и указала ее двумя вероятностными логарифмическими кривыми.

— Мы были на орбите вокруг Земли, — послышался голос Рона. — Что-то сбило нас. Сейчас мы движемся по инерции.

— Как быстро и в каком направлении?

— Калли как раз пытается это определить.

Попробую выглянуть наружу, — Ридра вызвала сектор чувств. — Нос, как это пахнет?

— Воняет. Незнакомый запах.

— Вы что-нибудь слышите, Ухо?

— Ничего, капитан. Все течения стасиса в этом районе спокойны. Мы слишком близко к массе (примерно) большой гравитации. Слабое течение примерно пятидесяти спектров в сторону К. Но не думаю, чтобы оно унесло нас куда-нибудь далеко. Сейчас мы движемся в магнитосфере Земли по инерции от последнего толчка.

— На что это похоже, Глаз?

— На ведро угля. Что бы ни случилось, мы выбрали для этого мертвое местечко. Мне кажется все ж, что течение довольно сильное и может нас куда-нибудь унести.

Вмешался Брасс.

— Но я хотел бы знать, что происходит, прежде

чем мы погрузимся в это течение. И прежде всего, мне нужно знать, где мы.

— Навигаторы?

Сначала молчание. Потом появились три лица. Калли сказал:

— Мы не знаем, капитан.

Поле гравитации стабилизировалось. Пузырьковое кресло вернулось на место. Маленький дьявол покачал головой и замигал. С лицом, искаженным от боли, он прошептал:

— Что же случилось, капитан?

— Будь я проклята, если я знаю, — ответила Ридра. — Но я собираюсь узнать это.

Обед прошел в молчании. Взвод, все парни примерно двадцати одного года, производили впечатление немых, настолько мало шума они создавали. За столом офицеров навигаторы сидели напротив призрачных фигур лишенных тела из сектора чувств. Громоздкий помощник во главе стола наливал вино молчаливому экипажу.

Ридра обедала с Брассом.

— Не знаю, — она покачала головой, поворачивая в руках стакан. — Это был такой спокойный полет, безо всяких помех. И то, что случилось, произошло внутри корабля.

Дьявол с перевязанной ногой, с сомнением на

лице, внес торт, обслужил Ридру и Брасса, потом вернулся к столу взвода.

— Итак, — сказала Ридра, — мы вращаемся…

— Каково положение?

— Мы вращаемся вокруг Земли, все наши приборы не действуют, и мы даже не можем определить свое местонахождение.

— Приборы гиперстасиса в порядке, — напомнил ей Брасс. — Мы не знаем, где мы по эту сторону прыжка.

— Но мы не можем прыгнуть, если не знаем расчетного пункта прыжка, — она осмотрела столовую. — Как вы думаете, есть надежда выбраться отсюда?

— Вероятно, капитан.

Она поднесла стакан к губам.

— Если ничего не придумаем, мы в течение шести месяцев будем есть отличную пищу Дьявола, а потом задохнемся. Мы не можем даже послать сигнал бедствия, пока не войдем в гиперстасис. Я спросила навигаторов, могут ли они что-нибудь придумать, но они не могут. Они лишь смогли определить, что мы движемся по большому кругу.

Нам следовало бы иметь окна, — продолжала Ридра. — Тогда мы взглянули бы на звезды и

определили бы свою орбиту. Это заняло бы не больше двух часов.

Брасс кивнул.

— Вот что значат современные удобства. Иллюминатор и старинный сектант сослужили бы нам хорошую службу, но мы электронизированы по горло и вот сидим с неразрешимой проблемой.

— Кружение… — Ридра поставила стакан.

— Что?

— Дер Крайс, — сказала Ридра и нахмурилась.

— Что это? — спросил Брасс.

— Ратас, орбис или керхио, — она прижала ладонь к столу. — Круг, — сказала она. — Это слово «круг» на разных языках.

Смущение Брасса казалось ужасающим из-за его клыков. Сверкающая копна волос над глазами взъерошилась.

— Сфера, — продолжала она, — ил глобо, губбас, — она встала, — куле, куглут, кринг!

— И при чем тут языки? Круг это круг…

Но она со смехом выбежала из столовой.

В своей каюте она схватила записи перевода. Глаза ее пробегали по строчкам. Она нажала кнопку связи с навигаторами. Рон, вытирая крем со рта, сказал:

— Да, капитан? Что вы хотите?

— Часы, — сказала Ридра, — и… ящик шариков.

— Что? — спросил Калли.

— Вы сможете закончить торт позже. Встречаемся немедленно в Ж-центре.

— Ша-ри-ки, — удивленно произнесла Молли. — Шарики?

— Кто-нибудь из парней взвода обязательно принес ящик с шариками. Возьмите его и принесите в Ж-центр.

Она спрыгнула с разрушенной поверхности пузырькового кресла, прошла к люку, повернулась в седьмой радиальный проход и двинулась вниз по цилиндрическому коридору к большому сферическому помещению Ж-центра. Центр гравитации корабля, где всегда состояние свободного падения. Это была комната тридцати футов в диаметре. В ней были расположены чувствительные гравитационные приборы. Немного спустя в гравитационном проходе появились три навигатора. Рон нес сумку со стеклянными шариками.

— Лиззи просит вас вернуть шарики, когда они будут нужны: в первом полете она была провозглашена чемпионом и хочет подтвердить это звание.

— Если у нас получится, она, вероятно, уже вечером сможет снова играть.

— Получится? — хотела знать Молли. — Ваша идея?

— Да. Только в сущности это не моя идея.

— Чья же и что это за идея? — спросил Рон.

— Полагаю, она принадлежит кому-нибудь, говорящему на другом языке. Вот что нам предстоит сделать: разместить шарики по стенам комнаты в форме правильного шара, а затем сидеть с часами в руках, сидеть и следить.

— Зачем?

— Посмотрим, куда они направляются и сколько времени им потребуется для перемещения.

— Не понимаю, — сказал Рон.

— Наша орбита стремится к большой окружности вокруг Земли, верно? Это означает, что все в корабле совершает большую окружность, и если оставить эту вещь в покое, она автоматически отыщет свою орбиту.

— Верно. Ну и что?

— Помогите мне разместить эти шарики, — сказал Ридра. — У них железные сердечники. Нужно намагнитить стены, чтобы они удержали шарики на месте. Их нужно будет освободить все одновременно.

Рон, недоумевая, отправился подводить питание к стенам помещения.

— Все еще не понимаете? Ведь вы математики, расскажите мне о большой окружности.

Калли взял горсть шариков и принялся размещать их один за другим на стене.

— Большая окружность — это наибольшая окружность, которую можно проложить на данной сфере.

— Диаметр большой окружности равен диаметру сферы, — сказал Рон заканчивая свою работу.

— Сумма углов пересечений любых трех больших окружностей внутри топологически замкнутой сферы составляет пятьсот сорок градусов. Сумма углов «n» больших окружностей составляет n x 180 градусов, — Молли говорила по-английски, так как она начала изучать язык утром при помощи персонафикса. Голос ее звучал музыкально.

— Да, по сфере. Расскажите мне еще о пересечениях.

— Ну, — сказал Рон, — в любой данной сфере все большие окружности пересекаются друг с другом или являются конгруэнтными.

Ридра рассмеялась.

— Точно как эти, да? Есть ли еще какие-нибудь

окружности на сфере, которые будут пересекаться, как бы их не перемещали?

Все большие окружности имеют хотя бы две точки пересечения.

— Подумайте об этом с минуту и поглядите на шарики, они все перемещаются по большой окружности.

Молли внезапно оттолкнулась от стены с выражением понимания и хлопнула в ладоши. Она сказала что-то на кисвагили, и Ридра рассмеялась.

— Верно, — сказала она. Удивленным Рону и Калли она перевела: — Они движутся относительно друг друга, и их пути пересекаются.

Глаза Калли расширились.

— Верно, за четверть нашего пути по окружности они все же выравниваются по плоскости.

— Лежащей в плоскости нашей орбиты, — закончил Рон.

Молли нахмурилась и сделала решительный жест.

— Да, — сказал Рон, — искаженная плоскость окружности с выступами на каждом конце, по которым мы сможем рассчитать положение Земли.

— Мудро, а? — Ридра двинулась к выходу. — Мы сделаем расчеты, потом включим двигатели и

переместимся на семьдесят-восемьдесят миль без вреда для себя. Повторим расчеты и получим диаметр орбиты и нашу скорость. Это вся информация, которая нам необходима для определения нашего положения в отношении ближайшей гравитационной массы. Затем мы снова можем прыгнуть в стасис. Наши гравитационные инструменты для стасиса в порядке. Подадим просьбу о помощи и получим ее с ближайшей стасис-станции.

Восхищенные навигаторы присоединились к ней в коридоре.

— Считайте, — сказала Ридра.

При счете «ноль» Рон выключил магнетизм стен. Шарики начали свое медленное движение.

— Вы нас каждый день чему-нибудь учите, — сказал Калли. — Все это должен был предложить я. Это моя работа. Откуда вы взяли эту мысль?

— От слова «большая окружность» на… на другом языке.

— Язык? — спросила Молли. — Как это?

— Ну, — Ридра взяла металлическую пластинку и палочку-стилос. — Я немного упрощу и все же постараюсь показать. — Она начала чертить окружность. — Пусть она обозначается словом О. В данном языке имеется интонационная система

для выражения сравнительных размеров. Мы представим ее диалектическими знаками: меньший, обычный, больший. Что в таком случае обозначает О со значком меньше над ним?

— Наименьшую возможную окружность, — ответил Калли. — Это просто.

Ридра кивнула.

— Теперь представим себе, что слово, обозначающее обычный круг О со значком обычный над ним, сопровождается одним из двух символов: один из них означает, что окружность не соприкасается с другой, другой — пересечение окружностей: «–» или «+». Что означает О со значком больше над ним?

— Пересекающиеся окружности, — заметил Рон.

— А поскольку все большие окружности пересекаются, в этом языке слово для большой окружности всегда со знаком «больше» над ним. Эта информация заключена в самом слове. Точно так же «басстоп» (остановка) или «фоксхоул» (лисья нора) несут в английском ту информацию, которая в соответствующих французских словах — «ла Гаре» или «ла терриер» — отсутствует. «Большая окружность» — это сочетание несет в себе определенную информацию, но она недоста-

точна, чтобы вывести нас из затруднительного положения, в которое мы попали. Нам нужно перейти к другому языку, извлечь там необходимую информацию и решить, что делать.

— Какой же это язык?

— Не знаю его настоящего имени. Его условно называют Вавилон-17. Я мало о нем знаю, но из известного мне, следует, что его слова несут больше информации, чем четыре-пять живых языков вместе взятых, и в меньшем объеме.

Она коротко перевела это и Молли, руководствуясь ее минимальным знанием английского языка.

— А что такое этот «Вавилон-17»? — спросила Молли.

Ридра прикусила губу. Когда она сама задавала себе этот вопрос, мышцы ее живота напрягались, руки начинали судорожно двигаться, а в горле с болью застревали слова ответа. Так произошло и сейчас, но потом прошло.

— Не знаю. Но хочу узнать. Это и есть главная цель нашей экспедиции.

— Вавилон-17, — повторил Рон.

За ними кашлянул один из парней взвода.

— Что, Карлос?

Приземистый черноволосый Карлос был му-

скулистым юношей.

— Капитан, я хочу показать вам кое-что, — он переступал с ноги на ногу с юношеской неуклюжестью, тяжело отдуваясь после подъема. — Кое-что внизу, в трубе. Думаю, вы сами должны взглянуть на это.

— Помощник велел вам отыскать меня?

Карлос ткнул за спину большим пальцем.

— Угу.

— Вы трое сможете кончить с этим делом?

— Конечно, капитан, — Калли смотрел на сближающиеся шарики.

Ридра нырнула вслед за Карлосом. Они спустились по лестнице и, согнувшись, пошли по узкому коридору.

— Здесь, — сказал Карлос. Он остановился у оплетенной проводами стены и открыл встроенный в ней шкафчик. — Смотрите, — через пластиковую поверхность схемы проходила узкая трещина, — разбито.

— Как? — удивилась Ридра.

— Вот так, — он взял плиту и сделал сгибающий жест.

— Вы уверены, что она не сломалась сама по себе?

— Она не может, — сказал Карлос. — Когда она

на месте, она слишком хорошо закреплена. Ее нельзя сломать даже молотком. А здесь сосредоточены все цепи коммуникации.

Ридра кивнула.

— Дефлекторы гироскопических полей для маневров в обычном пространстве… — он открыл еще одну дверцу и извлек другую плиту. — Вот.

Ридра провела ногтем по разлому второй пластины.

— Кто-то на корабле сломал это, — сказала она. — Возьмите их в мастерскую. Скажите Лиззи, чтобы она починила их и принесла мне. Я сама поставлю их на место. И верну ей шарики.

2

Бросьте жемчужину в густое масло. Яркая желтизна постепенно исчезнет, предварительно сменившись красным. Таков и полет в гиперстасисе.

На панели компьютера Ридра раскладывала карточки. Словарь удвоился с начала путешествия. Она испытывала частичное удовлетворение. Слова, их значение становилось для нее все яснее.

Но на корабле был предатель. Вопрос, вакуум, где не было никакой информации — кто, как, почему? — эта пустота заполняла часть ее мозга, заставляя испытывать страдание. Кто-то сознательно сломал эти пластинки. Это подтвердила и Лиззи. Кто? Имена всех членов экипажа и рядом с каждым — вопросительный знак.

Бросьте драгоценный камень в груду драгоценностей. Таков выход из гиперстасиса в пространство Двора Военного Союза в Армседже.

Она сняла с коммуникационного щита чувствительный шлем.

— Пожалуйста, переведите для меня.

Глазок индикатора мигнул в знак согласия.

Каждый из лишенных тела воспринимал все элементики гравитационных и электромагнитных течений стасиса при помощи своих органов чувств, каждый по своему. Этих элементиков были мириады, и пилот вел свой корабль по этим течениям, как когда-то парусные корабли дрейфовали по океанам. Шлем давал возможность капитану увидеть то, что видели лишенные тела, конечно, в известных пределах.

Она надела шлем, закрыв глаза, нос и уши.

Покачиваясь в голубых, синих и цвета индиго волнах, плыли многочисленные станции и планетоиды, составляющие Двор Военного Союза. Музыкальные звуки сочетались с взрывами шума стасиса в микрофонах. Обонятельные эмиттеры давали смесь запахов косметики и горячего масла, к ним примешивался запах горелой корки. Три ее чувства были заполнены, она была оторвана от реальности. Потребовалось не менее минуты, чтобы собрать чувства воедино и подготовиться к их интерпретации.

— Все в порядке. На что я смотрю?

— Огоньки — это многочисленные планетоиды и кольцевые станции, составляющие Военный Двор, — объяснил ей Глаз. — Голубоватый цвет слева — сеть радаров, которая простирается до

стеллар-центра-42. Красные вспышки справа вверху — отражение Беллатрикса от полудюжины солнечных дисков, вращающихся на четыре градуса вне поля зрения.

— А что за низкий гул? — спросила Ридра.

— Корабельные двигатели, — объяснило Ухо. — Не обращайте внимания. Я перекрою этот звук, если хотите.

Ридра кивнула и гудение прекратилось.

— Это щелканье… — начало Ухо.

— Код морзе, — заключила Ридра. — Узнаю. По-видимому, устанавливают контакт два радиолюбителя.

— Верно, — подтвердило Ухо.

— Что так неприятно пахнет?

— Это запах гравитационного поля Беллатрикса. Вы не можете пользоваться стереообонянием, но горелая корочка лимона — это мощные фабрики, которые размещены в зеленом зареве справа впереди.

— Куда мы причалим?

— К звукам ми-минорной триады.

— К запаху горячего масла слева от нас.

— В один из этих белых кругов.

Ридра вызвала пилота.

— Все в порядке, Брасс, можно приземляться.

* * *

Летающее блюдце скользнуло к основанию корабля. Ридра легко удержалась на нем при тяготении в четыре пятых земного. Ветерок в свете искусственных сумерек отбрасывал назад ее волосы. Вокруг расстилался Главный арсенал Союза. Внезапно она вспомнила, что случайность рождения привела ее семью на территорию Союза. Будучи рожденной в другой галактике, она могла с такой же легкостью быть и захватчиком. Ее стихи были популярны в обеих воюющих сторонах. Она отбросила эту мысль. Не слишком мудро думать об этом в центре Двора Военного Союза.

— Капитан Вонг, вы прибыли под покровительством генерала Форестера?

Она кивнула, когда ее блюдце остановилось.

— Он оповестил нас, что вы эксперт по Вавилону-17.

Она снова кивнула. Рядом с ней остановилось другое блюдце.

— Я счастлив познакомиться с вами. Если вам нужна помощь, скажите — и она будет оказана.

Она протянула руку.

— Спасибо, барон Вэр Дорко.

Он поднял черные брови.

— Вы умеете читать геральдику? — он указал на герб на своей груди.

— Да.

— Это большое достижение, капитан. Мы живем в мире изолированных групп, каждая из них редко соприкасается с соседними, и каждая говорит, если можно так выразиться, на своем особом языке.

— Я говорю на многих языках.

Барон кивнул.

— Иногда мне кажется, капитан Вонг, что без захвата, без предмета, на котором Союз может сосредоточить свою энергию, наше общество распалось бы. Капитан Вонг… — он замолчал, лицо его выразило сосредоточенность, потом прояснилось. — Ридра Вонг?

Она кивнула, улыбаясь в ответ на его улыбку.

— Я не знал… — он протянул руку, как бы встречая ее вновь. — Но, конечно… — холодная вежливость его манер сменилась теплом. — Ваши книги, я хочу, чтобы вы знали… — предложение кончилось легким наклоном головы. Темные глаза расширились, а губы сложились в нечто вроде усмешки, и руки искали одна другую — все это свидетельствовало о беспокойном аппетите,

о голоде к чему-то… — Обед в моем доме будет подан в семь, — он прервал ее мысли своим приглашением. — Сегодня вечером вы обедаете со мной и баронессой.

— Спасибо. Но я хотела бы обсудить с моим экипажем…

— Я распространяю приглашение на всю вашу свиту. В вашем распоряжении конференц-зал в моем доме и все окружающие помещения, хотя они и не так удобны, как у вас на корабле, — красный язык извивался за белыми зубами, коричневые линии губ, подумала она, образуют слова с такой неторопливостью, с какой движутся челюсти каннибала.

— Пожалуйста, придите немного пораньше, чтобы я мог…

Она затаила дыхание, потом почувствовала себя глупой: сузившиеся зрачки свидетельствовали, что он зафиксировал ее замешательство, хотя и не мог понять его причины.

— …провести вас по всему Двору. Генерал Форестер высказал пожелание, чтобы вас ознакомили со всеми новинками, предназначенными для борьбы с захватчиками. И это большая честь, мисс Вонг. Здесь немало опытных офицеров, прослуживших много лет, которые не видели многое

из того, что вы увидите. Кое-что для вас будет скучным. По моему мнению, вас нужно ознакомить с самыми лакомыми кусочками. Некоторые из наших изобретений весьма остроумны. Ваше воображение все время занято.

— Я предпочла бы не навязываться вам, барон. «Этот человек распространяет на меня свою паранойю, — подумала она. — Мне это не нравится». — На корабле есть кое-какие проблемы, которые я должна…

— Приходите. Ваша работа намного облегчится, если вы примите мое гостеприимство, уверяю вас. Женщина с вашим талантом и внешностью будет пользоваться успехом в моем доме. И к тому же я чуть не умер, изголодавшись, — темные губы обнажили сверкающие зубы, — по интеллектуальному собеседнику.

Она уже собиралась еще раз вежливо отказаться, но барон сказал:

— Я жду вас вместе с экипажем до семи.

Летающее блюдце скользнуло над площадью. Ридра взглянула назад, на лифт, где ждал ее экипаж; силуэты людей вырисовывались на фоне искусственного вечера. Ее диск начал медленно подниматься ко входу в «Рембо».

— Ну, — сказала она маленькому коку, который

только накануне избавился от повязки, — сегодня вечером вы свободны. Помощник и экипаж идут со мной обедать. Проверьте манеры парней — каждый ли знает, каким ножом что едят и тому подобное.

— Салатная вилка маленькая, она лежит немного сбоку, — мягко начал помощник, поворачиваясь к взводу.

— А какая лежит за ней? — спросила Аллегра.

— Это для устриц.

— А есть ли у них вилки для устриц? — Флон потер губу костяшками пальцев.

— Полагаю, нам следует захватить с собой зубы.

Брасс положил лапу на плечо Ридры.

— Как вы себя чувствуете, капитан?

— Как поросенок на вертеле.

— Вы выглядите усталой, — сказал Калли.

— Наверное, слишком много работала. Сегодня вечером мы гости барона Вер Дорко. И думаю, нам можно немного расслабиться.

— Вер Дорко? — спросила Молли.

— Он координирует реализацию всех проектов, направленных против захватчиков.

— Значит под его руководством изготовляют самое секретное и самое большое оружие? —

спросил Рон.

— Не только. И маленькое, но смертоносное.

— Диверсии, — сказал Брасс (Ридра рассказала ему о предполагаемом саботаже). — Успешная их попытка в Военном Дворе сильно отразилась бы на наших действиях против захватчиков.

— Хуже может быть только, если они сумеют подложить бомбу в штаб-квартиру Администрации Союза.

— Вы можете остановить их? — спросил помощник.

Ридра пожала плечами, повернувшись к просвечивающим контурам лишенных тела членов экипажа.

— У меня есть идея. Послушайте, я попрошу вас немного пошпионить этим вечером. Глаз, я прошу вас остаться на корабле. Я хочу быть уверена, что на корабле только вы. Ухо, как только мы двинемся к берегу, станьте невидимым и не отходите от меня дальше, чем на шесть футов, пока мы не вернемся на корабль. Я хочу кое-что установить. Может, это просто мое воображение?

Глаз проговорил что-то зловещее. Обычно телесные могут разговаривать с лишенными тела только при помощи специальной аппаратуры. Иначе они тут же забывают сказанное.

Ридра решила эту проблему, немедленно переводя сказанное лишенным тела на язык басков прежде, чем они забудут. Оригинальные слова забывались, но перевод оставался. «Эти разбитые плитки не были вашим воображением» — вот что осталось в ее мозгу на языке басков.

Она оглядела экипаж с чувством грызущего ее беспокойства. Если бы один из этих парней или офицеров имел какие-нибудь психологические отклонения, это отразилось бы в его психоиндексе. Но кто-то из них был. Это ранило, как заноза, застрявшая в подошве и напоминающая о себе при ходьбе. Ридра вспомнила, как искала их ночью. Гордость, теплая гордость за то, как они исполняли свои обязанности, когда корабль мчался меж звезд.

И все же среди них был предатель.

Она вспомнила: «Где-то на Эдеме… где-то в Эдеме змей, червь…» Эти расколотые пластины сказали ей: змей хочет уничтожить не только ее, а весь корабль, его экипаж и все его содержимое, уничтожить медленно. Нет сверкающих во тьме лезвий, нет выстрелов из-за угла, нет веревки, набрасываемой на горло, когда она входит в темную кабину. Вавилон-17 — насколько хорош этот язык, когда дело идет о самой жизни?

— Помощник, барон попросил меня придти пораньше и осмотреть новейшие образцы оружия. Отведите парней к семи. Я ухожу немедленно. Ухо и Нос со мной.

— Есть, капитан, — ответил помощник.

Лишенные тела члены экипажа стали невидимыми.

Она вновь спустилась на лифте и встала на блюдце.

3

— Грубое нецивилизованное оружие, — барон указал на ряд пластиковых цилиндров в стеллаже, все увеличивающихся в размерах. — Стыдно тратить время на эти неуклюжие «новшества». Вот эта маленькая может разрушить площадь в пятьдесят квадратных километров. Большая оставляет кратер в сто пятьдесят миль диаметром и глубиной в двадцать семь миль. Варварское оружие. Мне не нравится его использование. Вот эта слева — более слабая: она взрывается один раз с силой, достаточной для разрушения части здания. Но главная часть бомбы остается нетронутой и прячется под развалинами. И шесть часов спустя она вновь взрывается с силой большой атомной бомбы. К этому времени к месту предыдущего взрыва стягиваются войска, ведется восстановительная работа, действует Красный Крест или как там его называют захватчики, многочисленные эксперты определяют размеры и причины разрушений. И вот — бах! Замедленный водородный взрыв и кратер в тридцать-сорок миль. Но все же это детское оружие. Я держу эти бомбы в своей коллекции, чтобы продемонстри-

ровать, как далеко мы ушли от них.

Ридра последовала за ним через арочный проход в подземный зал. Его стены были уставлены регистрационными шкафами, в центре зала находилась единственная витрина.

— Здесь моя гордость, — барон подошел к витрине и открыл прозрачную крышку.

— А что это такое? — спросила Ридра.

— На что, по-вашему, оно похоже?

— На… обломок скалы.

— Слиток металла, — поправил ее барон.

— Оно взрывается или оно твердое?

— Оно не грохнет, — заверил ее барон. — А его прочность на разрыв больше, чем у титановой стали, но у вас есть гораздо более твердые пластины.

Ридра хотела коснуться его рукой, потом передумала и спросила:

— Я могу взять и осмотреть его?

— Сомневаюсь, — ответил барон. — Попробуйте.

— Что же случится?

— Увидите сами.

Она хотела взять обломок. Рука ее остановилась в двух дюймах от его поверхности. Ридра попыталась приблизить руку, но не смогла. Она

нахмурилась.

— Минутку, — барон улыбнулся, беря в руки обломок. — Увидев его лежащим на земле, и не посмотрите на него, ведь верно?

— Отрава? — предположила Ридра. — Или это часть чего-то еще?

— Нет, — барон задумчиво поворачивал в руках этот предмет. — Только высоко избирателен. И хорошо повинуется, — он поднял руку. — Допустим вам нужен пистолет, — и в руке барона теперь был небольшой вибропистолет самой совершенной модели. Она таких еще не видела, — …или серповидный гаечный ключ, — теперь он держал ключ в фут длиной, — или мачете, — лезвие сверкнуло, когда он махнул рукой, — или маленький самострел, — у самострела был пистолетный курок и тетива не более десяти футов длиной. Стрела, однако, была вдвое длиннее самострела и оканчивалась наконечником в четверть дюйма.

— Это какая-то иллюзия, — произнесла Ридра. — Поэтому я и не могу коснуться его.

— Металлический штемпель, — сказал барон. На этот раз в его руке появился молоток с необыкновенной толстой головкой. Он ударил им по дну витрины, где лежало это «оружие», с резким звоном.

Ридра увидела круглую вмятину, оставленную головкой молотка. В середине вмятины было маленькое изображение герба Вер Дорко. Ридра провела пальцем по металлу, еще теплому от удара.

— Это не иллюзия, — сказал барон. — Этот самострел пробивает стрелой трехдюймовую доску на расстоянии сорока ярдов. А вибропистолет… Я думаю, вы знаете, что он может сделать.

Он держал этот предмет (теперь это вновь был обломок металла) над витриной.

— Возьмите его у меня.

Она подставила руку, он разжал пальцы, Ридра сжала свои, но обломок лежал в витрине.

— Это не фокус-покус. Просто он высоко избирателен и послушен.

Он притронулся к краю витрины и пластиковая крышка закрылась.

— Умная игрушка. Посмотрим что-нибудь еще?

— Но как оно действует?

— Мы сумели поляризовать сплав самых твердых элементов так, что он существует только в определенных воспринимающих матрицах. В остальных случаях они преломляются. Это означает, что помимо видимости этот сплав недо-

ступен для восприятия. Нет ни веса, ни массы: все это он имеет в потенции. Его можно пронести на любой корабль, направляющийся в гиперстасис, и оставить рядом с контрольными приборами. Два или три грамма этого сплава выводят из строя всю систему контроля за кораблем. Это главное назначение. Достаточно пронести его на борт корабля захватчиков, и об этом корабле можно больше не беспокоиться. Остальное — детская игра. Неожиданная способность поляризованной материи к запоминанию фигуры и формы, — они прошли по арочному проходу в другую комнату. — Структура любого предмета может быть кодифицирована на молекулярном уровне. В поляризованном состоянии каждая молекула вещества движется свободно. Дайте толчок, и она займет нужное положение, образуя новую систему, — барон оглянулся на витрину. — Очень просто… Там, — он махнул рукой в сторону регистрационных шкафов вдоль стен, — там есть настоящее оружие, примерно три тысячи структур, в которые может воплотиться вот этот обломок металла.

Оружие — это знак того, что можно сделать. В рукопашной ванадиевая проволока шести дюймов может быть смертоносным оружием.

Проткните ею внутренний угол глаза, рассеките по диагонали лобные доли, потом быстро выдерните ее, она рассечет мозжечок, вызвав общий паралич. Погрузите проволоку поглубже, она пересечет соединение со спинным мозгом. Смерть. Той же самой проволокой можно закоротить коммуникационный прибор 77-ОХ, который обычно используется на кораблях захватчиков.

Ридра почувствовала, как мускулы ее напряглись. Отвращение, подавляемое до сих пор, вырывалось наружу.

— Это помещение предназначено для Борджиа. Борджиа, — барон засмеялся, — мое прозвище отдела токсикологии. Здесь есть ужасные вещи, — он взял из стенного стеллажа стеклянный сосуд. — Чистый токсин дифтерии. Здесь достаточно, чтобы отравить целый город.

Но стандартная процедура вакцинации… — начала Ридра.

— Токсин дифтерии, моя дорогая. Токсин! В прошлом, когда инфекционные болезни были проблемой, вы знаете, осматривали тела жертв дифтерии и не обнаруживали ничего, кроме нескольких сотен тысяч бацилл — все они были в горле жертвы. Больше ничего. Любая из этих разновидностей бацилл в худшем случае мог-

ла вызвать лишь кашель. Потребовались годы, чтобы объяснить происходящее. Крошечные бациллы производили еще более крошечный продукт — самое смертоносное органическое вещество из всех, какие известны. Количество, необходимое для того, чтобы убить человека, тридцать или сорок человек, практически не определено. И до сих пор при всем развитии нашей науки единственный путь получения этого токсина — бациллы, — он указал на другую бутылку. — Цианид, старая боевая лошадь! Но вы слышите запах миндаля — вы голодны? Может быть приняться за коктейль?

Она быстро и резко покачала головой.

— А вот здесь деликатесы. Получены путем катализа, — он указал на следующие сосуды. — Цветослепота, полная слепота, тоновая глухота, полная глухота, атаксия, амнезия и тому подобное, — он опустил руку и улыбнулся, как голодный грызун. — И все они здесь под контролем… Видите ли, вся проблема заключается в том, чтобы любое из этих веществ применять в достаточно больших количествах. Любое из этих веществ вы можете пить стаканами и никакого вреда не будет, — он поднял последний сосуд и нажал кнопку на его конце. Послышался сла-

бый свист. — Пока это всего лишь безопасный стероид.

— Но он активизирует яды, которые производят эффект?

— Точно, — улыбнулся барон. — А катализатор добавляется в таких же дозах, как и токсин дифтерии. Содержимое голубого сосуда принесет вам боль на полчаса. Больше ничего. Зеленый сосуд — общая церебральная атрофия на неделю. Потом на всю оставшуюся жизнь жертва становится живым растением. Пурпуровый — смерть, — он поднял руку ладонью вверх и рассмеялся. — Я проголодался, — руки его упали. — Не хотите ли пообедать?

«Спроси его, что в следующей комнате», — сказала она себе, но эта мысль прозвучала на языке басков — сообщение от невидимых лишенных тела телохранителей.

— Когда я была ребенком, барон, — Ридра двинулась к двери, — вскоре после возвращения на Землю, меня взяли в цирк. Впервые я увидела рядом с собой столько удивительного. После окончания представления я целый час не хотела уходить домой. А что у вас в той комнате?

Удивленное движение лицевых мускул.

Она улыбнулась.

— Покажите мне.

Он наклонил голову насмешливо и вежливо в знак согласия.

— Современная война ведется на самых разных уровнях, — продолжал он, как будто не было никакого перерыва. — Кое-кто выигрывает войну, изготовляя достаточное количество мушкетов и боевых топоров, как вы видели в первой комнате; или правильно действуя шестидюймовой ванадиевой проволокой в коммуникационном приборе 77-ОХ. Впрочем, рукопашные схватки почти не встречаются. Оружие, принадлежности для выживания, и к этому плюс тренировка, помещение — двухлетняя активная деятельность космонавта обходится в три тысячи кредитов. Стоимость гарнизона в полторы тысячи человек — четыре миллиона. Этот самый гарнизон может жить и летать на трех боевых кораблях гиперстасиса, которые полностью оборудованные обходятся по полтора миллиона кредитов каждый — всего получается свыше девяти миллионов. Мы затратили около одного миллиона на подготовку одного единственного шпиона или саботажника. Это много дороже, чем обычно. А шестидюймовая ванадиевая проволока стоит треть цента. Война обходится дорого. И хотя на это

потребовалось время, штаб-квартира Администрации Союза начала понимать необходимость таких коварных расходов. Таким образом, мисс… капитан Вонг…

Они вновь были в комнате с единственной витриной, на этот раз семи футов высотой.

«Статуя», — подумала Ридра. Нет, настоящая плоть со всеми деталями мускулатуры и суставов. Нет, все же это статуя, человеческое тело — живое, мертвое или с приостановленной жизнью — не выглядит так.

— Таким образом, вы видите, что совершенный шпион необходим, — хотя дверь открывалась сама, с былой вежливостью барон поддерживал ее. — Это одна из наших наиболее дорогостоящих моделей. Стоит около миллиона. С некоторыми небольшими видоизменениями может стать частью нашего арсенала.

— Модель шпиона? — спросила Ридра. — Это робот или андроид?

— Вовсе нет, — они подошли к витрине. — Мы произвели с полдюжины ТВ-55. Это потребовало очень точной работы генетиков. Медицина достигла такого развития, что все умственно безнадежные остаются жить и производят потомство — ограниченные существа, кото-

рые не выжили бы сто пятьдесят лет назад. Мы тщательно подбираем родителей и затем при помощи искусственного осеменения получаем полдюжины зигот — три мужских и три женских. Выращиваем их в полностью контролируемом питательном окружении, ускоряя их рост при помощи гормонов и тому подобного. Их внешняя красота — результат экспериментального подбора. Великолепные создания, вы даже не представляете, на что они способны.

— Я однажды провела лето на ферме, — коротко сказала Ридра.

Кивок барона был резок.

— Мы и раньше использовали экспериментальную постройку мозга, поэтому знали, что получим. Но нам никогда не приходилось полностью воспроизводить жизнь, скажем, шестнадцатилетнего человека. Шестнадцать — это физиологический возраст, к которому мы приводим их за шесть месяцев. Сами посмотрите, какой великолепный образец. Рефлексы на пятьдесят процентов выше, чем у обычного человека его возраста. Мускулатура великолепна: после трехдневной голодовки он может поднять полуторатонный автомобиль. Подумайте, какое биологически совершенное тело использует до

девяноста процентов возможностей физической силы? Только это!

— Я думала, что стимулирование роста гормонами незаконно. Разве оно резко не сокращает продолжительность жизни?

— При той интенсивности, которую мы используем, сокращает на семьдесят пять процентов и более, — он мог бы точно так же улыбаться, следя за непостижимыми уловками какого-нибудь животного. — Но, мадам, мы производим оружие. Если ТВ-55 смогут функционировать двадцать лет на пределе интенсивности, это превзойдет средний срок службы боевого корабля на пять лет. Но какие возможности! Разыскать среди обычных людей такого, кто смог бы функционировать как шпион, кто захотел бы им быть — это значит искать на грани невроза и психоза. Хотя наличие психических отклонений вовсе не означает отсутствие определенных способностей, но такие личности крайне односторонни. Действуя в любой другой сфере, кроме узкой специализации, шпион окажется опасно неэффективным. А у захватчиков тоже есть психоиндексы, и они сумеют распознать шпиона там, куда мы захотим его послать. Пленный хороший шпион в десять раз опаснее плохого. Постгипнотическое внуше-

ние — ему нельзя сопротивляться. А ТВ-55 во всех отношениях регистрируется как совершенно психически нормальный индивид. Он владеет умением вести беседу, знает последние романы, политическую ситуацию, музыку и искусство; думаю, что он запрограммирован за вечер дважды произнести ваше имя — эту честь вы делите только с Рональдом Кваром. У него есть предмет, о котором он может говорить и час, и полтора — «группировка гантоглобина у марсуниалов». Наденьте на него нужную одежду, и он будет как дома на посольском приеме или за кофе на правительственной конференции высшего уровня. Он искусный убийца, специалист по всем видам оружия, которое вы видели до сих пор. У ТВ-55 знание многочисленных диалектов и жаргонов, владение многочисленными акцентами, он владеет арготизмами, касающимися половых взаимоотношений, азартных игр, спорта, он знает полу- и нелегальные анекдоты. Выпачкайте его куртку, натрите лицо маслом, наденьте на него комбинезон, и он сойдет за механика в любом из сотни стеллар-центров. Он может вывести из строя любую двигательную или коммуникационную систему, любой радар или систему контроля и оповещения, используемые захватчиками за

последние двадцать лет, орудуя всего лишь…

— Шестидюймовой ванадиевой проволокой?

Барон улыбнулся.

— Он может по желанию менять отпечатки пальцев и рисунок сетчатки глаза. Небольшая хирургическая операция увеличивает подвижность его лицевых мышц, и он может резко менять свою внешность. Химические, гормональные инъекции позволяют ему в течение считанных секунд менять цвет волос, если понадобится, свести их полностью или вырастить за полчаса новую шевелюру. Он хорошо знает психологию насилия.

— Пытка?

— Если угодно. Он полностью подчиняется людям, его создавшим; он готов уничтожить всех, кого ему прикажут уничтожить. И в этой прекрасной голове нет ничего, что склонило бы его к мысли о своем «я».

— Он… — она сама удивилась себе, говоря, — он прекрасен. Темные длинные ресницы, казалось, вот-вот задрожат, открываясь; тяжелые руки свисают вдоль обнаженных бедер; пальцы полусогнуты, как будто рука сжимается в кулак. Тусклое освещение витрины позволяло разглядеть чистую загорелую кожу. — Вы говорите, что

это не модель, он действительно жив?

— О, более или менее. Он скорее находится в состоянии транса йогов или гибернизации ящериц. Я могу активизировать его для вас — но уже без десяти семь. Не будем заставлять других ждать за столом.

Она перевела взгляд с витрины на тусклую натянутую кожу лица барона. Его нижняя челюсть под впалыми щеками непроизвольно вздрагивала.

— Как в цирке, — сказала Ридра. — Но теперь я старше. Идемте.

Потребовалось усилие воли, чтобы принять протянутую руку. Рука его была как сухая бумага и так легка, что Ридра едва не вздрогнула.

4

— Капитан Вонг! Я восхищена.

Баронесса протянула пухлую руку серо-розового цвета, казавшуюся обваренной кипятком. Ее пышные веснушчатые плечи были открыты, вечернее платье обнажало достаточную часть ее гротескно раздутой фигуры.

— У нас так мало интересного здесь, во Дворе, что когда кто-нибудь такой известный как вы наносит нам визит… — она широко улыбнулась, но толщина ее тестообразных щек превратила улыбку во что-то поросячье.

Ридра подержала мягкие податливые пальцы такое короткое время, какое только позволяли правила приличия, и вернула улыбку. Она вспомнила, как маленькой девочкой ей запрещали плакать, когда наказывали. Она должна улыбаться. Мышцы, при помощи которых баронесса произносила звуки, заплыли жиром. Хотя у нее был резкий голос, но звуки вылетавшие из тяжелых губ проходили как бы сквозь одеяло.

— Но ваш экипаж! Мы всех пригласили сюда. Двадцать один, теперь я знаю, сколько насчитывается в полном экипаже, — она одобрительно

повертела пальцами. — Но здесь только восемнадцать ваших людей.

— Я думала, что лишенные тела могут остаться на корабле, — объяснила Ридра. — Потребовалось бы специальное оборудование для разговора с ними, я решила, что они будут смущать ваших гостей. Для компании они слишком заняты собой, к тому же, они не едят.

— Лишенные тела? — баронесса дотронулась до лакированной путаницы своей высокой прически. — Вы имеете в виду мертвых? О, конечно. Я не подумала о них. Видите, как мы оторваны от остальных миров.

Ридра размышляла о том, есть ли у барона аппаратура для разговора с лишенными тела, а баронесса, наклонившись к ней, прошептала:

— Ваш экипаж всех очаровал! Можно начинать?

Слева от Ридры шел барон, рука его напоминала высохший пергамент, справа — тяжело дышащая баронесса. Так они прошли из белокаменного фойе в зал.

— Эй, капитан, крикнул Калли, увидев их. — Отличное место, а? — локтем он указал на заполненный людьми зал, потом поднял стакан, показывая свой напиток. Выпятив губы, он

одобрительно кивнул. — Капитан, позвольте предложить вам это, — он протянул пригоршню сэндвичей из мяса, сливок и чернослива, — он снова указал локтем, — мадам, сэр, — он перевел взгляд от баронессы к барону, — не хотите ли и вы? — он положил в рот один сэндвич и запил его глотком из стакана.

— Я подожду, пока принесут еще, — сказала баронесса.

Удивленная Ридра взглянула на хозяйку, но на ее мясистом лице была улыбка.

— Надеюсь, они вам нравятся? — спросила баронесса.

Калли проглотил.

— Да, — затем он скривил лицо, раскрыл губы, оскалил зубы и покачал головой. — Кроме этих соленых с рыбой. Они мне не нравятся, мадам. Но остальные хороши!

— Я скажу вам, — баронесса наклонилась и издала самодовольный смешок, — мне самой никогда не нравились соленые.

Она с усмешкой взглянула на Ридру и барона.

— Но что можно сделать с поставщиками провизии?

— Если мне что-то не нравится, — сказал Калли, вздергивая голову и подкрепляя этим свои

слова, — я говорю, чтобы мне этого не приносили больше.

Баронесса подняла брови.

— Знаете, вы совершенно правы! Именно это я и сделаю, — она взглянула на мужа. — Так я и скажу, Феликс, в следующий раз.

Разносчик с подносом сказал:

— Не хотите ли выпить?

— Ей не нравятся маленькие порции, — сказал Калли, указывая на Ридру. — Принесите такую же большую, как мне.

Ридра засмеялась.

— Боюсь, Калли, мне нужно быть сегодня леди.

— Ерунда! — воскликнула баронесса. — И я тоже хочу большую. Кажется, где-то здесь был бар.

— В последний раз я видел его там, — заметил Калли.

— Мы будем веселиться сегодня, — она взяла Ридру за руку ее в сторону. — Эта женщина с выбеленными волосами — доктор Киблинг. — А вот и мой двоюродный брат, Альберт. Я представлю их вам на обратном пути. Это все коллеги моего мужа. Они вместе работают над этими ужасными штуками, которые он вам показывал. Я хотела бы, чтобы он не держал коллекцию в доме. Это ужасно. Я всегда боюсь, что однажды ночью они

поползут сюда и перебьют нас. Я думаю, он делает их из-за нашего сына. Как вы знаете, мы потеряли нашего мальчика Найлза, уже восемь лет прошло. Но я слишком много говорю. Капитан Вонг, вы не находите нас ужасно провинциальными?

— Вовсе нет.

— Но вы еще мало нас знаете. О, яркие молодые люди, которые приходят сюда с их ярким живым воображением. Они целыми днями ничего не делают, только думают об убийствах. Ужасное общество! И почему все так? Вся их агрессивность выливается от девяти до пяти. Я считаю, что воображение должно быть направлено на что-нибудь другое, а не на убийство. Вы согласны?

— Да.

Они остановились возле столпившихся тут гостей.

— Что здесь происходит? — спросила баронесса. — Сэм, что они здесь делают?

Сэм улыбнулся, отступил и баронесса втиснулась в образовавшееся пространство, все еще держа Ридру за руку.

— Держите их снова! — Ридра узнала голос Лиззи. Кто-то отошел и она смогла видеть. Парни из секции двигателей расчистили пространство в десять футов и охраняли его, как молодые по-

лицейские. Лиззи сидела на корточках рядом с тремя юношами, по одежде которых Ридра узнала дворянство Армседжа.

— Вы должны понять, — говорила Лиззи, — что все дело в запястье, — она щелкнула ногтем большого пальца по шарику, тот ударил один шарик, другой, а один из сдвинутых первым ударил третий.

— Ну, попробуйте!

Лиззи подобрала еще один шарик.

— Нужно ударить так, чтобы шарик вращался. Все дело в запястье.

Шарик двинулся. Ударил, ударил, еще раз.

Пять или шесть человек зааплодировали. Ридра в том числе. Баронесса поднесла руку к груди.

— Прекрасный удар!

Просто прекрасный! — она опомнилась и оглянулась. — О, вы хотите посмотреть, Сэм. Вы ведь эксперт по баллистике, — она уступила ему свое место, повернулась к Ридре, и они двинулись дальше. — Вот. Вот поэтому я так рада, что вы и ваш экипаж пришли к нам вечером. Вы принесли с собой новое, яркое, интересное и свежее.

— Вы говорите о нас, будто мы салат, — Ридра рассмеялась. Аппетит баронессы уж наверняка должен быть отличным.

— Ну, если вы останетесь с нами немного подольше, мы съедим вас. У нас острый голод на то, что вы принесли с собой.

— Что же именно?

Они подошли к бару и взяли напитки. Лицо баронессы напряглось.

— Ну, вы… когда вы прибываете к нам, мы тут же начинаем узнавать все о вас и о себе.

— Не понимаю.

— Возьмите вашего навигатора. Он очень любит выпивку и закуски. Это больше, чем я знаю о привязанностях и неприязнях других в этой комнате. Предложи им шампанское — они пьют шампанское. Предложи им виски — пьют галлонами. А только что я открыла, — она потрясла своей полной рукой, — что все дело в запястье. Я никогда не знала этого раньше.

— Мы как и все говорим друг с другом.

— Да, но вы высказываете важные вещи. Что вы любите, что не любите, как нужно поступать. Вы на самом деле хотите познакомиться с этими мужчинами и женщинами, занимающимися убийствами людей?

— Нет.

— Я так и думала. А я не желаю беспокоиться. О, здесь есть трое или четверо, которые вам по-

нравятся. Но я познакомлю вас позже…

И она смешалась с толпой.

Ридра двигалась по открывавшимся в толпе просветам, поворачивала, если они закрывались, когда кто-нибудь встречался с кем-то, шел за выпивкой, прекращал разговор.

Потом она оказалась в углу, у спиральной лестницы. Она начала подниматься по ней и остановилась у второго поворота с желанием посмотреть на толпу сверху. Над ней была полуоткрытая дверь, из-за нее доносился свежий ветер. Она прошла туда.

Фиолетовый свет сменился искусственным, пурпурным. Облака. Вскоре на планетоиде наступит искусственная ночь. Влажная растительность прижималась к перилам. В одном конце лозы полностью закрыли белый камень.

— Капитан?

Рон, скрытый в тени листвы, сидел в углу балкона. «Кожа — не серебро, — подумала она, — но всегда, когда я вижу его таким, погруженным в себя, я думаю о слитке белого металла». Он поднял подбородок и прижался спиной к стене так, что в его волосах запутались листья.

— Что вы делаете?

Она кивнула, видя, как расправляются его пле-

чи, как играют мускулы, потом успокаиваются. С каждым вздохом движения юного изогнутого тела пели ей. Она с полминуты слушала это пение, а он смотрел на нее по-прежнему не вставая. Роза на его плече шептала с листьями. Послушав немного мускульную музыку, она спросила:

— Какие-то нелады между вами, Молли и Калли?

— Нет. Я думаю… только…

Она улыбнулась и наклонилась над перилами.

Он вновь опустил подбородок на колени.

— Наверное, они в порядке, но… я самый младший и… — внезапно он поднял плечи. — Как, во имя ада, вы поняли? Конечно, вы знаете о подобных делах, но на самом деле вы не можете знать. Вы описываете то, что видите. А не то, что делаете, — он теперь произносил слова скомкано, полушепотом. Она слышала его слова и видела, как дергается мускул у него на горле. — Извращенцы, — сказал он. — Так вы все считаете: барон и баронесса, и все люди, все, кто не может понять, почему тебе недостаточно только одного, почему тебе нельзя быть в паре. И вы тоже не можете понять.

— Рон?

Он ухватил зубами стебель и сдернул его с

куста.

— Пять лет назад, Рон, я была… в тройке.

Его лицо повернулось к ней, как будто кто-то дернул его за веревочку, потом дернулось назад. Он покусывал лист.

— Вы не транспортник, капитан. Вы просто используете корабли, но, использовав, забываете о них. Вы королева, да. Все на вас смотрят, но вы не транспортник.

— Рон, я пользуюсь известностью. Поэтому на меня и смотрят. Я пишу книги. Люди читают их и смотрят на меня, потому что хотят знать, кто же их написал. Таможенники не пишут книг. Я разговариваю с ними и таможенники смотрят на меня и говорят: «Вы транспортник», — она пожала плечами. — Но я не то и не другое. И тем не менее, я была в тройке. Я знаю.

— Таможенники не бывают в тройке, — сказал он.

— Два парня и я. Если я снова сделаю это, то предпочту девушку и парня. Я думаю, что так мне будет легче. Но я была в тройке целых три года. Это вдвое дольше, чем у вас.

— Ваши не погибли. А наша погибла. И мы чуть не погибли вместе с Кетти.

— Один был убит, — сказала Ридра. — Другой

умер при вспышке болезни Калдера. Не думала я, что так случится в моей жизни, но случилось…

В молчании он повернулся к ней.

— Кто они были? Таможенники или транспортники?

Она пожала плечами.

— Подобно мне: ни то и не другое. Фобо Ломке, он был капитаном межзвездного транспорта, он провел меня через все и добился для меня капитанских документов. Он также занимался исследованиями по гидронике, надеясь использовать ее в гиперстасисе. Какой он был? Он был стройный, светловолосый, очень эмоциональный, иногда даже слишком, и после возвращения попал в тюрьму, и мы его выкупили оттуда. В сущности, это случилось дважды, и мы целый год дразнили его этим. И ему не нравилось спать посередине, потому что он привык, чтобы одна его рука свешивалась.

Рон засмеялся.

— Он был убит при исследовании катакомб Ганимеда, когда мы втроем второе лето работали вместе в Юпитерианской Геологической службе.

— Как Кетти, — помолчав, сказал Рон.

— Мюэл Араплайд был…

— «Имперская звезда»! — воскликнул Рон,

удивленно раскрыв глаза. — «Комета Ио»! Что за плечи! Вы были в тройке с Мюэлем Араплайдом?

Она кивнула.

— Хорошие книги, правда?

— Дьявол, я читал их все, — сказал Рон. — Что он был за парень? Похож на «Комету Ио»?

— В сущности, «Комета Ио» — это Фобо. Фобо это не понравилось, я расстроилась, и Мюэл начал новый роман.

— Вы хотите сказать, что в этих романах правда?

Она покачала головой.

— Большинство книг — фантастические истории, которые могли бы случиться. Сэм был темноволос, задумчив, невероятно терпелив и невероятно добр. Он рассказал мне все о предложениях и абзацах — вы знаете, какое эмоциональное значение в тексте имеют абзацы, — и как отделять то, что хочешь сказать от подразумеваемого, и когда делаешь и то и другое… — она остановилась. — Потом он дал мне рукопись и сказал: «Теперь скажи мне, что вот здесь не в порядке со словами». Единственное, что я смогла ему сказать, — это то, что слов слишком много. Это было вскоре после смерти Фобо. Я тогда только начинала писать стихи. И я обязана Мюэлю,

если чего-то добилась. Мюэл подхватил болезнь Калдера четыре месяца спустя. Ни один из них не видел мою первую книгу, хотя большинство стихов из нее они знали.

Может быть, когда-нибудь Мюэл прочтет их. Он, может быть, даже напишет продолжение приключений «Кометы», может, он придет в Морг, вызовет запись моего мозга и скажет: «Ну, что здесь не в порядке со словами?». И я смогу тогда сказать ему больше, смогу сказать много. Но этого не будет… — она почувствовала, как ее захватывает опасная волна чувств.

— «Имперская звезда» и «Комета Ио», — Рон сидел, скрестив ноги, поставив локти на колени. — Как много радости принесли мне эти книги. Долгие ночи проводили мы над ними. Пили кофе, обшаривали камбуз, просматривали книжные шкафы. Мне они нравились.

— И мы все веселились, споря о том, кто будет спать посередине.

Это был ключ. Рон начал подниматься, его плечи распрямились.

— У меня оба, наконец, — сказал он. — Кажется, я должен быть счастлив.

— Может да, а может нет. Они *любят* вас?

— Говорят, что да.

— А вы любите их?

— Клянусь Богом. Я говорил с Молли, и она старалась что-то объяснить мне, хотя она еще не очень хорошо говорит, но потом я все же не понял, что она хочет сказать, — он распрямился и посмотрел вверх, как бы в поисках слов.

— Удивительно, — сказала она.

— Да, — он посмотрел на нее. — Удивительно.

— Вы и Калли?

— Дьявол, Калли большой старый медведь, я могу уронить его и играть с ним. Но дело в нем и Молли. Он все еще не может понимать ее. А поскольку я моложе, то он думает, что должен научиться быстрее меня. А он не может, потому держится в стороне от нас. Я всегда могу справиться с ним, в каком бы он не был настроении. Но она новенькая, и думает, что он на нее сердится.

— Хотите знать, что делать? — спросила Ридра спустя мгновение.

— Вы знаете?

Она кивнула.

— Это очень больно, потому что вам кажется, что вы ничем не можете помочь. Но это не так.

— Почему?

— Потому что они любят вас.

Он ждал.

— Калли впадает в дурное настроение, и Молли не знает, как к нему подступиться?

Рон кивнул.

— Молли говорит на другом языке, и Калли не понимает ее?

Он кивнул вновь.

— А вы можете разговаривать с ними обоими. Вы не можете быть посредником: это никогда не действует. Но вы можете научить каждого из них делать то, что можете вы.

— Научить?

— Что вы делаете с Калли, когда он в дурном настроении?

— Треплю за уши, — сказал Рон. — Это продолжается, пока он не начнет смеяться, и тогда я валюсь с ним на пол.

Ридра сделала гримасу.

— Неортодоксально. Но если действует, то хорошо. Покажите это Молли. Она спортивная девушка. Пусть попрактикуется сначала на вас, пока не будет получаться.

— Я не хочу, чтобы меня трепали за уши.

— Нужно иногда приносить жертвы.

Она старалась не улыбаться, но все же улыбнулась.

Рон потер лоб.

— Пожалуй.

— И вы должны Калли учить разговаривать с Молли.

— Но я сам иногда не знаю слов. Я догадываюсь иногда, но лучше, чем он.

— Если он будет знать слова, это ему сможет помочь?

— Конечно.

— У меня в каюте есть учебник киевагильского языка. Возьмите, когда мы вернемся на корабль.

— О, это будет отлично! — он остановился, слегка наклонив голову. — Только Калли не любит читать.

— Поможете ему.

— Научить его? — сказал Рон.

— Верно.

— Думаете, он будет учиться? — спросил Рон.

— Чтобы быть ближе к Молли? Конечно.

— Он будет, — как металлическая пружина, Рон распрямился. — Он будет.

— Пойдемте внутрь? — спросила она. — Через несколько минут начнется обед.

Рон повернулся к перилам и посмотрел на яркое небо.

— Они держат здесь прекрасный щит.

— Чтобы не сгореть в огне Беллатрикса, — по-

яснила Ридра.

Рон сказал, что придет позже, хочет еще подумать. Она прошла через двойную дверь и начала спускаться по лестнице.

— Я видел, как вы вышли, и решил подождать, пока вы вернетесь.

Она никогда не видела его раньше. Черные волосы, горбоносое лицо, возраст около тридцати лет. Он сделал шаг в сторону, чтобы пропустить ее, движения его были невероятно экономичны. Потом он повернулся и кивнул, указывая на человека внизу. Он указал на барона, который стоял в одиночестве в центре комнаты.

— У этого Кассиуса очень голодный взгляд.

— Интересно, насколько он голоден? — поинтересовалась Ридра и вновь почувствовала какую-то тревогу.

Баронесса через толпу пробиралась к мужу, вероятно, чтобы спросить, начинать ли обед или подождать минут пять, или по другому столь же важному делу.

— Каким может быть брак между этими двумя людьми? — спросил незнакомец со снисходительным изумлением.

— Сравнительно простым, я думаю, — ответила Ридра. — У них есть занятие: беспокоиться друг

о друге.

Вежливый вопросительный взгляд. Когда разъяснений не последовало, незнакомец вновь повернулся к толпе.

— У них такие странные лица, когда они смотрят сюда, на вас, мисс Вонг.

— Они смеются.

— Бандикуты. Вот на кого они похожи. Бандикуты. На стаю Бандикутов.

— Любопытно, влияет ли на них искусственное небо?

Она почувствовала, что утрачивает контролируемое гостеприимство.

Он засмеялся.

— Бандикуты с таллесанемией.

— Вероятно. Вы разве из Двора? — его телосложение свидетельствовало о жизни не под искусственным солнцем.

— Из Двора, — ответил он.

Удивленная, она хотела спросить еще о чем-то, но громкоговоритель вдруг провозгласил:

— Леди и джентльмены, кушать подано.

Он пошел вслед за ней по лестнице, но когда за две или три ступени до пола она обернулась, он исчез.

Она одна двинулась в столовую.

Под аркой ее ждали барон и баронесса. Когда баронесса взяла ее под руку, оркестранты на помосте в конце столовой взялись за инструменты.

— Идемте сюда, — сказала хозяйка.

Ридра рядом с дородной матроной прошла через толпу к извивающемуся столу.

— Вот наши места.

И сообщение на баскском: «На вашем транскрипторе, капитан, в корабле появился текст», — маленький взрыв в мозгу остановил ее.

— Вавилон-17? — прошептала Ридра.

Барон повернулся к ней.

— Да, капитан Вонг?

Она неуверенно смотрела на сухие линии его лица.

— Есть ли здесь какие-нибудь материалы или исследования, которые нуждаются в чрезвычайной охране?

— Все делается автоматически. А что?

— Барон, здесь произойдет диверсия. Может быть, она уже началась.

— Но откуда вы…

— Я не могу сейчас объяснить, но вам лучше удостовериться, что все в порядке.

На нее нахлынуло напряжение.

Баронесса коснулась руки мужа и сказала с

внезапной холодностью:

— Феликс, вот ваше место.

Барон отодвинул свой стул, сел и бесцеремонно откинул крышку на стол. Под его салфеткой оказался контрольный щит. Все усаживались, и Ридра увидела в двадцати футах от себя Брасса, устраивающегося в специальном гамаке, который выдерживал вес гигантского тела.

— Садитесь сюда, моя дорогая. Начнем обед, как будто ничего не случилось. Думаю, так лучше.

Ридра села рядом с бароном, а баронесса осторожно опустилась в кресло слева от нее. Барон что-то говорил в крошечный микрофон. Изображения, которые она не могла ясно разглядеть, вспыхивали на восьмидюймовом экране. Поглядев некоторое время, он сказал:

— Пока ничего, капитан Вонг.

— Не обращайте на него внимания, — сказала баронесса. — Вот это гораздо интереснее.

Из-под стола перед ними выскочила маленькая панель.

— Забавная штучка, — продолжала баронесса, оглядываясь. — Я думаю, мы готовы. — Ее пухлый указательный палец коснулся кнопки, и свет в комнате стал гаснуть. — Я управляю ходом обеда, просто дотрагиваясь в нужное время до нужной

кнопки. Следите! — она нажала другую кнопку.

В центре стола вдоль всей его протяженности раскрылись панели, и оттуда появились вазы с фруктами, засахаренным виноградом и яблоками, половинки дынь с медом.

— И вино! — сказала баронесса, вновь нажимая кнопку.

Вдоль сотен ножек стола появился бассейн. Начали действовать механизмы, и он наполнился до краев пенящейся жидкостью. Забили сверкающие фонтаны. — Наполните свой бокал, дорогая. Выпьем, — сказала баронесса, подставляя свой бокал под струю; хрусталь засверкал пурпуром.

Справа барон сказал:

— Кажется, в арсенале все в порядке. Я привел в готовность все спецслужбы. А вы уверены, что диверсия произойдет именно сейчас?

— Либо тотчас же, — ответила Ридра, — либо через две-три минуты. Возможно, будет взрыв или упадет какое-то громоздкое оборудование.

— Но мне ничего не остается делать. Да, приборы уловили ваш Вавилон-17.

— Попробуйте это, капитан Вонг, — баронесса протянула ей плод манго. Попробовав его, Ридра убедилась, что он маринован в ликере.

Теперь почти все гости сидели. Ридра виде-

ла, как парень из взвода, Майкл, разыскивает на столе карточку со своим именем. А у стены она увидела незнакомца, остановившего ее на спиральной лестнице. Он торопливо шел к ним мимо сидящих гостей.

— Вино не виноградное, а сливовое, — заметила баронесса. — Немного крепкое для начала, но уж очень хорошо с фруктами. Я особенно горжусь своей сливой. Вы знаете, слива для гидропоники — это ночной кошмар, но нам удалось получить отличные плоды.

Майкл отыскал свое место и погрузил обе руки в вазу с фруктами. Незнакомец огибал последний поворот стола. Калли держал в каждой руке по кубку с вином, переводя взгляд с одного на другой и, по-видимому, старался определить, который больше.

— Возможно, — сказала баронесса, — следовало предложить сначала шербет? Или нужно было начать с закуски? Я готовлю ее очень просто, но виноград…

Незнакомец дошел до барона, наклонился над его плечом, глядя на экран, и прошептал что-то. Барон повернулся к нему, потом оперся руками о стол, начал медленно вставать… и упал! Полоска крови показалась на его шее.

Ридра дернулась назад в своем кресле… убийца! И в голове у нее что-то произошло, и послышалось: убийца. Она вскочила.

Баронесса с хриплым криком поднялась, опрокинув свое кресло. Она истерически протягивала к мужу руки и трясла головой.

Ридра увидела, что незнакомец достает вибропистолет. Она отдернула баронессу, выстрел был направлен низко и разбил контрольную панель.

Баронесса подхватила мужа. Ее хриплый стон усилился и превратился в вопль. Ее полная фигура сгибалась под тяжестью тела Феликса Вер Дорко, пока она не опустились на колени, держа его на руках и продолжая кричать.

Гости вскочили со своих мест. Разговоры сменились криками.

Панель управления столом была разбита. Вазы с фруктами были сметены появившимися фазанами, поджаренными и украшенными сахарными головами и сверкающими хвостами. Ни один из уборочных механизмов не работал. Супницы и блюда с закуской теснили вазы, пока те не опрокинулись и не упали на пол. По столу и по полу покатились фрукты.

Сквозь гул голосов Ридра услышала свист вибропистолета слева от себя, снова слева, по-

том справа. Люди повскакали со своих мест и закрыли ей видимость. Она еще раз услышала вибропистолет и увидела, как доктор Киблинг разделяется на две части.

Поднялись жареные барашки, отодвигая и опрокидывая фазанов. Фонтаны вина брызгали на их сверкающую янтарную кожицу, которая кипела и испаряла вино. Пища падала обратно в отверстия, касаясь раскаленной спирали рычага. Ридра почувствовала запах горелого.

Она протиснулась вперед и схватила за руку толстого чернобородого человека.

— Помощник, заберите отсюда парней.

— А что я по-вашему делаю, капитан?

Она устремилась прочь, пробегая мимо стола, вдоль дымящегося отверстия в его центре. Изысканные восточные блюда — шипящие бананы, которые сначала окунули в мед, а потом обложили кусочками льда, — появились на столе. Искрящиеся сласти устилали стол, падали на пол, мед кристаллизовался, застывая сверкающими колючками. Гости наступали на них, давили, поскальзывались и падали.

— Как вам нравиться скользить по бананам, капитан? — спросил Калли. — Что здесь происходит?

— Отведите Молли и Рона на корабль!

Теперь поднимались кофейники; застревая в грудах пищи, они переворачивались, разливая горячий кофе. Закричала женщина, выставив обнаженную руку.

— Здесь больше не весело, — сказала Молли. — Я уведу их.

Ридра двинулась вперед, а рядом с ней оказался помощник. Она поймала его за руку.

— Помощник, что такое Бандикут?

— Злобное маленькое животное. Сумчатое.

— Верно. Теперь я вспоминаю. А теллесанемия?

— Разновидность анемии.

— Это я знаю. Какая разновидность?

— Дайте подумать. Все свои сведения по медицине я получил в гипнокурсе. Вспомнил. Это наследственная болезнь, кавказский эквивалент анемии серповидных клеток: разрушаются красные кровяные тельца, исчезает гемоглобин…

— …гемоглобин исчезает, и клетки уже разрушаются осмотическим давлением. Понятно. Нужно выбираться из этого ада.

Удивленный, помощник двинулся к арке.

Ридра — за ним, скользя на залитом вином паркете. Перед ней возник Брасс.

— Спокойней, капитан!

— Прочь отсюда, — скомандовала она. — И побыстрее.

— Хотите верхом? — улыбаясь, он опустился на четвереньки, она вскарабкалась ему на спину, сжала бока ногами и уцепилась за плечи.

Огромные мускулы, поразившие Серебряного Дракона, начали сокращаться под нею, и он помчался вдоль стола. Гости испуганно расступались. Так они добрались до выхода.

5

В ее мозгу нарастала истерия. Она отбросила ее в сторону, добралась до своей каюты на «Рембо» и схватила интерком.

— Помощник, все ли…

— Все на борту, капитан.

— Лишенные тела…

— Тоже все трое.

Брасс, тяжело дыша, заполнил вход за нею.

Она переключилась на другой канал и почти музыкальные звуки заполнили каюту.

— Хорошо… он еще продолжается.

— Кто он? — спросил Брасс.

Она кивнула.

— Вавилон-17. Передача автоматически записывается, чтобы я могла изучить ее позже. Во всяком случае, здесь ничего не случилось.

Она переключила что-то.

— Что вы делаете?

— Я перекодировала сообщение и посылаю. Может быть, что-нибудь получится, — она закончила первую запись и начала вторую. — Впрочем, не знаю точно. Язык мне еще не совсем понятен. Я чувствую себя так, словно Шекспир исполняется

на пиджин-инглиш.

Передача снаружи привлекла ее внимание.

— Капитан Вонг, говорит Альберт Вер Дорко, — голос был взволнован. — Произошла ужасная катастрофа, здесь абсолютное смятение. Я не нашел вас у брата, но мне доложили, что вы только что затребовали разрешение на старт в гиперстасис.

— Ничего особенного я не требовала. Я только хотела собрать экипаж на корабле. Вы узнали, что происходит?

— Но, капитан, мне докладывают, что вы продолжаете готовиться к старту. У вас чрезвычайные полномочия, поэтому я не могу отменить ваш приказ. Но я прошу вас остаться, пока это дело не прояснится, так как вы располагаете какой-то информацией о том, что…

— Мы не стартуем, — сказала Ридра.

— Мы пока и не можем, — вмешался Брасс. — Я не соединился с аппаратурой корабля.

— Вероятно, ваш автоматический Джеймс Бонд сошел с ума, — сказала Ридра, обращаясь к Вер Дорко.

— …Бонд?

— Мифологическая фигура. Простите меня. Я имела ввиду ТВ-55.

— О, да. Я знаю. Он убил моего брата и еще четверых чрезвычайно ценных исследователей. Но его не могли заставить сделать это.

— Смогли. ТВ-55 был объектом диверсии. Но я не знаю, как. Думаю, вам стоит связаться с генералом Форестером и…

— Капитан, контроль взлета сигнализирует, что вы продолжаете делать предупреждения о старте! У меня нет нужной власти, но вы должны…

— Помощник, мы взлетаем?

— Конечно. Разве не вы сами отдали приказ о переходе в гиперстасис?

— Брасс даже еще не в рубке. Эй, вы, — идиот?

— Но я тридцать секунд назад получил от вас распоряжение на взлет. Конечно, он уже там. Я только говорю…

Брасс неуклюже передвинулся по полу и заревел в микрофон:

— Я стою рядом с нею, дубина! Вы пошлете нас в центр Беллатрикса. Или вы ищете подходящую Новую?

— Но вы же сами…

Под ними послышался гул. Внезапный рывок. Из громкоговорителя голос Альберта Вер Дорко:

— Капитан Вонг!

Ридра вновь закричала:

— Идиот, выключите генератор ста…

Но свист генераторов уже перешел в рев.

Новый рывок. Она из последних сил держалась руками за стол. Краем глаза она увидела: Брасс колотит в воздухе когтями. Потом…

Часть третья. Джебел Тарик

1

Отвлеченные мысли в голубом помещении: номинатив, генитив, датив, аккузатив первый, аккузатив второй, аблатив, партитив, иллатив, инструктив, абессив, адессив, инессив, эссив, аллатив, транслатив, сомитатив. Шестнадцать падежей финского существительного.

Странно, некоторые языки обходятся только единственным и множественным числом. Языки американских индейцев не различают числа. За исключением языка скуш, в котором есть множественное число только для одушевленных существительных.

Голубая комната была круглой, теплой и ровной. По-французски нельзя сказать «теплый». Есть только горячий и прохладный. Если для этого нет слова, как же они думают об этом? А если у вас нет соответствующей формы, вы не сможете сказать, даже имея соответствующее слово. Только представить себе. Русские обозначают пол любого предмета: собаки, стола, дерева. В венгерском вообще нельзя обозначить пол — он, она и оно обозначаются одним и тем же словом. Ты мой друг, но вы мой король — таково разли-

чие в английском елизаветинских времен. Но в некоторых восточных языках множество разных местоимений: ты мой друг, ты мой отец, ты мой король. Ты мой слуга, которого я сожгу завтра утром, если ты не уследишь, а ты мой король, с политикой которого я совершенно не согласен, ты мой друг, но я разобью тебе голову, если ты скажешь это еще раз… И все это разные «ты».

«Как меня зовут?» — думала она в теплой круглой голубой комнате.

Имена без мыслей в голубой комнате: Урсула, Присцилла, Барбара, Мери, Мона и Натика; соответственно Медведь, Старуха, Болтун, Горчица, Обезьяна и Ягодица. На земле отцов моих отцов сначала шло имя отца: Вонг Ридра. На земле Молли я бы носила не имя отца, а имя матери. Слова — это название вещей. Во времена Платона вещи были наименованием идей; как лучше описать платоновские идеи? Но действительно ли слово — наименование вещей или это семантическое недоразумение? Слова — это символы целой категории предметов, имя — это ее дыхание, ее внешность, ее одежда, брошенная на ночной столик. «Эй, женщина, иди сюда!» — а она шептала, держась руками за медный поручень: «Мое имя Ридра!». Индивидуальность, нечто, отличающее

вещь от окружения и от всех других вещей в этом окружении; нужно было отличать вещь от ей подобных — так были изобретены имена. Я изобретена. Я нечто в этой комнате, я…

Веки ее были полуприкрыты. Она открыла их и увидела поддерживающую паутину-сетку. Откинувшись на спину, она осматривала комнату.

Нет.

Она не «осматривала комнату».

Она — нечто в чем-то. Вначале единственное слово, которое вмещало в себя немедленное, пассивное восприятие, которое может быть слуховым, обонятельным, так же как и зрительным. Потом три фонемы, которые смешивались музыкально на разных языках: одна фонема — указатель величины комнаты — примерно двадцать пять футов длины, вторая — обозначение цвета и вероятного материала стен — какой-то голубой металл, а третья — вместилище аффиксов, обозначающих функции комнаты — какой-то грамматический ярлычок, благодаря которому она обозначала весь жизненный опыт одним единственным символом. Все эти символы заняли меньше времени на ее языке и в ее мозгу, чем слово «комната»… Вавилон-17: она чувствовала эти свойства и в других языках, но здесь — рас-

крытие, расширение, внезапный рост.

Она снова села. Функция?

Для чего используется эта комната? Она медленно поднялась, паутина поддерживала ее, охватывала грудь. Что-то вроде госпиталя. Она посмотрела вниз на… на «паутину», а скорее, тройной гласный определитель. Каждая часть из трех имела свое особое значение и свои связи, так что общее значение возникало, когда звучание всех трех звуков достигало самого низкого тона. Приведя эту триаду звуков к этой точке, она поняла, что сможет распутать паутину. Если бы она не назвала ее на этом новом языке, паутина продолжала бы крепко удерживать ее. Переход от «воспоминаний» к «знанию» произошел, когда она была…

Где она была? Отвращение, возбуждение, страх! Она мысленно вернулась к английскому. Думать на Вавилоне-17 было все равно, как если бы увидеть внезапно воду на дне колодца, когда минуту назад вы думали, что перед вами ровное место. Она почувствовала головокружение, ее тошнило.

Все же она отметила присутствие других. Брасс висел в большом гамаке у дальней стены — она видела его когти над краем гамака. В двух мень-

ших гамаках, должно быть, находились парни из взвода. Над краем одного из них она увидела черные волосы, когда голова повернулась во сне: Карлос. Другого она не видела.

Потом стена исчезла.

Она старалась определиться, если не во времени и пространстве, то хотя бы в своих возможностях. С исчезновением стены эти попытки прекратились. Она ждала.

Это произошло в верхней части стены слева от нее. Она сверкнула, становилась прозрачнее, в воздухе образовалась полоса металла и медленно скользнула к ней.

И три человека.

Ближайший, в передней части пандуса, чье лицо было как бы грубо высечено из скалы, был одет в устаревший скафандр, автоматически принимающий форму тела, но сделанный из пористой пластмассы и выглядящий как доспехи. Плащ из черного ворсистого материала скрывал одно его плечо и руку. Полосы меха под ремнями предупреждали ссадины. Единственным свидетельством косметохирургии были сложные серебряные волосы и зачесанные металлические брови. С мочки одного уха свисало толстое серебряное кольцо. Переводя взгляд от гамака к гамаку,

он держался рукой за кобуру вибропистолета.

Второй человек выступил вперед. Это было стройное фантастическое месиво косметохирургии: немного от грифона, немного от обезьяны, что-то от морского конька; чешуя, перья, когти, клюв были прикреплены к телу, которое, как она была уверена, принадлежало кошке. Он скорчился сбоку от первого человека, опустившись на укороченные бедра, упираясь костяшками пальцев в металлический пол. Когда первый человек поднял руку, чтобы почесать голову, второй посмотрел вверх.

Ридра ждала, пока они заговорят. Слово уничтожило бы неопределенность: Союз или Захват. Ее мозг готов был ухватить любой язык, на котором они заговорили бы, определить их мыслительные способности, тенденции их логики, в чем она может добиться преимущества…

Второй человек отодвинулся назад, и она смогла рассмотреть третьего, который все еще держался в тылу. Более высокий и более мощно сложенный, чем остальные, он был одет лишь в бриджи. В его запястья и пятки были вживлены петушиные шпоры — это было в обычае у представителей транспортного «дна» и имело такое же значение, как металлический кастет и пират-

ский флаг столетиями раньше. Голова его была недавно побрита, и волосы начали расти черным ершиком. Вокруг одного узловатого бицепса шла полоска красного мяса, как кровавый ушиб или воспаление. Эта полоска стала таким общим местом в характеристике персонажа романов пять лет назад, что теперь она была оставлена как штамп. Это было клеймо каторжника из тюремных пещер Титана. Что-то в этом человеке было очень свирепым. И она отвела взгляд. Но что-то было и привлекательным, и она снова взглянула на него.

Двое впереди повернулись к третьему. Она ждала слов, чтобы уловить их, запомнить, определить. Они смотрели на нее, потом двинулись в стену. Пандус начал вращаться.

Она попыталась встать.

— Пожалуйста, — взмолилась она. — Где мы?

Сереброволосый человек произнес:

— Джебел Тарик.

Стена потемнела.

Ридра посмотрела вниз на паутину, которая была чем-то иным на другом языке, потянула одну струну, потянула другую. Натяжение ослабло, потом петли растянулись и она спрыгнула на пол. Теперь она видела, что второй парень из

взвода был Кайл, который работал вместе с Лиззи в секции ремонтов.

Брасс начал барахтаться.

— Полежите спокойно секундочку, — она начала отстегивать струну паутины.

— Что он сказал вам? — хотел знать Брасс. — Он назвал себя или просто приказал лежать спокойно.

Она пожала плечами и начала развязывать следующий гамак.

— Тарик на староирландском означает «гора». Гора Джебел, может быть.

Брасс сел, когда паутина распалась.

— Как вы это сделали? — спросил он. — Я десять минут пытался освободиться, но не мог.

— Расскажу в другой раз. Джебел может быть чьим-то именем. Брасс вновь посмотрел на упавшую паутину, почесал ногтем за пушистым ухом и удивленно покачал головой.

— Во всяком случае, они не захватчики, — сказала Ридра.

— Кто сказал?

— Не думаю, чтобы многие люди по ту сторону оси даже слышали о староирландском. Земляне, мигрировавшие туда, были выходцами из Южной и Северной Америки еще до того, как образова-

лась Американия, а Пан-Америка проглотила Европу. К тому же, тюремные пещеры Титана на территории Союза.

— О, да, — сказал Брасс. — Гм, но кто же этот их бывший питомец?

Она посмотрела туда, где скрывалась стена. Пытаться осознать их положение казалось таким же безнадежным делом, как пробиваться сквозь голубой металл.

— Но что все-таки произошло?

— Мы стартовали без пилота, — сказала Ридра. — Думаю, что тот, кто может передавать на Вавилоне-17, может это делать и по-английски.

— Не думаю, что мы могли взлететь без пилота. С кем же говорил тогда помощник перед стартом? Если бы мы взлетели без пилота, мы бы не были здесь. Мы были бы грязным пятнышком на ближайшем солнце.

— Вероятно, тот, кто разбил эти пластинки, — Ридра заставила свои мысли вернуться к прошлому. — Я думаю, диверсант не хотел убить меня. ТВ-55 мог убить меня так же легко, как он убил барона.

— Интересно, говорит ли шпион на корабле на Вавилоне-17? — Ридра кивнула. — И мне тоже.

Брасс огляделся.

— Все здесь? Где же остальная часть экипажа? Сэр, мадам?

Они обернулись. Другое отверстие в стене. Тощая девушка с зеленой лентой, повязанной на голове, держала чашку.

— Хозяин сказал, что вы пришли сюда, поэтому я принесла это, — глаза ее были большими и темными, ресницы трепетали, как крылья птицы. Она протянула чашку.

Ридра отметила ее искренность, но также уловила страх перед незнакомцами.

— Вы очень добры.

Девушка слегка поклонилась и улыбнулась.

— Вы боитесь нас, я знаю, — сказала Ридра. — Не нужно.

Страх ушел, костлявые плечи расправились.

— Как зовут вашего хозяина? — спросила Ридра.

— Джебел.

Ридра обернулась и кивнула Брассу.

— И мы в «Горе Джебела»? — она взяла у девушки чашку. — Как мы сюда попали?

— Он выловил ваш корабль из центра Новой Лебедя-42 как раз перед тем, как ваши генераторы должны были вывести корабль из стасиса.

Брасс зашипел — это у него означало свист.

— Неудивительно, что мы были без сознания. Летели слишком быстро.

— Но мы не должны были двигаться в область Новой. Значит, у нас действительно не было пилота.

Брасс сдернул белую салфетку с чашки.

— Цыплята, капитан.

Цыплята были поджарены и еще дымились.

Ридра сказала:

— Я кое о чем подумала.

Повернувшись к девушке она спросила:

— «Гора Джебела» — это корабль? А мы в нем?

Девушка сложила руки за спину и кивнула.

— Очень хороший корабль.

— Я уверена, что вы не берете пассажиров? Какой же у вас груз?

Она задала неверный вопрос. Вновь страх — не обычный страх перед незнакомцами, а что-то запретное и повсюду распространяющееся.

— У нас нет груза, мадам, — потом она выпалила: — Я не должна больше разговаривать с вами. Вы должны поговорить с Джебелом.

И ушла в сторону.

— Брасс, — сказала Ридра, — медленно поворачиваясь и почесывая голову, — ведь больше не существует космических пиратов?

— Бандитов на транспортных кораблях нет уже семьдесят лет.

— Об этом я и думала. Тогда что это за корабль?

— Хоть убейте, не знаю, — его обожженные щеки осветились голубой вспышкой. Брови опустились на голубые диски глаз. — Вытащили «Рембо» из Лебедя-42? Теперь я знаю, почему эта штука — «Гора Джебела». Она, должно быть, размером с боевой корабль.

— Если это и боевой корабль, то сам Джебел не похож на космонавта.

— К тому же, он каторжник, а каторжнику не разрешили бы служить в армии. Как вы думаете, куда мы попали, капитан?

Она взяла из чашки ножку.

— Думаю, надо подождать до разговора с Джебелом, — еще один из гамаков задвигался. — Я надеюсь, что наши парни в порядке. Почему я не спросила у этой девушки об остальных членах экипажа? — она двинулась к гамаку Карлоса. — Как вы себя чувствуете? — ласково спросила она. Впервые она разглядела защелки, удерживающие паутину.

— Голова, — сказал Карлос, — как с похмелья.

— Что вы вообще знаете о похмелье? С вашим

то лицом? — зажимы щелкнули трижды.

— Вино, — сказал Карлос, — на приеме. — Выпил слишком много. Эй, что случилось?

— Скажу, когда сама узнаю. Вставайте, — она дернула гамак, и Карлос встал на ноги.

Он отвел волосы от глаз.

— Где остальные?

— Кайл здесь. Больше никого в комнате нет.

Брасс освобождал Кайла, который теперь сидел на краю гамака, стараясь протереть глаза.

— Эй, бэби, — сказал Карлос. — Ты в порядке?

Кайл потянулся, зевнул и сказал нечто нечленораздельное. Вдруг он прикусил кончик языка и поглядел наверх.

Ридра тоже.

Пандус снова выдвигался из стены. На этот раз он соединился с полом.

— Пойдете ли вы со мной, Ридра Вонг?

Джебел, сереброволосый, с кобурой стоял в темном отверстии.

— Мой экипаж, — сказала Ридра, — что с ним?

— Они в другом помещении. Если хотите взглянуть на них…

— Они в порядке?

Джебел кивнул.

Ридра потрепала Карлоса по голове.

— Увидимся позже, — прошептала она.

Общий зал был с полукруглым сводом и балконами, стены тусклые, как скала. Со стен свисали алые и зеленые полотнища со знаками Зодиака и изображениями битв. А звезды — вначале она подумала, что они просвечивают сквозь свод — но это была только огромная, в сто футов длиной, проекция ночного неба вокруг корабля.

Мужчины и женщины сидели за деревянными столами или прохаживались у стен. В конце зала вниз спускались широкие ступени и там находился прилавок, полный еды и напитков.

В отверстии появились горшки, кастрюли, тарелки, а за ними Ридра увидела алюминиевую нишу кухни, где мужчины и женщины в передниках готовили обед.

Когда она вошла, все повернулись. Ближайшие в знак приветствия притрагивались ко лбу. Она прошла вслед за Джебелом на возвышение, где стояли диваны с подушками.

Человек-грифон быстро приблизился.

— Хозяин, это она?

Джебел повернулся к Ридре, его жестокое лицо смягчилось.

— Это моя забава, мое отвлечение, освобождение от гнева, капитан Вонг. Здесь я сохраняю

чувство юмора. Хотя все вокруг скажут вам, что я его лишился. Эй, Клик, распрями сиденья для нас.

Голова, украшенная перьями, быстро кивнула, черный глаз мигнул. Клик ударил по подушечкам. Мгновение спустя Джебел и Ридра опустились на них.

— Джебел, — спросила Ридра, — что за полет вы совершаете?

— Мы стоим в Спецелли Снэп. А где вы находились перед тем, как вас подхватило течение Новой?

— Мы… стартовали с Военного Двора в Арм-седже.

Джебел кивнул.

— Вы счастливчики. Сейчас ваши генераторы давно выключились бы, и вы уже превратились бы в ничто. Никакой корабль-тень вам не помог бы. Все на вашем корабле лишились бы тел.

— Вы правы, — Ридра почувствовала, как сжимается ее желудок при этом воспоминании.

Потом она спросила:

— «Корабль-тень»?

— Да, «Джебел Тарик» таков.

— Боюсь, что я не знаю, что такое «корабль-тень».

Джебел засмеялся коротким резким смехом, шедшим из глубины горла.

— Возможно, это и хорошо. Надеюсь, что у вас больше не будет случая с ними сталкиваться.

— Давайте, — сказала Ридра. — Я слушаю.

— Спецелли Снэп непроницаема для радиоволн. Корабль, даже такой гигантский как «Тарик», необнаруживаем на длинных волнах. Он скользит по стасису над Раком.

— Но эта галактика подвластна захватчикам, — сказала Ридра, начиная понимать.

— Снэп — пограничная зона, область вдоль края Рака. Мы патрулируем это пространство и захватываем корабли захватчиков… на их территории.

Ридра заметила нерешительность на его лице.

— Но неофициально?

Он вновь засмеялся.

— Как же иначе, капитан Вонг? — он дернул пучок перьев на лопатке Клика. Шут изогнул свою спину. — Даже правительственные военные корабли не могут получать приказы и инструкции в Снэп из-за радионепроницаемости. Поэтому штаб-квартира Администрации Союза снисходительна к нам. Мы хорошо делаем нашу работу, а они смотрят в другую сторону. Они не

могут давать нам приказы, не могут снабжать нас оружием и продуктами. Поэтому мы вынуждены игнорировать соглашение и конвенции о пленных. Космонавты зовут нас грабителями, — он следил за ее реакцией. — Мы стойкие защитники Союза, капитан Вонг, но… — он поднял голову, сжал кулаки и ударил одним себя по животу. — Но мы голодны, и если не попадется корабль захватчиков, что ж, мы берем то, что попадается.

— Понимаю, — сказала Ридра. Значит, и мы захвачены?

Пальцы Джебела разжались на его животе.

Ридра улыбнулась.

— Вы выглядите очень хорошо откормленным.

Он кивнул.

— У нас был прибыльный месяц. Иначе бы мы не сидели так дружественно. Теперь вы наши гости.

— Тогда вы поможете нам восстановить сгоревшие генераторы…

Джебел вновь поднял руку, призывая ее к молчанию.

— …только теперь, — повторил он.

Ридра, двинувшаяся вперед со своего сиденья, теперь откинулась назад.

Джебел сказал Клику:

— Принеси книги.

Шут быстро отбежал и открыл шкаф, стоящий между диванами.

— Мы живем в опасностях, — продолжал Джебел. — Возможно, поэтому мы и живем хорошо. Мы цивилизованны, когда у нас есть на это время. Название вашего корабля заставило меня принять предложение Батчера и выловить вас. Здесь, на краю, нас редко посещают барды.

Ридра улыбнулась как могла вежливее.

Клик вернулся с тремя томами. Переплеты черные, обрезы посеребрены. Джебел взял их.

— Моя любимая — вторая. Особенно меня увлек «Изгнанник в тумане». Вы говорите, что никогда не слышали о кораблях-тенях, но вы знаете это чувство, когда «густая ночь связывает тебя» — это ваши строки, верно? Думаю, что вашу третью книгу я не вполне понял. Но в ней тоже много интересного и много соответствий нашей жизни. Мы здесь не на главном течении… — он пожал плечами. — Мы… нам попадают книги из собраний капитанов-захватчиков, во-вторых, что ж, иногда гибнут и корабли Союза. Мне кажется, что здесь внутри есть надпись, — он открыл книгу и прочел: «Джо в его первый полет; эта книга так хорошо говорит том, что я хочу сказать. С любо-

вью, Лена», — он закрыл книгу. — Трогательно. Третью же книгу я приобрел с месяц назад. Я перечту ее еще раз и тогда мы снова поговорим. Я восхищен случаем, который привел вас ко мне, — он положил книги на колени. — Давно ли вышла ваша третья книга?

— Немногим больше года.

— А есть ли четвертая?

Она покачала головой.

— Могу ли я спросить, какой литературной работой вы заняты сейчас?

— Сейчас никакой. Я написала несколько небольших стихотворений, которые мой издатель хочет выпустить отдельным сборником. Но я хочу подождать, пока у меня не появится большое произведение, чтобы уравновесить эти.

Джебел кивнул.

— Понимаю. Но ваша сдержанность лишает нас большого удовольствия. Если бы я побудил вас написать, я был бы польщен… За едой у нас бывает музыка, драматические сцены, поставленные мудрым Кликом. Если вы захотите снабдить их прологом или эпилогом, по вашему выбору, то вы найдете благодарную аудиторию.

Он протянул свою коричневую крепкую руку. Ридра пожала ее.

— Спасибо, Джебел, — сказала она.

— Вам спасибо, — ответил Джебел. — Поскольку вы проявили добрую волю, я освобождаю ваш экипаж. Все его члены вольны ходить по «Тарику», как и мои люди, — выражение его лица изменилось, он выпустил ее руку. — Батчер!

Каторжник, который был с ним на пандусе, теперь стоял на ступеньке помоста.

— Что это за пятно движется к Ригелю? — спросил Джебел.

— Корабль Союза убегает, захватчик преследует.

Лицо Джебела напряглось, потом расслабилось.

— Нет, пусть идут своим путем. У нас достаточно пищи. Зачем расстраивать наших гостей. Это Ридра…

Батчер ударил кулаком правой руки по левой ладони. Люди внизу обернулись. Ридра подпрыгнула при этом звуке, и ее глаза старались прочесть выражение его лица, понять значение дрожи мускулов.

Вновь заговорил Джебел, голосом более низким, резким, медленным:

— Вы правы. Но у каждого человека только один мозг, а не два для каждого момента, капи-

тан Вонг, — он встал. — Батчер, они в часе от нас? Хорошо. Мы подождем немного, а потом накажем, — он помолчал и улыбнулся Ридре. — Накажем захватчиков.

Руки Батчера разъединились, и Ридра увидела в них облегчение. Он перевел дыхание.

— Готовьте «Тарик», а я провожу нашу гостью туда, откуда она сможет наблюдать.

Не отвечая, Батчер двинулся вниз по ступеням. Ближайшие услышали разговор и передали информацию сидевшим дальше. Мужчины и женщины вставали со своих мест. Один опрокинул свой рог для питья. Ридра видела, как девушка, которая обслуживала их в госпитале, подбежала и стала салфеткой вытирать пролитое вино.

Поднявшись по ступеням, Ридра оперлась о перила балкона и смотрела вниз, на общую залу, теперь пустую.

— Идемте, — Джебел вел ее между колоннами к темноте и звездам. — Корабль Союза движется в этом направлении, — он указал на голубоватое облачко. — У нас есть оборудование, которое может принимать через этот туман, но я боюсь, что корабль Союза даже не подозревает, что его преследуют захватчики, — он подошел к панели

и нажал поднимающийся диск. В тумане вспыхнули два пятнышка света.

— Красное — захватчик, — объяснил Джебел. — Синее — корабль Союза. Наши маленькие корабли-паучки будут желтыми. Отсюда вы сможете следить за ходом событий. Наши чувствительные восприемники и навигаторы остаются на «Тарике» и руководят действиями, следят за тем, чтобы наш строй оставался неизменным. Но в ограниченных пределах каждый корабль-паук действует самостоятельно. Это отличное занятие для мужчин.

— Какого типа корабли, за которыми вы охотитесь? — она была удивлена, что слегка архаическое построение речи Джебела начало действовать на нее.

— Корабль Союза — военный, грузовой. Захватчик, выслеживающий его, — небольшой истребитель.

— Они далеко?

— Увидят друг друга примерно через двадцать минут.

— И вы будете ждать шестьдесят минут, прежде чем… наказать захватчика?

Джебел улыбнулся.

— У грузового корабля нет шансов против ис-

требителя.

— Я знаю, — она видела, что он, улыбаясь, ждет ее возражений. Она хотела возразить, но все было блокировано крошечными певучими звуками, которые жгли ей язык, как уголья: Вавилон-17. Эти звуки дали ей больше, чем целый поток слов в другом языке. — Я никогда не наблюдала звездную битву, — сказала она.

— Я мог бы взять вас с собой, но там немного опасно. К тому же, отсюда битва будет видна гораздо яснее.

Ее охватило возбуждение.

— Я хочу идти с вами.

Она надеялась, что он изменит решение.

— Оставайтесь здесь, — сказал Джебел. — На этот раз со мной отправляется Батчер. Вот чувствительный шлем, если вы захотите посмотреть течения стасиса, — волна огоньков пробежала по панели. — Простите, я должен осмотреть своих людей и проверить крейсер, — он коротко поклонился. — Ваш экипаж освобожден. Их направят сюда, и вы можете объяснить им их статус, как моих гостей.

* * *

Когда Джебел спустился по ступеням, она снова взглянула на сверкающий экран и подумала: какое должно быть удивительное кладбище у них на корабле.

На языке басков: «Пятьдесят лишенных тела для чувствования на корабле „Тарик“ и на кораблях-пауках».

Она оглянулась и увидела прозрачные формы Глаза, Уха и Носа.

— Я рада вас видеть, — сказала она. — Я не знала, владеет ли «Тарик» способностями лишенных тела.

— Владеет, — пришел ответ на баскском. Мы возьмем вас в путешествие по здешнему Подземному Миру, капитан. Они встретят вас, как госпожу Ада.

Из громкоговорителя донесся голос Джебела:

— Внимание! Стратегия — Сумасшедший дом, Сумасшедший дом. Повторяю в третий раз — Сумасшедший дом. Больные собираются лицом к Цезарю. Психотики готовятся в направлении выхода К. Невротики собираются у выхода Р. Безумцы-преступники готовятся к атаке у выхода Т. Готовьте свои смирительные рубашки.

Внизу стофутового экрана появились три группы желтых огоньков — три группы кораблей-пауков, которые будут атаковать захватчика, когда тот возьмет верх над грузовым кораблем Союза.

— Невротики наступают. Держите контакты, чтобы избежать смешивания и путаницы.

Средняя группа начала медленно продвигаться вперед. В громкоговорителе Ридра слышала пробивавшиеся сквозь статические разряды голоса людей, докладывавших навигаторам на «Тарик».

— Держите нас на курсе, Киппи, не стреляйте.

— Разумеется, Ястреб, ты можешь доложить вовремя?

— Конечно. Мой прыжковый двигатель барахлит.

— Кто разрешил тебе вылетать без разрешения?

— Сюда, девушка, будьте ласковы с нами.

— Эй, Свиная Нога, ты полетишь выше или ниже?

— Ниже и быстрей. Не виси на мне.

В главном громкоговорителе Джебел сказал:

— Охотники и дичь сблизились…

Красный и синий огоньки начали мигать. На ступенях показались Молли, Рон и Калли.

— Что происх… — начал Калли, но замолчал, повинуясь жесту Ридры.

— Этот красный огонек — корабль захватчиков. Мы атакуем через несколько минут. Мы — это вон те желтые огоньки внизу.

На этом она закончила объяснения.

— Удачи вам, — коротко сказала Молли.

Через пять минут остался только красный свет. Теперь по ступеням защелкал когтями Брасс, присоединяясь к ним. Джебел объявил:

— Охотник превратился в дичь. Выступают безумцы-преступники.

Группа желтых огоньков слева двинулась вперед.

— Этот захватчик неплохо выглядит, а, Ястреб?

— Не беспокойся, он нам крепко задаст.

— Дьявол! Мне не нравится трудная работа. Получили мое сообщение? — послышалось из динамика.

— Получили. Свиная Нога, перестань перекрывать луч Бороды Леди.

— Ладно.

— Невротики движутся с манией величия. Предводительствует Наполеон. Замыкает же Иисус Христос, — двинулись вперед корабли справа. — Проявляйте глубокую депрессию,

некоммуникабельность с подавленной враждебностью.

За собой она услышала молодые голоса. Помощник вел по ступеням взвод. Подойдя, они замолчали перед обширностью ночи. Объяснения происходили шепотом и передавались среди парней.

— Начинайте первый психотический эпизод.

Желтые огоньки ринулись вперед в темноту.

Захватчик, должно быть, заметил их, потому что начал отходить. Большой корабль не мог убежать от пауков, если он только не прыгает в гиперстасис. А для этого не хватало времени. Три группы желтых огней — тесная, менее тесная и совсем рассеянная — подобрались ближе.

Через три минуты захватчик прекратил отступление. На экране вырос фонтан красных огоньков. Захватчик выпустил свою группу защитных крейсеров, которые тут же разбились на три стандартных атакующих группы.

* * *

— Жизненная цель разделилась, — объявил Джебел. — Не падать духом!

— Пусть эти детишки попробуют добраться до нас!

— Помни, Киппи: низко, быстро и резко!

— Если мы заставим их защищаться, мы сделали дело!

— Приготовиться к преодолению вражеской защиты. Все в порядке. Применить назначенное лечение!

Расположение крейсера захватчиков не было, однако, защитным. Треть их расширилась горизонтально среди звезд, другая группа прочесывала сеть под углом в пятьдесят градусов, а третья группа повернулась еще на шестьдесят градусов, так что они образовали решетку перед материнским кораблем.

— Внимание! Противник усилил защитную сеть.

— Что это за новая группировка?

— Мы пройдем насквозь. Вы обеспокоены?

В одном из микрофонов слышались только статические разряды.

— Черт побери, они обстреляли Свиную Ногу!

— Отведи меня назад, Кипп… Вот так. Свиная Нога?

— Вы видите, что с ним? Эй, вон там…

— Применение активной терапии справа… Действовать как можно решительнее. Центр усиливает давление. Слева держаться как раньше.

Ридра следила, очарованная, как желтые огоньки сцепились с красными, которые гипнотически продолжали ткать свою сеть, решетку, паутину…

Паутина! Картина всплыла в ее мозгу, связав все линии. Трехчастная решетка была аналогична той сети, которую она распутала в гамаке несколько часов назад, но с некоторыми изменениями, так как теперь перед ней были не струны, а траектории кораблей; все же действовала единая закономерность.

Она схватила с панели микрофон.

— Джебел! — Слова скользили от постдентальных согласных через лабиальные к фрокативным налатальным, и за этими звуками таился смысл, хлынувший в ее мозг. Она бросила стоявшим рядом навигаторам: — Калли, Молли, Рон, дайте мне координаты места схватки.

— А? — сказал Калли. — Ладно. Он начал приспосабливать шкалу сталориметра на своей ладони.

«Какие медленные движения! — подумала она. — Все их движения такие медленные». Она знала, что следует делать, и следила за внезапным изменением обстановки.

— Ридра Вонг, Джебел занят, — послышался сердитый голос Батчера.

Калли проговорил над ее левым плечом:

— Координаты: 3-Б, 41-Ф, 9-К. Быстро, а?

Казалось, она просила об этом час назад.

— Батчер, вы засекли эти координаты? А теперь, смотрите, через… двадцать семь секунд крейсер пройдет через… — она указала три координаты пункта. — Ударьте его по ближайшим… Первый корабль выведен из строя!

— Да, капитан Вонг.

Она почувствовала облегчение: значит, Батчер послушался ее; она дала координаты еще трех кораблей в «паутине».

— Ударьте по ним, и они будут уничтожены.

Когда она опустила микрофон, послышался голос Джебела:

— Переход к групповой терапии.

Желтые корабли-пауки вновь ринулись во тьму. На месте кораблей захватчика были пустые дыры. В его подкреплениях царило смятение. Сначала один, потом другой — и красные крейсера захватчика отступали.

Желтые огоньки преследовали их, и вот вибролуч поймал красный огонь корабля захватчика.

Рон подпрыгнул, схватившись за плечи Карлоса и Флона.

— Эй, мы победили! — закричал он. — Мы по-

бедили!

Парни негромко разговаривали друг с другом. Ридра чувствовала себя странно далекой от них. Они так медленно разговаривали, им требовалось так много времени, чтобы высказать то, что может быть быстро выражено несколькими простыми…

— Что с вами, капитан? — Брасс обхватил ее плечи желтой лапой.

Она старалась заговорить, но вырвался только хрип. Ридра забилась в его лапах.

Теперь к ней повернулся помощник.

— Вы хорошо себя чувствуете? — спросил он.

— В… б… б… — она поняла, что не сможет сказать этого на Вавилоне-17. Рот ее с трудом принял форму, необходимую для произнесения английских слов. — Больна, — сказала она. — Боже, я больна.

Сказав это, она почувствовала, что головокружение проходит.

— Может вам лучше лечь? — спросил помощник.

Она покачала головой. Напряженность в плечах и спине, тошнота прошли.

— Нет. Теперь мне лучше. Думаю, я просто слишком переволновалась.

— Посидите минутку, — сказал Брасс, пытаясь усадить ее. Но она высвободилась.

— Я на самом деле в порядке, — она сделала глубокий вздох. — Видите? Мне нужно пройтись. Тогда мне будет лучше.

Все еще неуверенно она пошла. Она ощущала их теплоту и заботу, но внезапно ей захотелось быть в другом месте.

Добравшись до самого конца галереи, она почувствовала, что к ней возвращается нормальное дыхание. Отсюда в шести различных направлениях отходили коридоры, спускающиеся на различные уровни корабля. Она остановилась, не зная куда двинуться, и повернулась, услышав какой-то шум.

Несколько человек, членов экипажа «Тарика» шли по коридору. Среди них был Батчер. Он улыбнулся, заметив ее замешательство, и указал вправо. Она не чувствовала желания говорить, тоже улыбнулась и коснулась лба в знак приветствия. Двинувшись по правому коридору, она поразилась значению его улыбки. В ней была и гордость их совместным успехом (что и позволило ей промолчать), да, но было также и прямое удовольствие от того, что он может оказать ей помощь.

Она все еще улыбалась, когда достигла общего зала.

2

Опершись на перила мостика, она смотрела вниз на суету в огромном грузовом доке корабля.

— Помощник, раздайте парням эти тележки и отведите их вниз. Джебел сказал, что они могут помочь.

Помощник повел взвод к лифту, опускавшемуся в глубины «Тарика».

— ...спустившись, подойдите к тому человеку в красном и попросите дать вам работу. Да, работу. Не удивляйтесь так... Кайл, привяжитесь. Тут глубина двести пятьдесят футов и несколько твердовато для вашей головы, если упадете. Эй, вы двое, прекратите! Пусть он начинает первым. Беритесь и будьте осторожнее...

Ридра слушала голоса, следила за механизмами, за тем, как перегружали запасы с двух изуродованных кораблей и их крейсеров. Вдоль всей поверхности дока тянулись груды тюков и ящиков.

— Крейсеры мы разделали быстро. Боюсь, что и «Рембо» подвергнется той же участи. Не хотите ли вы что-нибудь взять оттуда прежде, чем мы начнем работу, капитан?

Она обернулась, услышав голос Джебела.

— Мне хотелось бы захватить несколько важных записей. Я оставлю здесь взвод, а офицеров возьму с собой.

— Хорошо, — Джебел присоединился к ней у перил. — Как только мы кончим здесь, я пошлю рабочую команду; может, вы захотите вынести что-нибудь большое.

— Я не… — начала она. — А, понимаю, вам нужно горючее.

Джебел кивнул:

— И компоненты стасис-генераторов, а также запасные части для наших «пауков». И мы не тронем «Рембо», пока вы не кончите.

— Понимаю. Вы очень добры.

— Я поражен, — сменил тему Джебел, — вашим методом разрушения защитной сети захватчиков. Их построение обычно доставляло нам немало беспокойства. Батчер сказал мне, что вы разорвали ее меньше чем за пять минут, и мы потеряли всего одного «паука». Это рекорд. Я не знал, что вы не только поэтесса, но и мастер стратегии. У вас множество талантов. Счастье, что Батчер услышал вашу команду. Я бы не смог ей подчиниться в тот момент. Если бы результаты не были столь впечатляющи, я бы наказал

Батчера. Но никогда его решение не приносило мне такую добычу…

Он посмотрел вниз.

На спускавшейся платформе в центре дока экс-каторжник наблюдал молча за действиями внизу.

— Интересный человек, — сказал Ридра. — За что он был осужден?

— Я никогда не спрашивал, — ответил Джебел, поднимая голову. А он никогда не говорил мне. На «Тарике» много интересных людей. А Уединение и Тайна необходимы в столь малом пространстве. О да, месяц спустя вы поймете, какая маленькая наша «Гора».

— Простите, — извинилась Ридра. — Я не должна была спрашивать.

Передняя секция разрубленного корабля захватчиков двигалась по туннелю в двадцать футов длиной. Рабочие освобождали ее от креплений, а лебедки начали медленно тянуть ее вперед.

Рабочий у входа в корабль внезапно закричал и торопливо повернулся. Его инструмент звякнул о корпус. Входной диск скользнул в сторону, в нем показалась фигура в серебряном кожаном мундире. Скользнув к поясу конвертора, фигура

проскочила между двумя выступами и побежала. Капюшон слетел с головы, открыв длинные, до плеч, коричневые волосы, которые развевались, когда человек менял курс, огибая груды оборудования. Он двигался быстро, но с какой-то неуклюжестью, и вдруг Ридра поняла, что это женщина с животом, выдающим семимесячную беременность. Механик замахнулся на нее гаечным ключом, но она, нырнув, избежала удара и продолжала бежать к открытому месту между грудами оборудования.

И тут воздух был разрезан свистом вибропистолета; женщина остановилась, а когда свист повторился, тяжело опустилась на пол. Она повалилась на пол, дернула ногой, дернула еще раз.

Вверху Батчер прятал в кобуру свой пистолет.

— В этом не было необходимости, — сказал Батчер с шокирующей мягкостью.

— Разве мы не могли… — казалось, продолжения быть не может. На лице Джебела отразилось сожаление и любопытство. Она поняла, что сожаление связано не с двойной смертью внизу, на палубе; это досада джентльмена, пойманного за неблаговидным занятием. А любопытство касалось ее реакции. Она поняла, что сама ее жизнь зависит от того, поддастся ли она спазмам

в желудке. Она видела, что он готовится что-то сказать, он уже начал говорить, и она сказала за него:

— Они используют беременных женщин на боевых кораблях. У них обостренные реакции.

Она ждала, что он расслабится; так и есть.

Батчер вышел из небольшого лифта. Он подошел к ним, нетерпеливо ударил кулаком по бедру.

— Они облучают все перед схваткой. Не желают ничего слушать. Вторично за два месяца.

Внизу люди с «Тарика» и взвод столпились над телом.

— Батчер, вы вызвали любопытство капитана Вонг, — голос Джебела был мягок и холоден. — Капитан спрашивала, что вы за человек, а я не смог ответить. Может быть, вы объясните, почему…

— Джебел, — сказала Ридра. Ее глаза в поисках его взгляда наткнулись на мрачную улыбку Батчера. Я хочу сейчас отправиться на свой корабль и осмотреть его перед демонтажом.

* * *

— Нет, не чудовище, Брасс, — она раскрыла дверь капитанской каюты «Рембо» и вошла внутрь. — Всего лишь приспосабливающийся к

обстоятельствам. Точно как… — и она многое сказала ему, пока украшенный клыками рот Брасса не скривился в улыбке. Он покачал головой.

— Говорите со мной по-английски, капитан. Я не понимаю вас.

Она взяла с подставки словарь и положила его на стопку карточек.

— Простите, — сказала она. — Этот язык захватывает. Когда изучишь его, кажется таким легким. Унесите эти записи. Я хочу еще раз посмотреть их.

— А что это? — Брасс взял у нее записи.

— Транскрипция последних разговоров на Вавилоне-17 в Военном Дворе как раз перед нашим взлетом, — она нацепила катушку на валик и начала прослушивать.

Мелодичный поток полился через помещение и захватил ее, а через десять-двенадцать секунд она начала понимать суть происшедшего. Заговор уничтожения ТВ-55 возник перед ней с галиоцинационной ясностью. Попадались отрывки, которых она не понимала, и тогда она билась о стену непонимания… Слушая и понимая, она плыла в мощном потоке психики. Не понимая, она теряла дыхание от шока, слепла, трясла головой, один раз случайно прикусила язык. Потом

понимание возвращалось.

— Капитан Вонг?

Это был Рон. Она повернула голову, слегка болевшую, и посмотрела на него.

— Капитан Вонг, я не хотел беспокоить вас.

— Ничего, — сказала она. — Что случилось?

— Вот что я нашел в каюте пилота.

Он держал маленькую катушку с лентой.

Брасс все еще стоял у двери.

— Откуда она в моей части корабля?

Черты лица Рона напряглись.

— Я только что прослушал ее вместе с помощником. Это требование капитана Вонг — или кого-то там еще — на разрешение взлета, а также распоряжение помощника на старт.

— Понятно, — сказала Ридра. Она взяла катушку. Потом нахмурилась. — Но это катушка из моей каюты. Я использую такие трехчасовые катушки, которые я захватила из университета. Все остальные на корабле четырехчасовые. Запись сделана здесь.

— Значит, — сказал Брасс, — кто-то пробрался сюда в ваше отсутствие.

— Когда меня нет, эта каюта заперта так тщательно, что даже лишенная тела муха не смогла бы пробраться в щель под потолком, — она по-

качала головой. — Мне это не нравится. Не знаю, где нас ждет осложнение в следующий раз. Но, — сказала она, — во всяком случае я знаю теперь, что делать с Вавилоном-17.

— А что это? — спросил Брасс.

В дверях стоял помощник, глядя через украшенное цветком плечо Рона.

Ридра посмотрела на экипаж. Что лучше: неуверенность в себе или недоверие?

— Я не могу вам ответить сейчас, но это очень просто, — она подошла к двери. — Я хотела вам сказать, но после всего происшедшего получится немного глуповато.

* * *

— Но я хочу говорить с Джебелом!

Шут Клик взъерошил свои перья и пожал плечами.

— Леди, я уважаю ваши желания превыше всех на «Горе», кроме желаний Джебела. А сейчас вы противоречите желанию Джебела. Он желает, чтобы его не беспокоили. Он обдумывает цели «Тарика» на следующий временной цикл. Он должен тщательно взвесить все течения, учесть даже вес звезд вокруг нас. Это трудная задача, и…

— Тогда где Батчер? Я спрошу у него, но я пред-

почла бы говорить непосредственно с Джебелом.

Шут указал зеленым ногтем.

— Он в биологической лаборатории, пройдите через зал и поднимитесь на первом лифте слева до двенадцатого уровня.

— Спасибо, — она двинулась по ступеням в общий зал. Поднявшись на лифте, она обнаружила большую радужную дверь и нажала входной ее диск. Створки раздвинулись.

Его круглая голова и могучие бугристые плечи вырисовывались на фоне булькавшего бассейна, в котором плавала крошечная фигура: пена пузырей, поднимавшаяся от фигурки, окутывала ее ноги, руки, голову, а младенческие волосы развевались в крошечных водоворотах.

Батчер повернулся, увидел ее и сказал:

— Умер, — он яростно кивнул. — Еще пять минут назад он жил. Семь с половиной месяцев. Он должен был выжить. Он был достаточно силен, — кулаком левой руки он ударил по ладони правой, как делал это в общем зале. Движущиеся мускулы успокоились. Он ткнул пальцем на операционный стол, где лежало вскрытое тело женщины. — Сильные повреждения внутренних органов. Много адоминальных некрозов, — он повернулся так, что теперь его палец указывал

через плечо на плавающий зародыш, и грубый жест приобрел неожиданно экономную грацию. — И все же, он должен был жить.

Батчер выключил свет в бассейне, и выделение пузырьков прекратилось. Он отошел от лабораторного стола.

— Что угодно, леди?

— «Джебел» планирует курс «Тарика» на следующие месяцы. Не можете ли вы спросить его… — она остановилась, потом закончила: — Почему?

Мускулы Рона, подумала она, живые шнуры, которые передают сообщения. У этого мужчины мускулы призваны скрывать его внутренний мир. А что-то прорывалось изнутри, снова и снова ударяясь о щит мускулов.

— Почему? — повторила она. — Почему вы так старались спасти ребенка?

Лицо его исказилось, левая рука окружила примету каторжника на бицепсе правой, как будто рана начала жечь. Потом он с отвращением отвел руку.

— Мертв. Больше ничего хорошего… Что угодно леди?

То, что прорывалось наружу отступило, отступила и она.

— Я хочу знать, сможет ли Джебел доставить меня в штаб-квартиру Администрации Союза. Я должна передать важную информацию, касающуюся Захвата. Мой пилот сказал, что Спецелли Снэп тянется на десять гиперстатических единиц, каждая единица может быть преодолена лодкой-пауком, а «Тарик» сможет все время оставаться в зоне радиозащиты. Если Джебел сопроводит меня в штаб-квартиру, я гарантирую ему покровительство и благополучное возвращение в самую отдаленную часть Снэп.

Он смотрел на нее.

— Весь путь вниз по Языку Дракона?

— Да. Брасс сказал мне, что так называют конец Снэп.

— Гарантируете покровительство?

— Верно. Я покажу вам мои бумаги, подписанные генералом Форестером из Союза, если вы…

— Джебел? — сказал он в стенной интерком.

Разговор велся направленно, поэтому она не могла слышать ответ.

— Направьте «Тарик» вниз по Языку Дракона в первом цикле.

Он кивнул в ответ на неразличимый шепот, а потом сказал:

— Он умер, — выключив интерком, Батчер

обратился к Ридре:

— Все в порядке, Джебел направит «Тарик» к штаб-квартире.

Ее печальное недоверие сменилось изумлением. Изумлением сопровождала бы она и его безусловное подчинение ее плану разрушения защиты корабля захватчиков. Если бы Вавилон-17 не поглотил ее полностью.

— Что ж, спасибо, — начала она, — но вы даже не спросили меня… — потом она решила выразиться иначе. Но Батчер сжал свой кулак.

— Знать, что корабль должен быть уничтожен, и он уничтожен, — он ударил себя кулаком в грудь. — Теперь идти вниз по Языку Дракона, — и он снова ударил себя в грудь.

Она хотела задать вопрос, но поглядев на мертвый зародыш в темной жидкости, только сказала:

— Спасибо, Батчер.

Выйдя в радужную дверь, она обдумывала его слова, стараясь найти какое-нибудь объяснение его действиям. Даже грубая манера, в которой он говорит…

Его *слова*! Догадка ударила ее и она поспешила по коридору.

3

— Брасс, он не может сказать «я»! — она перегнулась через стол, побуждаемая любопытством.

Пилот сомкнул когти вокруг своего питьевого рога. Деревянные столы в общем зале накрывались для ужина.

— Я, мне, мой… Думаю, что он этого не может выговорить. Или подумать. Интересно, из какого он ада?

— Вы знаете язык, в котором не было бы слова для выражения «я»?

— Я могу припомнить несколько, где это местоимение используется нечасто, но ни одного, где бы не было даже такой концепции, хотя бы сказывающейся в глагольных окончаниях.

— Но что это значит?

— Странный человек со странным образом мыслей. Не знаю почему, но он хорошо ко мне относится и даже служит посредником между мной и Джебелом. Мне хочется его понять, поэтому я и не обижаю его.

Она огляделась. Общий зал был охвачен приготовлениями. Девушка, которая принесла им цыплят, теперь глядела на Ридру, все еще испу-

ганная. Испуг смешивался с любопытством, и она перебралась на два стола ближе, потом любопытство сменилось равнодушием, и она отправилась за ложками к шкафу у стены.

Ридра задумалась, что случится, если она переведет свое восприятие движений людей, движений их мускулов на Вавилон-17. Она понимала теперь, что это не только язык, но и гибкая матрица для аналитических возможностей, в которой то или иное «слово» так же соответствует узлам в паутине медицинского отсека или в защитной сетке космического корабля.

Что он сделает с выражением человеческого лица? Возможно, дрожание ресницы или пальца может быть описано математически. Или возможно…

Пока она думала, ее мозг одновременно проникал в компактность Вавилона-17. Но она закрыла глаза, услышав… голоса…

Очерчивая и определяя друг друга, не сами голоса, а мозги, создававшие эти голоса, переплетались друг с другом, так что она теперь знала, что человек, входящий в зал, был огорченным братом Свиной Ноги, а девушка, прислуживающая им, влюблена в юношу из сектора лишенных тела, и этот юноша появляется во всех ее сновидениях…

То, что она сидела в общем зале, который постепенно заполнялся людьми, шедшими на ужин, составляло малую часть ее сознания.

Объединенные общим голосом, зубастый зверь в одном человеке, ленивый омут в другом, а вот знакомая волна юношеского смущения — это взвод с «Рембо» идет, парни тузят друг друга, и ведет его сосредоточенный помощник. А дальше над возбуждением, голодом, любовью — *страх*! Он звенел в зале, вспыхивал красным приливом, и она поискала Джебела или Батчера, поскольку в этом страхе были их имена, но не нашла их в помещении, а тощий человек по имени Джеффри Корд, в чьем мозгу сосредоточен страх, искрится и брюзжит: *убить ножом, который я спрятал в обуви*, и снова: *занять самое высокое место на «Тарике»*, а мозги вокруг него, ощупывая и бормоча, излучали юмор или боль, любовь и ненависть, все ощущали облегчение от приближения ужина и представления, которое мудрый Клик покажет этим вечером. Мозги участников пантомимы были заняты своей игрой, когда они смотрели на зрителей, перед которыми час спустя они будут выступать. Один пожилой навигатор с геометрической головой торопился дать девушке, которая будет изображать в пьесе любовь, серебряную

пряжку, которую он сам выплавил и отделал, чтобы проверить, будет ли она играть в любовь с ним…

Она села на свое место, ей принесли сначала графин, потом хлеб, она видела это и улыбнулась, но она видела и многое еще: вокруг нее люди сидели, отдыхали, а обслуживающие бегали от прилавка, где дымились бифштексы и печеные фрукты, к столу… Но через все это ее мозг вернулся к тревоге Джеффри Корда. *Я должен действовать этим вечером, когда кончится представление.*

И, не способная сосредоточиться на чем-либо, кроме этой мысли, она следила, как он двигается вперед, когда начинается пантомима, как будто он лучше хотел рассмотреть сцену, мысленно скользит вдоль стола к тому месту, где сядет Джебел, вонзает кинжал ему между ребер, а в лезвии — желобок, полный яда, а когда его захватывают в плен, думают, что он под гипнотическим контролем, и он рассказывает дикую историю, как его много часов продержали в гипнозе под персонафиксом, что он был под контролем Батчера, потом он ухитряется остаться наедине с Батчером и кусает руку или ногу Батчера, вводя в него тот самый наркотик, которым отравлен его рот; и делает огромного каторжника беспомощ-

ным, а когда Батчер становится руководителем «Тарика», Джеффри Корд становится первым помощником Батчера, как теперь Батчер у Джебела, а когда «Тарик» Джебела становится «Тариком» Батчера, то Джеффри контролирует Батчера так, как он подозревает, что Батчер сейчас контролирует Джебела, и настает царство жестокости и всех чудаков выбросят из «Горы» в вакуум, и они будут могущественно обрушиваться на все корабли: Союза, Захвата, Теневые корабли в Снэп.

Ридра оторвала свой мозг от мозга Джеффри и разыскала Джебела и Батчера, и увидела, что они не гипнотики, что они не подозревают о предательстве, и ее собственный страх удвоился… (ее страх происходил от его страха), он проникал в нее, как в губку, но она была спокойна, даже когда ей приходилось выбирать слова и рисовать картины его предательства… Подавленная его страхом и подавленностью, она с трудом оторвалась от него.

Она видела так много помимо того, что говорил маленький демонический шут на сцене: «Перед вечерним представлением я хочу попросить нашу гостью, капитана Вонг, сказать несколько слов или почитать для нас». И она сознавала очень малой частью мозга, но этого было достаточно,

что она должна использовать предоставившийся шанс, чтобы разоблачить его. Сознание моментально прогнало все остальное, но потом пришли и другие соображения: она знала, что не может допустить, чтобы Корд помешал ее возвращению в штаб-квартиру, поэтому она встала и пошла к сцене в конце общего зала, видя в мозгу Корда смертоносное лезвие…

…и она достигла возвышения перед этим великолепным зверем, Кликом, и взобралась, слыша голоса, гремевшие в тишине зала и подбирая слова, так что они повисли в ней, и она смотрела на всех и смотрела на него, пожиравшего ее глазами. Рифмы, которые были просто сложны для ушей остальных в зале, для него были бесполезны, ибо соответствовали процессам в его теле, разрушали, били эти процессы…

> Отлично, Корд, чтобы быть господином черного «Тарика», тебе нужно больше, чем шакалья эрудиция или живот, полный убийства и грязного студня. Открой рот и руки. Чтобы понять власть, используй свой мозг. Честолюбие, как рубиновая жидкость, пятнает твой мозг, дрожит на шее желанием убить, швырнуть в

смерть. Ты называешь имя своей жертвы всякий раз, как наполняешь чашу черепа бормочущим убийством. Она предсказывает движение твоих пальцев к лезвию, скрывающемуся за кожаной оболочкой: ты останешься в безопасности: утратив удивительные миры, под сговорчивый свист персонафикса, внушающего лживые воспоминания, в то время, как землетрясение меняет «Тарик». Ты втыкаешь булавки в персики, прячешь свой кинжал с желобком, а тем временем длинные и стройные линии моего разума заставляют меняться твой. Теперь же слушай меня, я приказываю: убийство отменяется.

И она была удивлена, что он продержался так долго.

Она смотрела прямо на Джеффри Корда. А Джеффри Корд смотрел прямо на нее и дрожал.

Кто-то вскрикнул. Она думала на Вавилоне-17 и утратила английские слова. Но теперь она снова думала по-английски.

Джеффри Корд дернул головой, его черные волосы рассыпались, он оттолкнул стол и побежал к ней. Отравленный кинжал, который она видела

только через его мозг, был теперь выхвачен и направлен ей в живот.

Она отпрыгнула, ударила его по запястью, когда он попытался ударить ее и промахнулся. Он упал навзничь и покатился по полу.

Золото, серебро, янтарь: Брасс несся из своего угла зала, сереброволосый Джебел из другого, плащ его развивался, а Батчер уже был рядом — между нею и поднимающимся Кордом.

— Что это? — спросил Джебел.

Корд стоял на одном колене, все еще держа в руках кинжал. Его черные глаза перебегали от ствола одного вибропистолета к стволу другого. Он словно онемел.

— Мне не нравятся нападения на моих гостей.

— Этот нож предназначен для вас, Джебел, — тяжело дыша, сказала она. — Проверьте записи персонафикса «Тарика». Он хотел убить вас, взять под гипнотический контроль Батчера и захватить «Тарик».

— О, — сказал Джебел. — Один из этих, — он повернулся к Батчеру. — Наступило время еще для одного из них. Уже шесть месяцев никого не было. Благодарю вас, капитан Вонг.

Батчер сделал шаг вперед и взял нож у Корда, чье тело, казалось, окаменело, жили только глаза.

Ридра слышала в тишине лишь дыхание Корда, а Батчер, держа кинжал за лезвие, осматривал его. Лезвие в тяжелых пальцах Батчера казалось маленьким. Рукоять семи дюймов длины была сделана из орехового дерева.

Свободной рукой Батчер схватил Корда за черные волосы. Затем, не особенно торопясь, он погрузил кинжал по рукоять в правый глаз Корда.

Крик перешел в хрип. Слабеющие руки упали с плеч Батчера. Сидевшие вблизи поднялись.

Сердце Ридры подпрыгнуло в груди, ударяясь о ребра.

— Но вы даже не проверили… может, я ошиблась… а может, здесь было еще что-то.

Язык ее запутался в беспомощном протесте. Сердце в груди чуть не остановилось. Батчер с окровавленными руками холодно взглянул на нее.

— Он двигался с ножом на «Тарике» к Джебелу и к леди, и он умер!

Кулак правой руки ударил по левой ладони почти беззвучно, так как удар смягчила красная жидкость.

— Мисс Вонг, — сказал Джебел, — то, что я видел, не оставляет никаких сомнений в том, что

Корд действительно опасен. И у вас, я думаю, нет никаких оснований сомневаться. Вы для нас высокополезны. Я чрезвычайно признателен вам. Надеюсь, наше путешествие вниз по Языку Дракона пройдет благополучно. Батчер сказал мне, что это ваша просьба отправиться туда.

— Спасибо, не…

Сердце снова подпрыгнуло. Она попыталась нацепить на крюк этого «не» хоть какую-нибудь фразу, но не смогла. Она почувствовала головокружение, покачнулась, полуослепшая. Батчер подхватил ее в кровавые ладони.

* * *

Снова — круглая, теплая, голубая. Но теперь Ридра была одна и смогла подумать о том, что произошло в общем зале. Это было не то, что ей твердил Моки: телепатия. Но, очевидно, телепатия была связана с ее прежними способностями, и была новым способом мышления. Она открывала мир для восприятия и действия. Но тогда почему она больна? Она вспомнила, что время замедлялось, когда она думала на Вавилоне-17, вспомнила, что ускорялись ее мыслительные процессы. Очевидно, соответственно ускорялись и процессы психики, а ее тело не успевало за

ними.

Записи с «Рембо» говорили, что следующая попытка диверсии будет предпринята в штаб-квартире Администрации Союза. Она хотела явиться туда с языком, словарем и грамматикой, передать им все и удалиться. Она также была готова заняться поисками этого удивительного источника передач. Но помимо этого удивительного источника передач оставалось еще что-то, что-то такое, что нужно услышать и выговорить.

Чувствуя головокружение и тошноту, она оперлась на окровавленные пальцы, пытаясь встать. Бесчувственное скотство Батчера, подкрепленное чем-то таким, чего она не знала, было ужасным, но человеческим. Хотя и с окровавленными руками, но он был безопаснее, чем мир, скорректированный удивительным языком. Что можно сказать человеку, который не умеет говорить «я»? Что он может сказать ей? Грубость Джебела, его жестокость, вполне вмещались в границы существования цивилизации. Но это красное скотство — оно очаровало ее!

4

Она поднялась с гамака, на этот раз не привязанная к нему. Уже с час она чувствовала себя лучше, но продолжала лежать, размышляя. Пандус скользнул к ее ногам.

Когда стена госпиталя закрылась за ней, она вышла в коридор. Навстречу ей пульсировал воздушный поток. Спортивные брюки касались ее обнаженных ног. Линия выреза черной шелковой блузы свободно лежала на ее плечах.

Она хорошо отдохнула в ночной период «Тарика». В период высшей активности время сна регламентировалось, но во время перелетов от одного пункта к другому были часы, когда все население «Тарика» спало.

Вместо того, чтобы двинуться в общий зал, она свернула в незнакомый, спускающийся вниз туннель. Белый свет, струившийся с пола, в пятидесяти футах сменился янтарным, потом оранжевым, она остановилась и из-под руки смотрела на оранжевый свет. Дальше, в сорока футах, оранжевый свет переходил в красный, затем в голубой.

Перед ней раскрылось обширное простран-

ство, стены раздвинулись, потолок поднялся во тьме настолько, что его не было видно. От смены цветов перед ее глазами качались какие-то воздушные изображения… Нематериальный туман плюс непривыкшие глаза заставили ее повернуться, чтобы сориентироваться.

На красном фоне входа в зал вырисовывался силуэт человека.

— Батчер?

Он подошел к ней, черты его лица были окутаны цветным туманом. Остановился, кивнул.

— Почувствовав себя лучше, я решила прогуляться, — объяснила она. — Что это за часть корабля?

— Помещения лишенных тела.

— Я должна была знать… — они пошли в ногу. — Вы тоже прогуливались здесь?

Он покачал тяжелой головой.

— Чужой корабль проходит вблизи «Тарика», и Джебел хочет прослушать донесение чувствователей.

— Союзник или захватчик?

Батчер пожал плечами.

— Мы знаем только, что это не человеческий корабль. В семи исследованных галактиках с начала межзвездных полетов было обнаружено

9 разумных рас. Три из них определенно поддерживали Союз. Четыре приняли сторону Захвата. С двумя невозможно было установить связь.

Они так далеко зашли в сектор лишенных тела, что вокруг ничто не казалось материальным. Стены были синим туманом с углами. Отдающийся эхом шелест обмена энергией, вызывал отдельные вспышки, и перед ее глазами, дразня, возникали образы полузнакомых привидений, которые как будто прошли мгновенно назад, но сейчас их нет.

— Далеко ли мы идем? — спросила она, решив идти с ним, думая в то же время: если он не знает слова «я», как же он может понимать слово «мы»?

Понимая или нет, он ответил:

— Скоро.

Потом взглянул прямо на нее своими тяжелыми глазами и спросил:

— Почему?

Тон его голоса был настолько отличен от того, что она знала, и не соответствовал тому, о чем они говорили в последние минуты, что она стала рыться а памяти, пытаясь вспомнить, что же она такое сделала?

Он повторил:

— Почему?

— Что «почему», Батчер?

— Почему спасение Джебела от Корда?

В этом вопросе не было возражения, только любопытство.

— Потому что он мне нравится, потому что он нужен мне, чтобы доставить меня в штаб-квартиру, к тому же мне было приятно, что я… — она запнулась. — Вы знаете, кто это — «я»?

Он покачал головой.

— Откуда вы пришли, Батчер? На какой планете вы родились?

Он пожал плечами.

— Голова, — сказал он спустя мгновение. — Сказали, что что-то не в порядке с головой.

— Кто?

— Доктора.

Голубой туман плыл между ними.

— Доктора на Титане? — продолжала спрашивать Ридра. Батчер кивнул. — Почему же вас тогда поместили в тюрьму, а не в госпиталь?

— «Мозг не болен», — сказали они. Эта вот рука, — он поднял левую руку, — убила четверых за три дня. Эта рука, — он поднял правую, — убила семерых. Разрушила четыре здания термитом. Нога, — он шлепнул себя по левой ноге, — пнула

в голову охранника в телехронном банке. Там очень много денег, слишком много, чтобы унести. Унести можно было четыреста тысяч кредитов. Немного.

— Вы ограбили банк телехрона на четыреста тысяч кредитов?..

— Три дня, одиннадцать человек, четыре здания: все за четыреста тысяч кредитов… Но Титан… — лицо его дернулось, — там было совсем не весело.

— Я слышала. Как долго они не могли вас поймать?

— Шесть месяцев.

Ридра свистнула.

— Снимаю перед вами шляпу, раз вы смогли так долго продержаться после ограбления банка. И вы обладаете достаточными знаниями, чтобы сделать сложное кесарево сечение и извлечь плод живым. В этой голове кое-что имеется.

— Доктора сказали, мозг не глупый.

— Послушайте, мы с вами разговариваем и будем разговаривать еще. Но сначала я должна научить… — она запнулась, — научить мозг кое-чему.

— Чему же?

— Насчет «вы» и «я». Вы слышите эти слова сот-

ни раз в день. Разве вы никогда не задумывались, что они означают?

— Зачем? Большинство вещей понятно и без них.

— Ну, давайте говорить на том языке, с которым вы выросли.

— Нет.

— Почему же нет? Я хочу установить, знаком ли мне этот язык!

— Доктора сказали, что что-то не в порядке с мозгом.

— Хорошо. Но что же не в порядке?

— Афазия, аплексия, амнезия.

— Да, это осложняет дело, — она нахмурилась. — Это произошло до или после грабежа банка?

— До.

Она старалась привести в порядок то, что узнала.

— Что-то произошло с вами. В результате вы утратили память, способность говорить, читать, и первое, что вы сделали после этого — ограбили телехронный банк… который именно банк?

— На Реа-IV.

— А, небольшой. Но однако… вы оставались на свободе шесть месяцев. Есть ли у вас хоть

какое-нибудь представление о том, кем вы были до утраты памяти?

Батчер пожал плечами.

— Я полагаю, что были проверены все возможности, что вы работаете на кого-нибудь под гипнозом. Вы не знаете, на каком языке говорили до утраты памяти? Что ж, ваши речевые образы должны основываться на вашем прежнем языке или вы узнали бы о «я» и «мы» просто услышав новые слова.

— Почему эти звуки должны означать что-нибудь?

— Потому что вы задаете вопрос, на который я не могу ответить, если вы не понимаете значения этих слов.

— Нет, — недовольство исказило его голос. — Нет. Существует ответ. Слова ответа должны быть простыми — и все.

— Батчер, существуют определенные идеи, обозначаемые словами. Если вы не знаете слова, вы не можете знать идеи. А если у вас нет идеи, то нет и ответа.

— Слово «вы» трижды произнесено, так? Но нет еще ничего неясного, значит «вы» не имеет значения.

Она вздохнула.

— Это потому, что я использовала слово фактически, по обычаю, без опоры на его реальный смысл… как речевой оборот. Послушайте, я задала вам вопрос, на который вы не смогли ответить.

Батчер нахмурился.

— Понимаете, вы можете уловить смысл этих слов, вдумываясь в то, что я говорю. Лучший способ изучить язык — слушая его. Так слушайте. Когда вы, — она указала на него, — говорите мне, — и она указала на себя: «Зная какие корабли уничтожить, и корабли уничтожены. Теперь идти вниз по Языку Дракона», вы дважды ударили кулаком, — она коснулась его левой руки, — в грудь, — она поднесла его руку к груди. Кожа под ее ладонью была прохладной и ровной. — Кулак пытался сказать что-то… А если бы вы использовали слово «я», вам не нужно было бы ударять себя в грудь. Вы хотели сказать вот что: «Вы знаете, какие корабли нужно уничтожить, и я их уничтожил. Вы хотите идти вниз по Языку Дракона, и я поведу „Тарик“ вниз по Языку Дракона».

Батчер нахмурился опять.

— Да, кулак что-то говорит.

— Разве вы не видите, что иногда вы хотите что-то сказать, но не имеете идеи и слова, обозначающего эту идею? Вначале было слово. Пока

что-то не названо, оно не существует. А существование его необходимо мозгу, иначе вы не били бы себя в грудь и не ударяли кулаком в ладонь. Мозг жаждет этого слова — позвольте мне научить вас ему.

Его лицо нахмурилось еще сильнее.

Теперь туман между ними рассеялся. И в сверкающей звездной мгле что-то двигалось непрочное и мерцающее. Они достигли выхода чувствователей, выход пропускал волны, по частоте близкие к видимому свету.

— Вот, — сказал Батчер. — Вот чужой корабль.

— Он с Кирибиа-4, — сказала Ридра. Они дружественны Союзу.

Батчер был удивлен тем, что она узнала корабль.

— Очень странный корабль.

— Забавно выглядит, верно?

— Джебел не знает, откуда он, — он покачал головой.

— Я их не видела с детства. Им доставляли делегатов с Кирибии во Двор Внешних Миров. Моя мать была там переводчицей, — она оперлась на перила и смотрела на корабль. — И не подумаешь, что такое неуклюжее сооружение может совершать полеты в стасисе. Но оно летает.

— У них есть слово «я»?

— Фактически у них три формы этого слова: Я-ниже-температуры-в-60-градусов… Я-между-температурами-в-60-градусов-и-93-градуса… Я-свыше-девяноста-трех.

Батчер выглядел удивленным.

— Это связано с их процессом воспроизводства, — объяснила Ридра. — Когда температура ниже шестидесяти градусов, они стерильны. Совокупляться они могут при температуре между шестьюдесятью и девяносто тремя градусами, но зачать могут лишь при температуре выше девяноста трех градусов.

Кирибианский корабль как перышко двигался по экрану.

— Может быть, вам будет понятнее, если я скажу вот что. В галактиках известны девять разумных рас, все они распространены так же широко, как и мы, все технически развиты, у всех сложная экономика, семь из них втянуты в ту же войну, что и мы, и все же мы очень редко встречаемся с ними. Настолько редко, что даже такой опытный космонавт, как Джебел, проходя мимо одного из них, не может определить его. Хотите знать, почему?

— Почему?

— Потому что совместные факторы коммуникации невероятно слабы. Возьмите этих киpибианцев, у которых достаточно знаний, чтобы их вареные строенные яйца несли их от звезды к звезде: у них нет слова «дом», «жилье», «жилище». «Мы должны защищать свои дома и семьи». Когда готовили договор между нами и Кирибией во Дворе Внешних Миров, я помню, понадобилось сорок пять минут, чтобы сказать эту фразу по-кирибиански. Вся их культура основана на жаре и смене температур. Наше счастье, что они знали, что такое семья, кроме людей, они единственные имеют семьи. Но что касается «дома», то кончили следующим описанием: «...помещение, которое создает температурное различие с внешним окружением на такое количество градусов, которое делает возможным существование организма с температурой тела в 98,6 градуса; это же помещение способно понизить температуру в жаркий сезон и повысить ее в холодный; где имеются условия для сохранения от порчи органических веществ, используемых в пищу, а также для нагрева их до температуры кипящей воды, чтобы сделать их вкус более соответствующим для обитающих в этом помещении, которые благодаря смене миллионов жарких и холодных

сезонов приспособились к таким изменениям температуры…» и так далее. В конце концов, нам удалось дать им некоторое представление об идее «дома» и о том, почему его нужно защищать. Когда им объяснили принципиальное устройство кондиционеров и центрального отопления, дело пошло лучше. Теперь: существует огромная фабрика преобразования солнечной энергии, которая снабжает электричеством все потребности Двора. Элементы, улавливающие и преобразующие солнечный свет, занимают пространство большее, чем «Тарик». Один кирибианец может пройти по этой фабрике и затем описать ее другому кирибианцу, который никогда не видел ее, таким образом, чтобы второй сумел создать ее точную копию, включая даже цвет стен. Так и было сделано, так как они решили, что мы изобрели нечто стоящее, и хотели сами попробовать; и в этом описании была указана каждая деталь, ее размеры, и все это было описано в девяти словах. В девяти маленьких словах.

Батчер покачал головой.

— Нет. Устройство для консервации солнечной энергии слишком сложно. Эти руки разбирали одно, не слишком давно. Очень большое. Нет…

— Да, Батчер, девять слов, по-английски это

потребовало бы несколько томов, полных электрических схем и архитектурно-строительных описаний. Они использовали для этого девять слов. Мы так не можем.

— Невозможно.

— Тем не менее, это так, — она указала на кирибианский корабль. Вот он летит, — она следила, как напрягается его мозг, удивленный и озадаченный. — Если у вас есть правильные слова, — сказала она, — это сберегает много времени и облегчает дела.

Немного погодя он спросил:

— Что такое «я»?

Она улыбнулась.

— Прежде всего, это очень важно. Гораздо важнее, чем что-либо другое. Мозг действует, пока «я» остается живым. Потому что мозг есть часть «я». Книга есть, корабль есть, Джебел есть, вселенная есть, и, как вы могли заметить, «я есть».

Батчер кивнул.

— Да. Но я есть что?

Туман сгустился над экраном, закрывая звезды и кирибианский корабль.

— На этот вопрос можете ответить только вы.

— «Вы», должно быть это тоже очень важно, — пробормотал Батчер, — потому что мозг заметил,

что вы суть.

— Умница!

Внезапно он погладил ее щеку. Петушиная шпора легко коснулась ее нижней губы.

— Вы и я, — сказал Батчер. Он приблизил к ее лицу свое. — Никого другого здесь нет. Только вы и я. Но который есть кто?

Она кивнула, отодвигая щеку от его пальцев.

— Вы получили идею.

Грудь его была холодной, пальцы — теплыми. Она положила поверх его пальцев свою руку.

— Иногда вы пугаете меня.

— Я и меня, — сказал Батчер. — Только морфологическая разница. Мозг видит за этим одну идею. Почему вы пугаете меня иногда?

— Пугаюсь. Морфологическая коррекция. Вы пугаете меня, потому что грабите банки и всаживаете нож в глаза людей, Батчер!

— Почему вы пугаетесь, я… поправка, меня?

— Потому что зло — нечто такое, чего я никогда не делала, не хочу и не могу делать. А вы мне нравитесь, мне нравятся и ваши руки на моих щеках, поэтому если вы вдруг решите всадить мне в глаз нож, что ж…

— О, вы никогда не всадите нож в мой глаз, — сказал Батчер. — Я не должен бояться.

— Вы не можете изменить свой мозг.

— Вы можете, — он пристально посмотрел на нее. Я на самом деле не думаю, что вы захотите убить меня. Вы знаете это. Я знаю это. Это что-то другое. Почему я не говорю вам еще другого, что испугало бы меня? Может вы видите какой-то рисунок и хотите его понять? Мозг не глупый.

Его рука скользнула на ее шею, в его глазах была сосредоточенность. Она уже видела это выражение в тот момент, когда он отвернулся от мертвого зародыша в биологической лаборатории.

— Однажды, — медленно начала она, — ...ну, это была птица.

— Птицы пугают меня?

— Нет. Но эта птица пугала. Я была ребенком. Вы ведь не помните себя ребенком? Для большинства людей многое из того, чем они становятся взрослыми, закладывается в детстве.

— И у меня тоже?

— Да, и у меня тоже. Мой доктор приготовил эту птицу мне в подарок. Это была майна-птица, она умела говорить. Но она не понимала того, что говорит. Она просто повторяла, как магнитофон. Но я этого не знала. Много раз я узнавала, что люди хотят сказать мне, Батчер. Я не понимала

этого раньше, но здесь, на «Тарике», осознала, что это похоже на телепатию. Ну, эту майну-птицу дрессировали, кормя ее земляными червями, когда она говорила все правильно. Вы знаете, какими большими бывают земляные черви?

— Такими?

— Верно. А некоторые даже на несколько дюймов длиннее. А сама майна-птица длиной в восемь-девять дюймов. Иными словами, земляной червь может достигать пяти-шести длин майны-птицы, и вот почему это важно. Птицу научили говорить: «Здравтсвуй, Ридра, какой хороший день, как я счастлива». Но для этого мозга это означало только грубую комбинацию зрительных и осязательных ощущений, которые приблизительно можно было перевести так: «Приближается еще один земляной червь». Поэтому когда я вошла в оранжерею и поздоровалась с майна-птицей, а та ответила: «Здравствуй, Ридра, какой хороший день, как я счастлива», я не могла не понять, что она лжет. Приближался еще один земляной червь, я могла видеть его и обонять, и предполагалось, что я его съем. У меня была истерия. Я никогда не говорила об этом доктору, потому что не могла до последних дней выразить то, что произошло. Но даже сейчас,

вспоминая об этом, я чувствую отвращение.

Батчер кивнул.

— Когда вы оставили Реа с деньгами, вы, в конечном счете, оказались закопанным в пещере в ледяном аду Диса. На вас нападали черви двенадцати футов длиной. Они продырявили скалы с помощью кислотной слизи, которой смазана их шкура. Вы обжигались, но убили их. Вы изготовили электрическую сеть из миниатюрного источника энергии. Вы убили их, вы уже не боялись. Единственная причина, по которой вы их не ели, в том, что кислота делает их мясо ядовитым. И вы ничего не ели три дня.

— Я? То есть… вы?

— Вы не боитесь вещей, которых боюсь я. Я не боюсь вещей, которых боитесь вы. Неправда ли, хорошо?

— Да.

Мягко он приблизил свое лицо к ее лицу, потом отвел его и смотрел на ее лицо в поисках ответа.

— Чего вы боитесь? — спросила она.

Он покачал головой, не отрицательно, а в смущении.

— Ребенок, ребенок, который умер, — сказал он. — Мозг боится за вас. Боится, что вы будете один.

— Боится, что вы будете один, Батчер?

Он кивнул:

— Одиночество — это плохо.

Она тоже кивнула.

— Мозг знает это, — продолжал Батчер. — Долгое время он не знал, но потом научился. Вы были одиноки на Реа, даже со всеми деньгами. Еще более одиноки были на Дисе, и на Титане, даже с другими заключенными, вы были более всего одиноки. Ни один не понимал вас, когда вы с ним говорили. И вы на самом деле не понимали их. Может быть, потому что они все время говорили «я» и «вы», а вы только теперь начали понимать, как это важно.

— Вы хотели спасти ребенка и вырастить его так… чтобы он говорил на том же языке, что и вы? Или, во всяком случае, говорил по-английски так, как вы?

— Тогда бы оба не были одиноки.

— Понимаю.

— Он умер, — сказал Батчер. Потом улыбнулся. — Но теперь вы уже не так одиноки. Я научил вас понимать других. Вы не глупы и обучитесь быстро, — теперь он полностью повернулся к ней, положил кулаки ей на плечи и тяжело заговорил: — Я нравлюсь вам. Даже тогда, когда я впервые

появился на «Тарике», что-то было во мне такое, что вам понравилось. Я видел, что вы делали вещи, которые по моему мнению, были плохими, но я нравился вам. Я сказал вам, как разрушить защитную сеть захватчиков, и вы разрушили ее для меня. Я сказал вам, что хочу отправиться к концу Языка Дракона, и вы организовали полет для меня. Вы делаете все, чего я прошу. Очень важно, чтобы я знал это.

— Спасибо, Батчер, — сказала она.

— Если вы когда-нибудь ограбите другой банк, вы отдадите все свои деньги мне.

Ридра засмеялась.

— Спасибо. Никто еще не хотел сделать этого для меня. Но надеюсь, вы не будете грабить…

— Вы убьете всякого, кто попытается мне вредить, убьете много ужаснее, чем убивали раньше.

— Но вы не должны…

— Вы убьете всех на Тарике, если они попытаются разлучить нас и оставить в одиночестве.

— О, Батчер… — она отвернулась от него и прижала кулак ко рту. — Плохой из меня учитель! Я сразу не поняла…

Удивленный и медленный голос:

— Я не понимаю вас. Я думаю.

Она снова повернулась к нему.

— Но это я, Батчер. Я не поняла вас. Пожалуйста, поверьте мне. Вам нужно еще немного поучиться.

— Вы верите мне, — кратко ответил он.

— Тогда слушайте. Мы встретились на полпути. Я не окончательно научила вас относительно «я» и «вы». Мы создали свой особый язык и говорим на нем.

— Но…

— Послушайте, всякий раз, как в последние десять минут вы говорили «вы», вам следовало сказать «я». Всякий раз, как вы говорили «я», вы имели в виду «вы».

Он опустил глаза, потом вновь поднял их, все еще не отвечая.

— То, что я говорю о себе, как «я», вы должны говорить «вы». И наоборот, понимаете?

— Значит, это разные слова для одного и того же, они неразличимы?

— Нет, только… да! Они означают один и тот же тип отношений. В некотором роде они — одно и то же.

— Тогда вы и я — одно и то же.

Рискуя все запутать, она кивнула.

— Я подозревал это. Но вы, — он указал на

нее, — научили меня, — он коснулся себя.

— И поэтому вы не должны убивать людей. Во всяком случае, нужно чертовски много подумать, прежде чем сделать это. Когда вы говорите с Джебелом, я и вы существуем. Когда вы глядите на экран или на корабль, вы по-прежнему здесь.

— Мозг должен подумать об этом.

— Вы должны думать об этом больше, чем мозгами.

— Если должен, значит буду, — он снова коснулся ее лица. — Потому что вы научили меня. Потому что со мной вы не должны бояться ничего. Я только что научился, и могу допустить ошибки, но я «я» убивать людей, не подумав об этом много раз, будет ошибкой, верно? Теперь я правильно употребляю слова.

Она кивнула.

— Я не буду делать ошибок с нами. Это было бы слишком ужасно, я буду делать как можно меньше ошибок. Я однажды научусь окончательно, — потом он улыбнулся. — Будем, однако, надеяться, что никто не будет делать со мной ошибок. Мне жаль, если они будут делать их, потому что я, вероятно, буду с ними быстро делать ошибки и мало думать при этом.

* * *

— На сегодня достаточно, — сказала Ридра. Она взяла его за руку. — Я рада, что я и вы вместе, Батчер.

Он обхватил ее рукой, и она прижалась к его плечу.

— Спасибо, — прошептал он. — Спасибо и спасибо.

— Вы теплый, — сказала она, уткнувшись в его плечо. Давайте постоим еще немного.

Когда он остановился, она посмотрела на его лицо сквозь голубоватый туман и похолодела.

— Что это, Батчер?

Он взял ее лицо своими ладонями и наклонял голову, пока его волосы не коснулись ее лба.

— Что это? Батчер, вспомните, я говорила вам, что понимаю, о чем думают люди? Я чувствую, что что-то плохо; вы говорите, чтобы я не боялась вас, но вы меня пугаете.

Она подняла его голову. На его глазах были слезы.

— Послушайте, что-то в вас пугает меня. Скажите, что это?

— Не могу… — хрипло сказал он. — Не могу. Не могу сказать в а м.

Она видела его борьбу и боролась сама.

— Может, я смогу помочь, Батчер? Существует способ проникнуть в мозг и отыскать там…

Он отпрянул и покачал головой.

— Вы не должны. Вы не должны делать со мной этого. Пожалуйста.

— Батчер… я… не буду, — она была смущена. — Я не буду, — смущение причиняло боль. — Батчер… я… не… буду…

Юношеское заикание застревало у нее во рту.

— Я… понимаю, — подозрение, вначале очень смутное, пришло к ней. Когда он отступил, оно усилилось. — Батчер! — Вы читаете в моем мозгу?

Он выглядел удивленным.

— Нет. Я даже не понимаю, как вы можете читать в моем.

— Хорошо. Я подумала, что вы прочли что-то в моем мозгу и испугались меня.

Он покачал головой.

— Отлично. Черт, я не хочу, чтобы кто-то заглядывал мне под череп, — ответила Ридра.

— Я скажу вам теперь, — сказал он, снова подходя к ней. — Я и вы — одно и то же, но я и вы очень различны. Я видел многое такое, чего вы не знаете. Вы тоже знаете такое, чего я никогда не

видел. Вы сделали меня не одиноким, немного. В моем мозгу есть многое о боли, и о бегстве, и о победе. Если вы в опасности, но в настоящей опасности, и кто-то может сделать ошибку с вами, смотрите в его мозг. Используйте это, коли необходимо. Прошу вас только подождать, пока вы не сделаете кое-что вначале.

— Я подожду, Батчер, — сказала она.

Он протянул руку.

— Идем.

Она взяла его руку, избегая шпор.

— Нет необходимости смотреть течения стасиса, если чужой корабль дружественен Союзу. Мы с вами побудем вместе еще немного.

Она шла, прижавшись к его плечу.

— Друг или враг, — сказала она, когда они проходили через сумерки, тяжелые от привидений. — Весь этот Захват временами кажется мне каким-то глупым. Здесь, на «Джебел Тарик», вы избегаете таких вопросов. Я завидую вам.

— Вы направляетесь в штаб-квартиру Администрации Союза из-за Захвата?

— Верно. Но не удивляйтесь, если я вернусь обратно, — несколько шагов спустя, она снова взглянула наверх. — Есть еще вещь, которую я хотела бы прояснить для себя. Захватчики убили

моих родителей, а второй запрет чуть не убил меня. У двоих моих навигаторов первую жену убили захватчики, Рон все еще размышляет, насколько прав был Военный Двор. Никто не любит Захват, но он продолжается. Он настолько велик, что я никогда реально не думала о том, чтобы охватить его. Странно видеть все человечество в его странной разрушительной борьбе. Может, не стоит беспокоиться и лететь в штаб-квартиру, может, следовало просить Джебела повернуть назад и двинуться в самые пустынные части Снэп?

— Захватчики, — сказал Батчер почти музыкально, — причинили вред многим людям: вам, мне… Мне тоже.

— Как?

— Болезнь мозга, я говорил вам, и это сделали захватчики.

— Что они сделали?

Батчер пожал плечами.

— Первое, что я вспомнил, это побег из Нуэвануэва Йорка.

— Это огромный порт пограничной туманности Рака?

— Верно.

— Захватчики взяли вас в плен?

Он кивнул.

— И что-то сделали. Может быть эксперимент, может быть пытка, — он пожал плечами. — Не в этом дело. Я не могу вспомнить. Но когда я сбежал, я сбежал ни с чем: без памяти, без голоса, без слов, без имени.

— Возможно, вы были военнопленным или же каким-то важным лицом до того, как они захватили вас…

Он наклонился и прижал свою щеку к ее губам, чтобы заставить ее замолчать. Выпрямившись, он улыбнулся, как ей показалось, с легкой печалью.

— Есть вещи, которых мозг не знает, но о которых может догадываться: я всегда был вором, убийцей, преступником. И я не был я. Захватчики поймали меня однажды. Я бежал. Союз поймал меня позже на Титане. Я бежал…

— Вы бежали с Титана?

Он кивнул.

— Меня, вероятно, поймали бы снова: так всегда бывает с преступниками во вселенной. И может быть, я вновь бежал бы, — он пожал плечами. — Может, тогда меня не поймали бы, — он смотрел на нее, удивленный, но не ею, а чем-то в себе. — Я не был «я» раньше, но вот теперь есть причина оставаться свободным. Меня не должны поймать

снова, этому есть причина.

— Какая, Батчер?

— Потому что я есмь, — мягко сказал он, — а вы — суть.

5

— Вы закончили свой словарь? — спросил Брасс.

— Закончила вчера. Стихотворение, — она захлопнула блокнот. — Сегодня мы уже должны быть на кончике Языка. Батчер сказал мне вчера и сегодня утром, что кирибианский корабль будет сопровождать нас несколько дней. Брасс, у вас есть хоть какая-нибудь идея насчет того, что они…

Усиленный громкоговорителем голос Джебела произнес:

— Подготовить «Тарик» к немедленной обороне. Повторяю, к немедленной обороне!

— Что, черт возьми, происходит? — спросила Ридра. Общий зал вокруг них кипел в бурной деятельности. — Соберите экипаж и отправляйтесь с ним к выходу.

— Откуда вылетают корабли-пауки?

— Верно, — Ридра встала.

— Мы вмешаемся, капитан?

— Если потребуется, — сказала Ридра и пошла через зал.

* * *

Она отыскала Батчера у выхода. Боевые команды «Тарика» спешили по коридорам в организованном порядке.

— Что происходит? Кирибиане проявили враждебность?

Он покачал головой.

— Захватчик в двенадцати градусах от галактического центра.

— Так близко от Администрации Союза?

— Да. И если «Тарик» не нападет первым, он погиб. Их корабль больше «Тарика», а «Тарик» движется прямо к ним.

— Джебел хочет атаковать?

— Да.

— Тогда идемте, атакуем.

— Вы хотите идти со мной?

— Я мастер стратегии, помните?

— «Тарик» в опасности, — сказал Джебел. — Будет большое сражение, вы таких не видели.

— Тем больше оснований использовать мой талант. Ваш корабль снабжен полным экипажем?

— Да. Но мы используем навигационный контроль и контроль чувствователей.

— Возьмите мой экипаж, возможно, вам по-

требуется менять именно стратегию, Джебел отправится с вами?

— Нет.

Из-за угла показался помощник в сопровождении Брасса, навигаторов, невещественных фигур трех лишенных тела и взвода.

Батчер перевел взгляд с них на Ридру.

— Хорошо. Идемте.

Она поцеловала его в плечо, потому что не могла дотянуться до щеки. Батчер, открыв вход, поманил их: — Сюда, отряд.

Аллегра, цепляясь за лестницу, схватила Ридру за руку:

— Мы будем сражаться на этот раз, капитан?

На ее веснушчатом лице была возбужденная улыбка.

— Есть такая возможность. Испугались?

— Да, — сказала Аллегра, по-прежнему улыбаясь и ныряя в темный туннель. Ридра и Батчер следовали за ней.

— У них не будет недоразумений с оборудованием, если они неожиданно выйдут из-под контроля «Тарика»? — спросил Батчер.

— Корабль-паук на десять футов короче «Рембо». В секторе лишенных тела большая теснота, но в целом устройство одинаковое.

Ридра подумала на языке басков: «Мы проверили детали чувствователей — все в порядке».

— Капитанская каюта отлична, — добавил Батчер. — В ней находится управление оружием. Мы собираемся совершать ошибки?

— Морализировать будем потом, — ответила она. — Мы будем драться за «Джебел Тарик», как черти. Но я хотела бы иметь наготове выход. Что бы ни случилось, я должна вернуться в штаб-квартиру Администрации Союза.

— Джебел хотел бы знать, будут ли кирибиане сражаться на нашей стороне. Они по-прежнему висят в секторе Т.

— Они, вероятно, будут следить, не понимая сути, если их непосредственно не атакуют. Тогда они сумеют позаботиться о себе. Но вряд ли они будут защищать нас.

— Плохо, — сказал Батчер. — Мы нуждаемся в помощи.

— Стратегия Мастерская. Стратегия Мастерская, — донесся голос из громкоговорителя. — Повторяю, Стратегия Мастерская, — на этом Джебел закончил.

Там, где в ее кабине висели лингвистические карты, здесь на стене находился экран, копия стофутовой проекции в галерее «Тарика». Там, где у

нее находился стол, тут размещалось управление бомбами и вибропушками.

— Такое страшное, нецивилизованное оружие, — заметила она, садясь в пузырьковое кресло. — Но дьявольски эффективное, если знаешь, как с ним обращаться.

— Что? — Батчер привязывался рядом с ней.

— Я цитировала Хозяина оружия в Армседже.

Батчер кивнул.

— Проверьте свой экипаж. А я проверю готовность корабля.

Она включила интерком.

— Брасс, вы на месте?

— Да.

— Глаз, Ухо, Нос?

— Здесь очень пыльно, капитан. Когда они в последний раз подметали кладбище?

— Меня не беспокоит пыль, как приборы?

— О, здесь все в порядке…

— Навигаторы?

— Мы на месте. Молли учит Калли дзю-до. Но я тут же позову их, если что-нибудь случится.

— Будьте внимательны.

Батчер наклонился, взъерошил ей волосы и засмеялся.

— Они мне нравятся, — сказала ему Ридра. —

Надеюсь, мы их используем. Но один из них предатель, он дважды пытался меня уничтожить. Я не должна дать ему третий шанс. Но, если я сделаю это, мне кажется, на этот раз я сумею поймать его.

Голос Джебела в громкоговорителе:

— Плотники собираются в тридцати двух градусах от галактического центра. Пильщики — у выхода К. Ножовки должны быть готовы у выхода Р. Квершлаги — у выхода Т.

Эжекторы со щелканьем открылись. Каюта потемнела, а на экране вспыхнули звезды и туманности. Контрольный щит светился красными и желтыми огоньками. Начались переговоры кораблей-пауков с «Тариком».

— Хорошее предстоит дело. Ты его видишь, Иосафат?

— Он прямо передо мной. Большущий.

— Сверла, пилы и токарные станки, проверьте, все ли ваши детали смазаны, остры ли ваши лезвия?

— Это нам, — сказал Батчер. Руки его в полутьме замелькали над контрольным щитом.

— Что это за три шарика от пинг-понга в сети от комаров?

— Джебел говорит, что это кирибианский ко-

рабль.

— Он не короче нашего.

— Моторные инструменты начинают операцию. Ручные инструменты ее закончат.

— Ноль, — прошептал Батчер.

Ридра почувствовала прыжок корабля. И звезды начали двигаться. Через десять секунд она увидела на экране корабль захватчиков с тупым носом.

— Какой отвратительный, — сказал Ридра. — «Тарик» выглядит почти так же, только он поменьше. И если мы вернемся домой, будет прекрасно. Нет ли возможности привлечь карибианский корабль? Джебел будет атаковать захватчика и постарается разрушить его как можно больше, но многого не сможет сделать. Потом начнут атаку они, и если все еще будут превосходить «Тарик» по силе, и если внезапность не поможет Джебелу, тогда… — и она услышала во тьме удар кулака о ладонь.

— Разве нельзя бросить на них большую и нецивилизованную атомную бомбу? — спросила она Батчера.

— У них есть дефлекторы, которые взорвут ее в руках Джебела.

— Я рада, что взяла с собой экипаж. Мы можем

попытаться уйти к штаб-квартире Администрации Союза.

— Если они пустят нас, — угрюмо сказал Батчер. — Какая стратегия ведет к выигрышу?

— Скажу вскоре после начала атаки. У меня есть метод, но если пользоваться им часто, приходится дорого расплачиваться.

Она вспомнила свое болезненное состояние после случая с Кордом.

Тем временем Джебел продолжал отдавать распоряжения, экипажи болтали с «Тариком», а корабли-пауки улетали в ночь.

Сражение началось так быстро, что она чуть не пропустила его начала. Пять пил скользнули в сотне ярдов от захватчиков. Они одновременно выстрелили по эжекторам выходов, а краевые жуки забегали по бокам большого борова. Потребовалось всего четыре с половиной секунды, чтобы оставшиеся двадцать семь эжекторов раскрылись, и выстрелили первые защитные крейсеры. Но Ридра уже думала на Вавилоне-17.

В своем замедленном времени она увидела, где нуждаются в помощи.

— Меняем стратегию, Батчер. Следуйте за мной.

Безумное чувство медлительности, с которой

слова английского языка слетают с языка! Ответ Батчера:

— Киппи, посадите пилы на хвост и оставьте их там.

Его слова команды казались произнесенными на четвертой скорости. Но ее экипаж уже вступил в управление кораблем-пауком. Она свистнула им траекторию в микрофон.

Брасс швырнул их под прямым углом к течению, и через мгновение она увидела перед собой пилы. Крутой поворот — и они оказались за первым слоем крейсеров захватчика.

— Подогреть их изнутри?

Рука Батчера задержалась на управлении оружием.

— Гнать их к «Тарику»?

— Черт возьми, делайте! Огонь!

Он выстрелил, и пилы последовали его примеру.

Через десять секунд стало ясно, что она права, «Тарик» лежал в направлении Р. А впереди были печеные яйца, сеть от комаров, неуклюжий пернатый кирибианец. Кирибиане поддерживали Союз и, по крайней мере, один из захватчиков знал это, поэтому он выстрелил в дикое сооружение, висевшее в пустоте. Ридра видела, как орудия

захватчика кашлянули зеленым пламенем, но оно не достигло кирибианца. Крейсер захватчика превратился в белый дым, потемневший и рассеявшийся. Та же участь постигла второй крейсер… за ним еще три, и еще.

— Прочь отсюда, Брасс! — и они резко свернули вверх и в сторону.

— Что это… — начал Батчер.

— Тепловой луч кирибианца. Но они не используют его, пока на них не нападают. И поэтому мы организовали нападение на них.

Она вновь думала по-английски, ожидая головокружения и тошноты, но возбуждение отгоняло болезнь.

— Батчер, — спрашивал Джебел, — что вы делаете?

— Подействовало, не так ли?

— Да, но вы оставили дыру в нашей защите в десять миль длиной.

— Скажите ему, что мы заткнем ее через минуту, как только подставим другую группу.

Джебел, очевидно, услышал ее.

— А что мы будем делать в эти шестьдесят секунд, юная леди?

— Драться, как черти.

И следующая партия неприятельских крейсе-

ров исчезла в тепловом луче кирибианцев. Затем из громкоговорителя послышалось:

— Эй, Батчер, они за тобой!

— На этот раз они поняли, в чем дело.

— Батчер, шестеро у тебя на хвосте. Освободись от них побыстрее.

— Я не могу легко увернуться от них, капитан, — послышался голос Брасса. — Они все под контролем своего корабля-матки. У меня больше свободы.

— Еще раз, и преимущество будет на стороне Джебела.

— Попробуем разомкнуть эту цепь флажков, — Батчер сказал в микрофон: — Пилы рассеиваются, и тормозят крейсеры сзади.

— Делаем. Держитесь за головы, парни.

— Эй, Батчер, один не поддается.

Джебел сказал:

— Спасибо за возврат моих пил, но кто-то следует за вами и рвется в рукопашную.

Ридра вопросительно взглянула на Батчера.

— Герои, — прохрипел он с отвращением. — Они попытаются схватиться с нами, перебраться на борт и сражаться.

— Не с этими парнями на корабле! Брасс, поворачивайте и тараньте их, или подойдите так

близко, чтобы они подумали, что мы спятили.

— Можно сломать ребра…

Корабль подпрыгнул и они почувствовали, как привязные ремни впиваются в тело.

Юношеский голос в интеркоме:

— Вним…

На экране крейсер захватчиков шарахнулся в сторону.

— Хорошая возможность, если они попытаются схватиться, — сказал Батчер. — Они не знают, что у нас на борту полный экипаж. У них самих не больше двух…

— Внимание, капитан!

Крейсер захватчика заполнил экран. Послышался звон. Батчер, расстегивая ремни, улыбался.

— Теперь рукопашная. Куда вы идете?

— С вами.

— У вас есть вибропистолет? — он прикреплял к поясу кобуру.

— Конечно, — она откинула полу своей блузы. — И это тоже. Ванадиевая проволока в шесть дюймов. Злобная штука.

— Пошли, — он передвинул рычаг гравитационного поля вниз, до нормального тяготения.

— Зачем это?

Они были уже в коридоре.

— Сражаться в космических костюмах плохо. Гравитационное поле сохранит вокруг обоих кораблей пригодную для дыхания атмосферу примерно на двадцать футов над поверхность и сохранит немного тепла… более или менее…

— Насколько менее? — она вслед за ним скользнула в лифт.

— Примерно десять градусов ниже нуля.

Теперь на нем не было даже брюк, в которых он был на кладбище. Только кобура.

— Думаю, мы не будем тут так долго, и нам не понадобится костюм.

— Гарантирую вам, что те, кто окажется здесь, умрут через минуту, и вовсе не от избытка давления, — голос звучал глухо, когда они скользнули в проход. — Если не знаете, что делать, стойте в стороне, — он наклонился и потерся о ее щеку своими волосами. — Но вы знаете, и я знаю. Это мы сделаем хорошо.

Поднимая голову, он тем же движением откинул люк. Их охватил холод. Но она его не почувствовала. Ускоренный метаболизм, который сопровождал Вавилон-17, окружил ее щитом физического равнодушия. Что-то пролетело над головой. Они знали, что делать, и одновременно

сделали это — пригнулись. Разорвалась граната, вспышка осветила лицо Батчера. Он вскочил в гаснущем свете.

Она следила за ним, поддерживаемая эффектом Вавилона-17. Он прыгнул, и она тоже. Кто-то прыгнул за девятифутовый корпус машины-аутригера. она выстрелила, медленные движения прячущегося позволили тщательно прицелиться. Батчер двигался в десяти футах впереди.

Как краб с клешнями, в ночи возвышался вражеский корабль. В направлении К сверкала спираль галактики. Тени на ровных корпусах были угольно черными. Со стороны К никто не мог увидеть ее, если только в своем движении она не пересекала звезду и попадала в прямой свет рукава Спецелли.

Она снова прыгнула — на этот раз на поверхность крейсера захватчика. На мгновение стало холоднее. Затем она ударилась о корпус, почувствовала опору и опустилась на колени. Внизу, у люка разорвалась другая граната. Они не поняли еще, что она и Батчер снаружи. Хорошо. Она выстрелила. А с той стороны, где должен был быть Батчер, тоже раздался свист.

В темноте внизу двигались фигуры. Затем виброзалп ударил в металл рядом с ее рукой. Выстрел

шел из ее собственного корабля, и она потратила четверть секунды, обдумывая мысль о том, что шпион, которого она боялась, присоединился к захватчикам…

Тактика захватчиков скорее заключалась в том, чтобы не покидать свой корабль, а расстреливать их в люке, стреляя оттуда. Она выстрелила раз и другой. Батчер из своего укрытия делал то же самое.

Часть обода люка начала светиться от повторяющихся залпов.

Потом раздался знакомый голос:

— Все в порядке, Батчер! Вы взяли их, капитан?

Ридра взглянула вниз и увидела Брасса, включившего свет у люка и стоявшего у корпуса. Из своего убежища, опустив пистолет, вышел Батчер.

Свет внизу еще больше искажал дьявольскую внешность Брасса. В каждой передней лапе он держал по вялой фигуре.

— Это действительно мой, — он потряс правую фигуру. — Он старался пробраться обратно в корабль, поэтому я наступил ему на голову, — пилот бросил безжизненное тело на плиты корпуса. — Не знаю, как вы, парни, а я замерз. Я вышел сюда из-за Дьявола. Тот говорит, что когда вы закон-

чите свое дело, он подаст вам горячий кофе и добавит ирландского виски. Или вы предпочитаете горячий ром с маслом? Пошли, пошли, вы победили!

В лифте мозг ее вернулся к английскому, и она начала дрожать. Иней на волосах Батчера начал таять и превращался в крупные капли.

— Эй, сказала она, когда они ступили в коридор, — если вы здесь, то кто же у приборов?

— Киппи. Мы снова под контролем «Тарика».

— Ром, — сказал Батчер, — не горячий и без масла.

— Человек, близкий моему сердцу, — кивнул Брасс. Одной лапой он обхватил за плечи Ридру, а другой — Батчера. Дружеский жест, но она поняла, что он поддерживает, почти несет ее.

Звон прошел по кораблю.

Пилот взглянул на потолок.

— Расцепились, — он привел их в капитанскую каюту. Когда они свалились в кресла, он передал в интерком: — Эй, Дьявол, иди сюда и прихвати выпивку. Они заслужили ее.

— Брасс! — она схватила его за лапу, когда он повернулся, чтобы выйти. — Можете вы доставить нас отсюда в штаб-квартиру Администрации Союза?

Он почесал за ухом.

— Мы на самом кончике Языка. И я знаю эту часть Снэп только по карте. Но чувствователи говорят мне, что мы в самом начале течения Наталь-бога. Оно проходит через Снэп, по нему мы можем добраться до Атласран, а оттуда до дверей Администрации Союза. Восемнадцать-двадцать часов полета.

— Тогда летим.

Она посмотрела на Батчера. Он не возражал.

— Хорошая мысль, — сказал Брасс. — Примерно половина «Тарика»… гм… лишена тел.

— Захватчики победили?

— Нет. Кирибианцы, наконец, поняли, что происходит, поджарили большой корабль, и схватка кончилась. Но еще до этого «Тарик» получил в корпусе дыру, достаточную, чтобы пропустить три корабля-паука. Киппи сказал мне, что все оставшиеся в живых, заняты работой, но у них нет двигательной силы.

— А что с Джебелом? — спросил Батчер.

— Мертв, — ответил Брасс.

Дьявол просунул свою белую голову в дверь.

— Вот они.

Брасс взял бутылку и стаканы.

Громкоговоритель произнес:

— Батчер, мы видели, как вы схватились с крейсером захватчиков. Вы живы?

Батчер наклонился вперед и взял микрофон.

— Батчер жив, шеф.

— Мало кому еще так повезло. Капитан Вонг, я надеюсь, вы посвятите мне элегию?

— Джебел? — она села рядом с Батчером. — Мы немедленно отправляемся в штаб-квартиру Администрации Союза. И вернемся с помощью.

— Как вам будет угодно, капитан. У нас тут немного тесно.

— Мы отправляемся.

Брасс был у двери.

— Помощник, парни в порядке?

— Присутствуют и пересчитаны. Капитан, вы никому не давали разрешения на пронос на борт шутихи?

— Нет, насколько я помню.

— Это все, что я хотел знать. Ратт, ко мне.

Ридра рассмеялась.

— Навигаторы?

— Готовы, — ответил Рон. Она расслышала голос Молли: — Вилитака, кулала, милала, милала…

— Перестаньте спать, — сказал Ридра, — мы стартуем.

— Молли учит нас стихотворению на суахили, — объяснил Рон.

— О! Чувствователи?

— Ап-чхи! Я всегда говорил, капитан, что нужно держать кладбище чистым. Однажды и вам оно может потребоваться. Джебел этого не учитывает. Мы готовы.

— Пусть помощник пошлет одного из парней вниз со шваброй, Брасс.

— Все проверено и готово, капитан.

Включились стасис-генераторы и она откинулась в кресле. Внутри нее что-то расслабилось, наконец.

— Я не думала, что мы выберемся отсюда.

Она повернулась к Батчеру, который сидел на краю кресла, глядя на нее.

— Вы знаете, я нервная, как кошка. И чувствую себя не очень хорошо. О, дьявол, этот старт… — с расслабленностью болезненное состояние, которое она так долго отгоняла от себя, начало овладевать ее телом, — я чувствую себя так, будто разлетаюсь на части. Знаете, когда во всем сомневаешься, когда кажется, что чувства тебя обманывают… — дыхание причиняло ей боль.

— Я есмь, — мягко сказал он, — а вы суть.

— Не позволяйте мне сомневаться в этом, Бат-

чер. Я и об этом начала задумываться… Среди моего экипажа есть шпион. Я ведь говорила вам об этом? Может, это Брасс, и он швырнет нас на другую Новую! — болезненность начинала переходить в истерику. Она выхватила бутылку из рук Батчера. Не пейте это! Д-д-дьявол, он мог отравить нас! — она неуверенно встала. Все было охвачено красным туманом. — Или один из мертвых. Как… как я могу… могу… сражаться с призраком? — чувствуя боль в животе, она боролась с тошнотой. С болью пришел страх. Она уже не могла ясно разглядеть его лица. — У… убить… убить нас…! — прошептала она. — Ни вы… ни я…

Уйти от боли, которая являла опасность и опасность означала тишину. Он сказал:

— Если вы будете в опасности, посмотрите в мой мозг, и используйте его, как нужно.

Картина в ее мозгу была без слов: однажды она, Мюэл и Фобо ввязались в ссору на Танторе. Она получила удар в челюсть и отпрянула назад, но не успела увернуться, когда кто-то схватил зеркало с прилавка и швырнул в нее. Ее собственное испуганное лицо с криком летело на нее и ударилось в протянутые руки… И когда она глядела в лицо Батчера, сквозь боли и Вавилон-17, это случилось с ней…

Часть четвертая. Батчер

1

— Мы только что миновали Снэп, капитан. Хотите выпить?

Голос Ридры:

— Нет.

— Как вы себя чувствуете?

Голос Ридры:

— Мозг в порядке. Тело в порядке.

— Эй, Батчер, кажется, у нее уже нет бреда?

Голос Батчера:

— Нет.

— Оба вы кажетесь чертовски веселыми. Послать помощника взглянуть на вас?

Голос Батчера:

— Скажите «спасибо». Вы знаете, я здесь привязан хвостом.

Голос Ридры:

— Спасибо.

— Выздоравливайте. Оставляю вас одних. Простите, если прервал.

2

Батчер, я не знала! Я не могла знать!

Эхом в их мозгах возник крик. Не могла… не мог… Этот свет…

Я говорила Брассу, говорила ему, что вы должны говорить на языке без слова «я» и сказала, что не знаю такого языка. Но один такой язык был, очевидно, Вавилон-17.

Соответственные синапсы гармонически двигались, пока изображение не замкнулось, и она создала его вне себя, увидела его…

…В одиночке Титана он шпорой царапал на стене карту поверх непристойностей, написанных за два столетия заключенными, карту, которую обнаружат после его побега, и которая уведет преследователей в неверном направлении; она увидела, как он три месяца шагал по своей четырехфутовой камере, пока не устал от изнеможения и голода.

На тройной веревке из слов она выбралась из тюрьмы: голод, лестница, столб; падать, собираться, отличить; цепи, изменения, шанс…

Он взял свой выигрыш от кассира и был уже готов двинуться по опустевшему ковру казино

«Космика» к двери, когда черный крупье преградил ему путь, улыбаясь и глядя на его набитый деньгами мешок.

— Не хотите ли попытаться еще, сэр. Могу предложить такое, что может заинтересовать игрока вашего класса, — его проводили к магнитной трехмерной шахматной доске с глазированными керамическими фигурами. — Вы играете против нашего компьютера. При каждой потерянной фигуре ставите тысячу кредитов. Если выигрываете фигуру — получаете столько же. Шах дает или снимает с вас пять тысяч. Мат даст выигрывающему тысячу ставок….

Это была игра даже для его чрезмерного выигрыша, а он выиграл чрезмерно.

— Пойду домой и возьму деньги, — сказал он крупье.

Крупье улыбнулся и ответил:

— Дом настаивает, чтобы вы платили сейчас…

Она следила, очарованная, как Батчер пожал плечами, повернулся к доске и… в семь ходов дал компьютеру полный «детский мат». Они выдали ему его миллион кредитов и трижды пытались убить его, пока он добирался до выхода из казино. Им это не удалось, но этот спорт был лучше игры.

Следя за его действиями и реакцией в этой ситуации, ее мозг колотился от чуждых эмоций, ибо они были лишены «я», невыразимые, механические, соблазнительные, мифические — Б а т ч е р…

Она пыталась прервать безудержное кружение.

— Если вы все время понимаете Вавилон-17, бушевало в ее мозгу, почему вы использовали это для себя во время игры, во время грабежа банка, а днем позже вы утратили все и не сделали и попытки вернуть это?

— Зачем? Там не было «я».

Она ввела его в мир изумительной обращенной сексуальности. Следуя за ней, он был в агонии.

— Свет… вы делаете… Вы делаете! — кричал он в ужасе.

— Батчер, — спросила она, более привыкшая к эмоциональным водопадам слов, чем он, — на что похож мой мозг в вашем мозгу?

— Яркое, яркое движение, — вопил он, при аналитической точности Вавилон-17 — грубый, как камень, чтобы выразить многочисленные образы, рисунки, и смешение, и разделение.

— Я поэтесса, — объяснила она, моментально приводя в порядок мысленные течения. — Поэт

по-гречески значит *создатель* или *строитель*.

— Вот оно! Этот рисунок! Аххх! Такой яркий, яркий!

— Такая простая семантическая связь? — удивилась она.

— Но греки были поэтами три тысячи лет назад, а вы поэт теперь. Вы соединяете слова на больших расстояниях, и их праздник слепит меня. Ваши мысли — сплошной огонь, даже тени я не могу схватить. Они звучат, как глубокая музыка, которая потрясает меня.

— Это потому, что вас никогда не потрясало раньше. Но я буду мягче.

— Вы так велики внутри меня. Я вижу рисунок: преступное и артистическое сознание встречаются в одной голове с языком между ними…

— Да, я начала думать о чем-то вроде…

— Летят мысли, имена… Вийон… Аххх! И Бодлер.

— Это древние французские по…

— Слишком ярко! Слишком ярко! «Я» во мне недостаточно сильно, чтобы выдержать, Ридра. Когда я смотрю на ночь и на звезды, то это лишь пассивный акт, но вы активны, даже когда вы смотрите, и звезды окружены еще более ярким светом.

— То, что вы воспринимаете, меняет вас, Батчер. Но вы должны воспринимать.

— Я должен… свет; в вас я вижу Зеркало, в нем смешиваются картины, они вращаются и все изменяется.

— Мои стихи! — это было замешательство и обнаженность.

Определение «я» точное и величественное. Она подумала: «Я (I) глаз, орган зрительного восприятия».

Он начал:

— Вы… вы наполняете мои слова значением. Что меня окружает? Что такое я? Окруженный ВАМИ?

Наблюдая, она видела его, совершающего грабеж, убийство, наносящего увечья, поскольку семантическая важность различия *мой* и *твой* была разрушена в столкновении синапсов.

— Батчер, я слышала, как оно звучало в ваших мускулах, это одиночество, которое заставило вас убедить Джебела извлечь наш «Рембо», просто чтобы иметь кого-нибудь на нем рядом с вами, кто мог бы говорить на этом аналитическом языке, по той же причине вы старались спасти ребенка, — шептала она.

Образы замкнулись в ее мозгу.

Длинная трава шелестела у плотины. Луна Алеппо освещала вечер. Плейнмобиль гудел, с нетерпением он коснулся эмблемы рулевого колеса концом правой шпоры. Лилл извивалась около него, смеясь.

— Вы знаете, Батчер, если бы мистер Виг подумал, что вы направились сюда со мной в такую романтическую ночь, он был бы очень сердит. Вы действительно хотите меня взять с собой в Париж, когда закончите здесь?

Безымянная теплота смешивалась в нем с безымянным нетерпением. Ее плечо было влажным под его рукой, ее губы красны. Она собрала свои волосы цвета шампанского над одним ухом. Ее тело рядом с ним двигалось танцующими движениями, и она не поворачивала к нему лицо.

— Если вы обманете меня насчет Парижа, я скажу мистеру Вигу. Если бы я была ловкой девушкой, я подождала бы, пока вы возьмете меня отсюда прежде, чем позволить вам… быть дружественным, — дыхание ее благоухало в ночи. Он положил ей на плечо вторую руку. — Батчер, заберите меня из этого горячего мертвого мира! Болота, пещеры, дождь! Мистер Виг пугает меня, Батчер. Возьмите меня от него в Париж! Не упрямьтесь. Я очень хочу уйти с вами, — она

испустила одними губами смеющийся звук. — Я думаю, я… Я вовсе не ловкая девушка, — он прижался ртом к ее рту — и сломал ее шею ударом ребра ладони. Она упала, глаза ее по-прежнему были открыты. Гиподермическая ампула, которую она собиралась вонзить ему в плечо, выпала из ее руки, покатилась и остановилась у ножных педалей. Он отнес девушку на плотину и вернулся, до бедер вымазанный тиной. На сиденье он нащупал кнопку радио.

— Все кончено, мистер Виг.

— Хорошо. Я слышал. Утром можете получить деньги. Очень глупо было с ее стороны помешать мне.

Плейнмобиль двинулся, теплый ветерок просушил тину на его руках, длинная трава расступалась перед ним со свистом.

— Батчер!

Но это я, Ридра.

— Я не знаю. Но я…

Двумя неделями позже я проделал то же самое с мистером Вигом…

— Куда вы обещали взять его?

— В игровые пещеры Миноса. И однажды я припал к земле…

…хотя это его тело прижалось к земле под зеле-

ным огнем Крето, дыша широко открытым ртом, чтобы заглушить все звуки, это было ее ожидание, ее страх, который она заставила утихнуть. Грузчик в своем красном мундире остановился и вытер лоб носовым платком. Быстро сделать шаг вперед, шлепнуть его по плечу. Грузчик, удивленный, обернулся, и руки сжались вокруг его горла, шпора вспорола ему живот, его внутренности расплескались по платформе, а затем бежать, когда раздался сигнал тревоги, прыгать через мешки с песком, сорвать цепь и швырнуть ее в изумленное лицо охранника, который повернулся и стоял с распростертыми руками…

— …прорвался и убежал, — сказал он ей. — Маскировка подействовала и трассеры не могли следовать за мной через лавовые поля.

— Откройтесь мне, Батчер. Откройте мне весь ваш побег.

— Поможет ли это? Я не знаю.

— Но в вашем мозгу нет слов. Только Вавилон-17, как мозговой шум компьютера, занятого чисто синтаксическим анализом…

— Да. Теперь вы начинаете понимать…

…стоял дрожа, в ревущих пещерах Диса, где он был замурован девять месяцев, ел пищу любимого пса Лонни, потом Лонни замерз, пытаясь

перебраться через горы льда, пока внезапно планетоид не вышел из тени Циклопа, и сверкающая Церера загорелась в небе, так что через сорок минут талая вода в пещере доходила ему до пояса. Когда, наконец, он высвободился, вода была теплой, а он — скользким от пота. Он на максимальной скорости прошел две мили до полосы сумерек, установив автопилот за мгновение до того, как потерял сознание, оглушенный жаром…

— Во тьме вашей утраченной памяти я должна найти вас, Батчер. Кем вы были до Нуэва-нуэва Йорка?

Он повернулся к ней.

— Вы испуганы, Ридра? Как раньше…

— Нет, не как раньше. Вы научили меня коечему, и это изменило всю картину моего мира, изменило меня. Я думаю, что боялась раньше потому, что делали вы, Батчер, — белое пламя стало голубым, защитным, и дрожало. — Но я боялась потому, что я должна была сделать это по-своему, по собственным причинам, потому, что я есмь, а вы суть. Я много больше теперь, чем я думала о себе, Батчер, и не знаю, благодарить ли вас или проклинать за то, что показали мне это.

…А что-то внутри кричало, заикалось, успока-

ивалось. Она повернулась в молчании, потом испуганно взглянула на него. И в молчании что-то стремилось в ней говорить.

— Посмотрите на себя, Ридра.

Отраженная в нем, она увидела в себе растущий свет, тьму без слов, только шум растущий! И крик, в котором его имя и форма, сломанные пластинки!

— Батчер, эти пластины могли быть сломаны только в моем присутствии. Конечно!..

— Ридра, мы можем контролировать их, если сумеем назвать их.

— Но как мы можем? Мы сначала должны назвать себя. А вы не знаете, кто вы.

— Ваши слова, можете ли вы использовать ваши слова, чтобы узнать, кто я?

— Не мои слова, Батчер, но, может быть, ваш и… Может, Вавилон-17?

— Нет…

— Я есмь, — прошептала она, — верьте мне, Батчер, а вы — суть.

3

— Штаб-квартира, капитан. Взгляните через чувствительный шлем. Эти радиосети уж очень похожи на фейерверк, а лишенные тела души сказали мне, что они пахнут как солонина и яичница.

— Эй, спасибо за то, что убрали пыль. Когда я был жив, у меня была склонность к сенной лихорадке.

Голос Ридры:

— Экипаж пришвартовывается и высаживается с капитаном и Батчером. Экипаж возьмет их с собой к генералу Форестеру и не позволит, чтобы их разлучили.

Голос Батчера:

— В каюте капитана на столе катушка с записью грамматики Вавилона-17. Помощник отправит катушку немедленно доктору Маркусу Тиварба на Землю специальной почтой. Затем информирует доктора Тиварбу по стелларфону, что катушка послана, в какое время и каково ее содержание.

— Брасс, помощник! Что-то неладно здесь, — голос Калли покрывает сигнал капитана. — Вы

слышали, чтобы они так когда-нибудь разговаривали? Капитан Вонг, в чем дело?

Часть пятая. Маркус Тиварба

1

Катушка с записью, повелительное распоряжение генерала Форестера, и разъяренный доктор Тиварба через тридцать секунд достиг кабинета Давида Д. Эплтона.

Эплтон открывал плоский ящик, когда шум снаружи заставил его поднять голову.

— Майкл, — сказал он в интерком, — что это?

— Какой-то сумасшедший, утверждающий, что он врач.

— Я не сумасшедший! — громко сказал доктор Тиварба. — Но я знаю, сколько времени доставляют пакет из штаб-квартиры Администрации Союза на Землю — он должен был достигнуть моей двери с утренней почтой. Это значит, что его задержали, и это сделали вы. Впустите меня.

Дверь распахнулась, и он вошел.

Майкл вытягивал шею у бедра Тиварбы.

— Эй, Дэйв, прошу прощения. Я звал…

Доктор Тиварба указал на стол и сказал:

— Это мое. Отдайте мне.

— Не беспокойтесь, Майкл, — сказал таможенный чиновник и дверь закрылась. — Добрый день, доктор Тиварба. Не присядете ли вы? Это

адресовано вам, не так ли? И не удивляйтесь, что я знаю вас. Я руковожу безопасностью интеграции психоиндексов, и все у нас в отделе знают вас, ваши блестящие работы по дифференциации шизоидов. Я рад познакомиться с вами.

— Почему я не могу получить свой пакет?

— Минутку, я закончу, — он взял директиву.

Таможенный чиновник раскрыл бумагу.

— Вы можете, — читал он, прижимая колено к столу, чтобы высвободить враждебность, которая начала в нем подниматься, — вы можете… гм… можете получить ленту при условии, что сегодня же вечером вылетите в штаб-квартиру Администрации Союза на «Полуночном Ястребе» и привезете ленту с собой. Ваш билет заказан, искренне благодарю вас за советы и сотрудничество. Генерал Форестер.

— Зачем?

— Он не говорит. Боюсь, доктор, что пока вы не согласитесь, я не смогу выдать вам посылку. И мы можем отослать ее назад.

— У вас есть хоть какое-нибудь представление, чего они хотят?

Чиновник пожал плечами.

— От кого посылка?

— От Ридры Вонг.

— Вонг, — чиновник встал. — Поэтесса Ридра Вонг? Вы тоже знаете Ридру?

— Я ее консультант по психиатрии с двенадцати лет. А вы кто?

— Я — Давид Д.Эплтон. Если бы я знал, что вы друг Ридры, я сам бы привел вас сюда, — он едва удержался, чтобы не впасть в фамильярный тон. — Если вы отправитесь на «Ястреб», у вас будет немного времени. А я сегодня рано кончу работу. Я хочу сходить в одно место… ну… в Транспортный городок. Почему вы сразу не сказали, что знали ее раньше? Я иду в одно хорошее местечко. Неплохая еда и хорошая выпивка; вы следите за борьбой? Большинство людей считают ее незаконной, но вы сами можете следить за ней. Сегодня вечером сражаются Рубин и Питон. Если вы только сделаете со мной первый шаг, я уверен, вы будете очарованы. А я вовремя доставлю вас на «Ястреб».

— Думаю, что я знаю это место.

— Спускаетесь вниз, а наверху большой шар, в котором происходит схватка, да?.. — возбужденный, он наклонился вперед. — Туда, в сущности, привела меня Ридра.

Доктор Тиварба начал улыбаться.

Таможенный чиновник ударил ладонью по

столу.

— Отлично проведем время! Просто отлично! — он сузил глаза. — Или подхватить одну из этих, — он трижды щелкнул пальцами, — из сектора лишенных тела? Это вообще-то незаконно. Но давайте сходим туда вечером!

— Идемте, — смеялся доктор. — Ужин и выпивка — лучшая мысль за целый день. Я умираю с голода и уже четыре месяца не видел хорошей схватки.

— Я никогда не был здесь раньше, — сказал чиновник, когда они вышли из монорельса. — Я хотел взять назначение, но мне сказали, что не нужно, просто нужно прийти, они открыты до шести.

Они пересекли улицу и миновали газетный киоск, где просматривали бюллетень грузчики. Три космонавта в зеленых мундирах брели по тротуару, взявшись за руки.

— Вы знаете, — говорил чиновник, — я долго боролся с собой, я хотел это сделать с того самого первого вечера. Но все странное не принято в нашем отделе. Тогда я сказал себе, что сделаю что-нибудь простое, прикрытое мундиром, когда я на службе. Мы пришли.

Чиновник распахнул двери Плестиплазм Плюс

(«Приложения, Надписи и Исправления тела»).

— Вы знаете, я всегда хотел спросить у кого-нибудь сведущего: есть ли что-то психологически ненормальное в стремлении получить это?

— Вовсе нет.

Девушка с голубыми глазами, губами, волосами и крыльями сказала:

— Входите. Не желаете ли сначала просмотреть наш каталог?

— О, я отлично знаю, что мне нужно, — заверил ее таможенный чиновник. — Сюда?

— Совершенно верно.

— Психологически очень важно, — продолжал доктор Тиварба, чувствовать власть над своим телом, знать, что вы можете изменить его, сменить форму. Шестимесячная диета или успешная программа вращивания мыслей может дать такое же чувство удовлетворения. То же самое делают с вами новый нос, подбородок, чешуя или перья.

Они оказались в комнате с операционными столами.

— Я могу быть вам полезен? — с улыбкой спросил косметохирург-полинезиец в голубой одежде. — Ложитесь сюда.

— Я только жду, — сказал доктор Тиварба.

— Номер в вашем каталоге 5463, — заявил

таможенный чиновник. — Я хочу это сделать сюда, — и он шлепнул левой рукой по своему правому плечу.

— О, да. Мне это тоже нравится. Минутку, — он открыл крышку стола. Сверкнули инструменты.

Хирург отошел к дальней стене, где за стеклянными дверями рефрижератора видны были схваченные морозом сложные пластиплазмовые конструкции. Он вернулся с подносом, полным различных частей. Единственной распознаваемой частью была передняя половина миниатюрного дракона с бриллиантовыми глазами, сверкающими чешуйками и светящимися крыльями: он был меньше двух дюймов в длину.

— Когда он подсоединен к вашей нервной системе, вы можете заставить его свистеть, шипеть, хлопать крыльями и испускать искры, хотя может потребоваться несколько дней для ассимиляции. Не удивляйтесь, если вначале он будет только рычать и выглядеть больным. Снимите куртку, пожалуйста.

Чиновник начал расстегиваться.

— Мы блокируем чувствительность вашего плеч а… вот так, это нисколько не больно, верно? О, это местное сокращение вен и артерий; мы должны все проделать чисто. Теперь сделаем

продольный разрез… если вас это расстроит, не смотрите. Разговаривайте со своим другом. Это займет всего несколько минут. О, всего лишь небольшая щекотка внутри вашего живота. Не обращайте внимания. Еще раз. Отлично. Это ваш плечевой сустав. Я знаю, странно видеть собственную руку без него. Сейчас на его место мы поставим прозрачную пластиплазмовую клетку. Действует почти так же, как ваш плечевой сустав, соединяясь с теми же мускулами. Смотрите, здесь желобки для ваших артерий. Подвигайте подбородком, пожалуйста. Если хотите наблюдать, смотрите в зеркало. Теперь завернем края. Повязка должна сохраняться в течение нескольких дней, пока клетка не срастется с телом. Если не будете резко поворачивать руку, все пойдет нормально, но все же будьте осторожны. А теперь я присоединю этого маленького зверька к вашим нервам. Будет больно.

— Гммм! — таможенник привстал.

— Сидите! Сидите! Все в порядке. Вот этим маленьким ключом — глядите в зеркало — открывается клетка. Вы научите его ходить и проделывать штуки, но не будьте нетерпеливым. Это потребует некоторого времени. Сейчас я возвращаю чувствительность вашей руке.

Хирург сдвинул электроды, и чиновник присвистнул.

— Немного жжет. Так будет примерно с час. Если появится краснота или воспаление, пожалуйста, сразу придите к нам. Все, что проходит через эту дверь, тщательно стерилизуется, но раз в пять-шесть лет кто-нибудь приходит с инфекцией. Вы можете надеть свою куртку.

— Вы знаете, они клянутся, что не будет никакой разницы, — чиновник скорчил рожу. — У меня немеют пальцы. Как вы думаете, он не повредил мне нерв?

— Сомневаюсь, — сказал доктор Тиварба. — Но не вертитесь. Сползает повязка. Пойдемте, поедим.

Чиновник ощупывал плечо.

— Странно получить здесь дыру в три дюйма и по-прежнему действовать рукой.

* * *

— Итак, — сказал доктор Тиварба над кружкой, — Ридра вначале привела вас в Транспортный город?

— Да. Она набирала экипаж для организуемой правительственной экспедиции. Я должен был только одобрить индексы. Но в этот вечер кое-что

случилось.

— Что именно?

— Я видел толпу самых диких, самых странных людей, каких я только встречал в своей жизни; они думают по-другому, и даже любят по-другому. И они заставили меня смеяться и гневаться, и чувствовать себя счастливым, и печалиться, и возбуждаться, и даже слегка влюбиться, — он взглянул на сферу под сводом. — И больше они уже не казались мне дикими и странными.

— У вас установились связи в тот вечер?

— Вероятно. Самонадеянно было бы называть ее по имени… Но я чувствую, что она мой… друг. Я одинокий человек в городе одиноких людей. И если находишь место, где… устанавливаются связи, приходишь туда опять, чтобы это повторилось.

— И повторилось?

Давид Д.Эплтон посмотрел вниз и начал расстегивать куртку.

— Давайте поедим, — он бросил куртку на спинку стула и посмотрел на клетку с драконом на своем плече. — Вы приходите опять, — повернувшись он взял куртку, подержал ее неуверенно в руках и положил на место. — Доктор Тиварба, есть ли у вас хоть какое-то представление, зачем вас просят явиться в штаб-квартиру Администра-

ции Союза?

— Я уверен, что это касается Ридры и этой катушки с записью.

— Вы сказали, что вы ее врач. Надеюсь, это не связано с медициной. Будет ужасно, если с ней что-нибудь случится. Для меня, я имею в виду. Она так много сказала мне за один вечер и так просто, — он засмеялся и провел пальцем по краю клетки. Зверь внутри зашевелился. — И она при этом почти не смотрела на меня.

— Надеюсь, с нею все в порядке, — сказал доктор Тиварба.

2

Перед посадкой «Полуночного Ястреба» он попросил капитана соединить его с контрольной службой.

— Я хочу знать, когда прибыл «Рембо»?

— Минутку, сэр… Он вообще не прибыл. Определенно нет за последние шесть месяцев. Потребуется какое-то время, чтобы проверить предыдущие…

— Нет. Прошло не более нескольких дней. Вы уверены, что «Рембо» капитана Ридры Вонг не приземлился недавно?

— Нет. Она прибыла вчера, но не на «Рембо». Это был корабль без обозначения. Произошла путаница, поскольку серийный номер с его двигателя был стерт, возможно, он был украден.

— Капитан Вонг была в порядке, когда он приземлился?

— Она, по-видимому, передала командование ее… — голос замолчал.

— Ну?

— Простите, сэр. Эти сведения не подлежат разглашению. Я вначале не заметил пометки. Я не могу вам дать дальнейшие разъяснения. Их

разрешено давать лишь официальным лицам.

— Я — доктор Маркус Тиварба, — сказал доктор важно, сомневаясь, подействует ли это.

— О, здесь есть запись, касающаяся вас, сэр. Но в списке допущенных вас нет.

— Тогда какой же дьявол скажет мне?

— Мы получили распоряжение направить вас немедленно к генералу Форестеру.

* * *

Час спустя он входил в кабинет генерала.

— Что с Ридрой?

— Где запись?

— Если Ридра хотела, чтобы я получил ее, у нее на это были причины. Если бы она хотела отдать ее вам, она бы так и сделала. Поверьте, вы не возьмете ее в руки, пока я сам не отдам ее вам.

— Я ожидал большего желания сотрудничать, доктор.

— Я хочу сотрудничать. Я здесь, генерал Форестер. Но вы хотите, чтобы я что-то сделал, а пока я точно не буду знать, что происходит, я не смогу действовать.

— Весьма неверное отношение, — сказал генерал, подходя к столу. — Нечто, с чем я все чаще и чаще сталкиваюсь в последнее время. Не знаю,

нравится ли мне это. Но не уверен, что это мне не нравится, — он сел на край стола, дотронулся до звезд на своем воротнике: он выглядел задумчивым. — Мисс Вонг была первым человеком, встреченным мной за долгое время, кому я не мог сказать: сделай это, сделай то и будь проклят, если спросишь о последствиях. В первый раз, когда я говорил с ней о Вавилоне-17, я думал, что просто передам ей записи, и она вернет мне текст по-английски. Она сказала мне больше. Вначале это раздражало меня, мне уже много лет никто не говорил: «Ты должен», — руки его в защитном движении опустились на колени (в защитном? Доктор Тиварба на мгновение задумался, не Ридра ли научила его истолковывать движения?) — Так легко оставаться в своем мире. Когда голос прерывает этот мир, это важно. Ридра Вонг… — генерал замолчал, и выражение его лица заставило Тиварбу похолодеть.

— Что с ней, генерал? Она больна?

— Не знаю, — ответил генерал. — В соседнем помещении женщина… И мужчина. Не могу сказать, является ли эта женщина Ридрой Вонг. Но это определенно не та женщина, с которой я однажды вечером на Земле говорил о Вавилоне-17.

Но Тиварба уже распахивал дверь.

Мужчина и женщина посмотрели на него. Мужчина был массивно-грациозен, с янтарного цвета волосами, каторжник, как понял доктор по знаку на его плече. Женщина…

Он уперся кулаками в бока.

— Ну, что я говорил тебе?

Она сказала:

— Нет понимания.

Звук дыхания, форма сгиба рук, наклон плеч, детали, смысл и внешность которых она тысячи раз демонстрировала ему: он понял их чрезвычайную важность. На мгновение ему захотелось, чтобы она никогда не учила его, ибо все эти детали исчезли, и отсутствие их в знакомом теле было хуже шрамов и уродств. Он начал голосом, который предназначался только для нее, которым он ругал и хвалил ее.

— Я хотел сказать: если это шутка, сердечко мое, я тебя отшлепаю, — но кончил он голосом, предназначенным для незнакомых, голосом для продавцов, и чувствовал он себя неуверенно: — Если вы не Ридра, то кто вы?

Она сказал:

— Нет понимания вопроса. Генерал Форестер, этот человек — доктор Маркус Тиварба?

— Да, это он.

— Послушайте, — доктор Тиварба повернулся к генералу, — я уверен, вы сверили отпечатки пальцев, уровень метаболизма, сетчатку глаза и другие типы идентификации.

— Это тело Ридры Вонг, доктор.

— Ладно. Гипноз, экспериментальное внушение, пересаживание коры — вы можете представить другие возможности пересадки мозга в чужую голову?

— Да. Семнадцать. Нет признаков ни одного из них, — генерал сделал шаг к двери. — Она ясно дала понять, что хочет говорить с вами наедине. Я буду поблизости, — и он закрыл дверь.

— Я убежден, кем вы не являетесь, — сказал доктор Тиварба немного спустя.

Женщина мигнула и сказала:

— Сообщение от Ридры Вонг, дословная передача без понимания значения, — внезапно ее лицо приобрело знакомое выражение и оживление. Сцепив руки, она слегка наклонилась вперед: — Моки, я рада, что вы здесь. Я не могу выдерживать долго, начинаю… Вавилон-17 более или менее подобен бейсику, алголу, фортрану. Я действительно телепатична, но научилась держать это свойство под контролем. Я… мы приняли меры по поводу попыток диверсии с Вавилон-17.

Но мы пленники, а если вы хотите освободить нас, забудьте о том, кто я. Используйте то, что в конце записи, и обнаружьте, кто он такой! — она указала на Батчера.

Оживление исчезло, онемение вернулось на ее лицо. Это изменение заставило Тиварбу затаить дыхание. Он потряс головой, начиная снова дышать. Через мгновение он снова был в кабинете генерала.

— Кто этот уголовник? — спросил он.

— Мы как раз устанавливаем это. Надеюсь вскоре иметь рапорт, — что-то вспыхнуло на экране. — Вот он, — он разрезал конверт и помолчал. — Не скажете ли вы мне, что такое бейсик, алгол, фортран?

Тиварба вздохнул и сел в пузырьковое кресло перед столом.

— Это древние, двадцатого столетия языки, которые использовали только для машин. Бейсик — простейший из них. Он сводил все к комбинации двух слов или двоичной нумерации. Остальные более сложны. Что, для уверенности — подслушивание в замочную скважину?

Генерал кивнул, заканчивая вскрывать конверт.

— Этот парень прибыл с нею на украденном

корабле-пауке. Экипаж крайне расстроился, когда мы попытались развести их в разные помещения, — он пожал плечами. — Это что-то психическое. Но зачем упускать возможности? Мы оставили их вместе.

— А где экипаж? Не может ли он помочь нам?

— Они? Это все равно, что пытаться говорить с героями ваших кошмаров. Транспортники. Кто говорит с такими людьми?

— Ридра умерла, — сказал доктор Тиварба. — Я хотел попробовать.

— Как хотите. Мы держим их в штаб-квартире, — он развернул лист, лицо его изменилось. — Странно. Здесь перечисление событий его жизни за последние пять лет. Начал с мелкого воровства, постепенно перешел к более крупным грабежам. Грабеж банка… — генерал покусал губу и добавил с выражением высокой оценки. — Он прожил два года в тюремных пещерах Титана, сбежал. Да, этот парень кое-что собой представляет. Исчез в Спецелли Снэп, где либо погиб, либо перешел на теневой корабль. Он определенно не умер. Но перед декабрем шестьдесят первого, похоже, что он не существовал. Обычно его называют Батчер.

Вдруг генерал порылся в ящике и извлек папку.

— Крето, Земля, Минос, Каллисто, — читал он, потом прихлопнул папку ладонью. Алеппо, Реа, Олимпия, Парадиз, Дис!

— Что это? Маршрут Батчера до того, как он попал на Титан?

— Похоже, что так. Но это такие местоположения серии случаев, которые начались с декабря шестьдесят первого. Мы только недавно связали их с Вавилоном-17. Мы работали над последним «несчастным» случаем, а потом подняли материалы о предыдущих. И везде сообщения о радиопереговорах. Как вы думаете, мисс Вонг привезла нам диверсанта?

— Возможно. Только это не Ридра.

— Ну что ж, я думал, что вы так и скажете.

— По аналогичным причинам, я уверен, что мужчина с нею не Батчер.

— Тогда кто же он?

— Сейчас я не знаю. Но очень важно, чтобы мы это установили, — он встал. — Где я могу увидеться с экипажем Ридры?

3

— Отличное место! — сказал Калли, когда они вышли из лифта на верхнем этаже Башни Союза.

— Хорошее, — согласилась Молли. — Хорошо бы его обойти.

Официант в белом мундире подошел к ним по ковру из виверры, искоса взглянул на Брасса и сказал:

— Они с вами, доктор Тиварба?

— Да. У нас ниша у окна. Принесите выпивку туда, я уже сделал заказ.

Официант повернулся, кивнул и отвел их к высокому арочному окну, выходящему на площадь Союза. Несколько человек обернулись, глядя на них.

— Штаб-квартира Администрации Союза может быть очень приятным местом, — сказал с улыбкой доктор Тиварба.

— Если есть деньги, — добавил Рон. Он изогнул голову, глядя на сине-черный потолок, где огни были размещены так, что соответствовали созвездиям, видимым с Римика, и тихонько свистнул. — Я читал о таких местах, но никогда не думал, что сам попаду сюда.

— Я хотел бы привести сюда парней, — проворчал помощник. — Они думают, что лучше приема у барона не бывает.

В алькове официант отодвинул для Молли кресло.

— Барон Вер Дорко с Военного Двора?

— Да, — сказал Калли. — Жареный барашек, вина, отличные фазаны. Никто их не ел.

Он покачал головой.

— Одна из досадных привычек аристократии, — со смехом сказал Тиварба, — но их осталось немного и большинство достаточно умны, чтобы отбросить свои титулы.

— Последний Хозяин оружия в Армседже, — сказал помощник.

— Я читал сообщение о его смерти. Ридра была там?

— Мы все были. Очень дикий был вечер.

— Но что там произошло?

— Ну, капитан отправилась раньше… — а когда он с добавлениями остальных кончил рассказывать о происшедшем, доктор Тиварба откинулся в кресле.

— В бумагах этого не было, — сказал он. А что такое этот ТВ-55?

Брасс пожал плечами.

Послышался щелчок и микрофон связи с лишенными тела ожил в ухе доктора.

— Это человеческое существо, которое с самого рождения находится под контролем, — сказал Глаз. — Я был с капитаном Вонг, когда барон показывал ей его.

Доктор Тиварба кивнул.

— Можете вы еще что-нибудь рассказать мне?

Помощник, пытавшийся поудобнее устроиться в кресле, теперь лег животом на край стола.

— Зачем?

Остальные молча ждали.

Толстый человек оглядел остальных членов экипажа.

— Зачем мы рассказываем ему это? Он отправится назад и выдаст все это космонавтам.

— Верно, — сказал доктор Тиварба. — Все, что сможет помочь Ридре.

Рон поставил стакан с ледяной водой.

— Космонавты не могут относиться к нам хорошо, док, — объяснил он.

— Они не повели бы нас в такой ресторан, — Калли заткнул салфетку за цирковое ожерелье. Официант поставил на стол вазу с французским жареным картофелем и вернулся с тарелками шницелей.

Молли держала в руках длинный красный стручок и вопросительно смотрела на него.

— Кетчуп, — объяснил доктор Тиварба.

— Ох! — сказала Молли и снова положила его на стол.

— Здесь должен был бы быть Дьявол, — помощник откинулся назад и взглянул на доктора. — Он мастер готовить пищу из суррогатов. Но здесь настоящая еда. После этого, готов поклясться, он выбежал бы из камбуза, как будто его там укусили.

Брасс сказал:

— Что случилось с капитаном Вонг? Никто не хочет сказать.

— Не знаю. Но если вы расскажете мне все, что знаете, у меня будет больше возможностей сделать что-нибудь.

— Еще одно, почему никто не хочет сказать, — продолжал Брасс, — это то, что мы не хотим, чтобы вы что-нибудь делали для нее. Но мы не знаем, почему.

Остальные промолчали.

— На корабле был шпион. Мы все знаем об этом. Он дважды пытался уничтожить корабль. Думаю, что именно он отвечает за то, что произошло с капитаном Вонг и с Батчером.

— Мы все думаем так, — сказал помощник.

— Этого вы не хотели говорить космонавтам?

Брасс кивнул.

— Расскажите ему о сломанных пластинах и о переговорах перед взлетом, когда мы попали на «Тарик», — попросил помощник.

Брасс объяснил.

— Если бы не Батчер, — щелкнул снова микрофон лишенных тела, — мы бы вернулись в нормальное пространство в центре Новой, Батчер убедил Джебела поймать нас и взять на борт.

— Так, — доктор Тиварба обвел взглядом сидевших за столом. — Один из вас шпион.

— Может, это кто-то из парней, — сказал помощник. — Не обязательно кто-то за этим столом.

— Если это так, — сказал доктор Тиварба, — то я поговорю с остальными. Генерал Форестер ничего не добился от вас. Но Ридра нуждается в помощи. Это очень просто.

Брасс прервал затянувшееся молчание.

— Я потерял корабль в схватке с захватчиками, док. Весь взвод парней и половину офицеров. Даже тогда я хорошо боролся и был хорошим пилотом для любого капитана-транспортника, хотя схватка с захватчиками могла сделать меня человеком, приносящим несчастья. Капитан Вонг не

из нашего мира, но откуда бы она не пришла, она просто сказала: «Мне понравилась ваша работа, я нанимаю вас». Я ей благодарен.

— Она так много знает, — сказал Калли. — Это самый дикий полет, в котором я участвовал. Миры. Она проламывалась сквозь миры и брала нас с собой. Когда в последний раз меня брали на обед к барону? А на следующий день я обедал с пиратами. И вот я здесь. Я хочу ей помочь.

— Калли слишком слит со своим животом, — прервал Рон. — Она заставляет думать, док. Она заставила меня думать о Молли и Калли. Вы знаете, она была в тройке с Мюэлем Араплайдом, тем парнем, что написал «Имперскую звезду»? Должно быть знаете, так как вы ее доктор. Во всяком случае, начинаешь думать, что, может быть, люди, живущие в других мирах, как сказал Калли, люди, которые пишут книги и делают оружие, эти люди реальны. Если вы верите в них, вам легче поверить и в себя. Вы цените это. И когда тот, кто сделал это с вами, нуждается в помощи, вы помогаете.

— Доктор, — сказала Молли, — я была мертва. Она оживила меня. Что я должна сделать?

— Вы можете рассказать мне все, что знаете сами, — он перегнулся через стол, сцепив паль-

цы, — о Батчере.

— О Батчере? — спросил Брасс. Остальные тоже были удивлены. — Но что о нем? Мы не знаем ничего, только то, что капитан и он действительно сблизились.

— Вы три недели были с ними на одном корабле. Расскажите мне все, что капитан и он делали, все, что вы видели.

Они смотрели друг на друга в вопросительном молчании.

— Может ли что-то указать, откуда он?

— Титан, — сказал Калли. — Знак на руке.

— До Титана, по крайней мере, на пять лет раньше. Проблема в том, что этого не знает и сам Батчер.

Они смотрели друг на друга еще более ошеломленные. Наконец Брасс сказал:

— Его язык. Капитан сказала, что изначально он говорил на языке, в котором нет слова «я».

Доктор Тиварба еще более нахмурился, когда вновь щелкнул микрофон лишенных тела.

— Она научила его говорить «я» и «вы». Они гуляли вечером по кладбищу, а мы парили над ними, когда они узнали, кто он.

— «Я», — сказал Тиварба, — в этом что-то есть. Интересно. Казалось, я знаю о Ридре все, чего

стоит знать. Но, оказывается, знаю мало…

Микрофон щелкнул в третий раз:

— Вы знаете о майна-птице?

Тиварба был изумлен.

— Разумеется. Я был там.

Лишенная тела рассмеялась:

— Но она никогда не говорила вам, чего она испугалась.

— Это была истерика, вызванная предыдущими потрясениями, — привидения рассмеялись вновь. — Червяк, доктор Тиварба. Она вовсе не боялась птицы. Она испугалась телепатического впечатления от большого земляного червя, ползущего на нее, испугалась картины, которую рисовала птица…

— Она сказала это вам… и никогда не говорила мне, — конец фразы был полон удивления и недовольства.

— Миры, — сказал призрак. — Миры существуют у вас перед глазами, а вы их не видите. Эта комната может быть полна фантомами, но вы этого не знаете. Даже остальные члены экипажа не знают того, что говорим мы сейчас. Но капитан Вонг, она нашла способ разговаривать с нами без приборов. Она прорвалась сквозь миры и соединилась с нами — это очень важно — и оба

мира становились больше.

— Тогда кто-то в мире, в моем или вашем, должен сказать, откуда пришел Батчер. — Какое-то воспоминание проникло ему в голову, он засмеялся. Остальные смотрели удивленно. — Червь. «Где-то в раю теперь червь, червь...» Это из ее раннего стихотворения. А мне никогда не приходило в голову.

4

— Мне полагается быть счастливым? — поинтересовался доктор Тиварба.

— Вам полагается быть заинтересованным, — ответил генерал Форестер.

— Вы посмотрели на гиперстатическую карту и обнаружили, что несмотря на то, что попытки диверсии за последние годы происходили в обычном пространстве галактики, они все лежат на крейсерской дистанции от Спецелли Снэп, на расстоянии одного прыжка. Вы так же обнаружили, что в то время, когда Батчер был на Титане, никаких диверсий не было. Иными словами, вы установили высокую вероятность того, что Батчер ответственен за все это дело. Нет, я вовсе не счастлив.

— Почему?

— Потому что он важная личность.

— Важная?

— Важная… для Ридры. Экипаж сказал мне это.

— Он? — потом пришло понимание. — Он? О, нет. Кто угодно, только не он. Он низшая форма. Нет. Грабежи, диверсии, множество убийств… я хочу сказать, что он…

— Вы не знаете, кто он. И если он ответственен за атаки Вавилона-17, в своем праве он так же экстраординарен, как и Ридра, — доктор встал с пузырькового кресла. — Вы дадите мне возможность проверить мою идею? Я слушал ваши целое утро. А моя сработает, вероятно.

— Я все еще не понимаю, чего вы хотите.

Доктор Тиварба вздохнул.

— Прежде всего я хочу поместить Ридру, Батчера и нас в самую глубокую, темную, наиболее сильно охраняемую темницу Администрации Союза.

— Но у нас нет тем…

— Не обманывайте меня, — спокойно сказал доктор Тиварба. — Вспомните, вы ведете войну.

Генерал сделал гримасу.

— Зачем вся эта секретность?

— Потому что этот парень многого стоит. Если бы рядом со мной были бы все военные силы Союза, я был бы спокойнее. Тогда бы я знал, что у нас есть шанс.

* * *

Ридра сидела в одном углу тюремной камеры, Батчер — в другом. Оба были привязаны пластиковыми ремнями к сиденьям, выступавшим

из стены. Доктор Тиварба следил за тем, как из камеры выкатывают оборудование.

— Никаких темниц, никаких пыточных камер, а, генерал? — он взглянул на красноречивое пятно, которое стирали с пола у его ног, и покачал головой. — Я был бы счастлив, если бы камеру промыли кислотой и продезинфицировали. Но, наверное, никакой приказ…

— У вас есть все необходимое, доктор? — спросил генерал, игнорируя его недовольство. — Если вы изменили свои намерения, то через пятнадцать минут здесь будет множество специалистов.

— Место недостаточно велико, — сказал доктор Тиварба. — Я получил девять специалистов прямо здесь. — Он положил руку на среднего размера компьютер, размещенный у стены рядом с остальными.

— Вы говорили, — сказал генерал Форестер в ответ, — что необходима максимальная безопасность. Я могу собрать здесь двести пятьдесят мастеров айкидо.

— Я имею черный пояс айкидо, генерал, и думаю, что вдвоем мы справимся.

Генерал Форестер поднял брови.

— Я сам занимаюсь каратэ. Но айкидо я никогда

не понимал. А у вас черный пояс?

Доктор Тиварба, налаживая оборудование, кивнул.

— И у Ридры тоже. Я не знаю, что может сделать Батчер, поэтому предпочел крепко привязать их.

— Хорошо, — генерал притронулся к чему-то на дверном косяке. Металлическая плита медленно опустилась. — Будем здесь пять минут, — плита достигла пола и полоска между краями двери исчезла. — Края сварены. Мы в центре двенадцати слоев защиты, причем все они непреодолимы. Никто не знает даже расположения этого места, включая и меня.

— После лабиринтов, которые мы прошли, я тоже не знаю, — сказал Тиварба.

— На случай, если кто-нибудь захочет засечь нас, мы автоматически передвигаемся каждые пятнадцать секунд. Он не вырвется отсюда. — Генерал указал на Батчера.

— Я скорее хочу быть уверен, что никто не ворвется сюда, Тиварба нажал кнопку.

— Начинайте.

— У Батчера амнезия, как говорят доктора на Титане. Это означает, что его сознание заключено в части его мозга, и все, что происходило до шестьдесят первого года блокировано. Его

сознание занимает, таким образом, часть коры головного мозга. Вот это, — он надел на голову Батчера металлический шлем, глядя на Ридру, — создает серию «неприятностей» в этом районе, пока он не вынужден будет прорваться из этого района в остальную часть мозга.

— А что, если между этим участком коры и другими просто нет связи?

При той жизни, которую он вел, — заметил генерал, — мне трудно представить себе, что может быть неприятно для его головы.

— Бейсик, алгол, фортран, — сказал доктор Тиварба.

Генерал следил, как доктор проводит дальнейшие приготовления.

— Обычно отслеживаем ситуацию змеи в мозгу. Однако с мозгом, который не знает слова «я», тактика страха не подействует.

— А что подействует?

— Алгол, бейсик и фортран при помощи парикмахера и того фактора, что сегодня среда.

— Доктор Тиварба, я не изучал внимательно ваш психоиндекс...

— Я знаю, что делаю. Ни один из этих языков для компьютера не знает слова «я». Это делает невозможным такие предположения, как «Я не

могу решить эту проблему», или «Я не понимаю», или «Я не хочу напрасно тратить свое время». Генерал, в маленьком городке, на испанской стороне Пиренеев, есть лишь один цирюльник. Цирюльник бреет всех мужчин в городе, кто не бреется сам. Бреет ли цирюльник себя или нет?

Генерал нахмурился.

— Вы не верите мне? Но, генерал, я всегда говорю правду. За исключением сред. По средам любое мое утверждение — ложь.

— Но сегодня среда! — воскликнул генерал, начиная выходить из себя.

— Как убедительно! Ну, ну, генерал, передохните, а то у вас посинело лицо.

— Я дышу нормально!

— А я ничего не говорю. Отвечайте только да или нет: прекратили ли вы бить свою жену?

— Будь я проклят, если могу ответить на такой вопрос…

— Ну, ладно, пока вы думаете о жене и о среде, скажите, кто бреет цирюльника?

Генерал разразился смехом:

— Парадоксы. Вы хотите начинить его парадоксами, чтобы он с ними боролся?

— Если так поступить с компьютером, он перегорит, если только он не запрограммирован

выключаться, встретив противоречие.

— Предположим, он решит лишиться тела?

— Разве такая малость остановит меня? — он указал на другую машину. — Для этого и есть вот это.

— Еще одно. Как вы узнаете, какие парадоксы ему давать? Конечно, те, что вы говорили мне…

— Их — нет. Помимо всего прочего, они существуют только на английском и еще нескольких аналитических языках. Парадоксы существуют в лингвистической манифестации языка, на котором они выражены. В парадоксе об испанском цирюльнике слово «все» и содержит противоречащие значения. То же самое в других парадоксах. Лента, которую послала мне Ридра, содержит грамматику и словарь Вавилона-17. Удивительно! Это наиболее аналитический из существующих языков. Но это потому, что все изменяется, и значения выражаются в огромном наборе конгруэнтных конструкций, выраженных теми же словами. Это означает огромное количество парадоксов, которые ошеломляют. Ридра заполнила конец ленты наиболее остроумными из них. Мозг, ограниченный Вавилоном-17, эти парадоксы сожгут или сломают…

— Или заставят установить связи с другой ча-

стью мозга. Понимаю. Ну, начинайте.

— Я уже начал две минуты назад.

Генерал посмотрел на Батчера.

— Я ничего не вижу.

— И еще минуту не увидите, — доктор делал дальнейшие приготовления. — Система парадоксов, которые я шлю ему, должна еще прорваться через внешнюю оболочку его мозга.

Внезапно губы на твердом мускулистом лице разошлись, обнажив зубы.

— Начинается, — сказал доктор Тиварба.

— Что происходит с мисс Вонг? — лицо Ридры тоже исказилось.

— Я надеялся, что этого не случится, — вздохнул доктор Тиварба, — но подозревал, что все же случится. Она в телепатическом контакте.

Треск стула Батчера. Ремень, крепивший голову, ослаб и его череп ударился о спинку сиденья.

Звук со стороны Ридры перешел в вопль, потом прекратился. Ее испуганные глаза дважды мигнули, она закричала:

— О, Моки, как больно!

Один из ремней, удерживающих руку Батчера, лопнул, взлетел кулак.

Доктор Тиварба нажал кнопку, белый свет сменился желтым; что-то происходило с телом

Батчера: он расслабился.

— Он лишил… — начал генерал Форестер.

Но Батчер тяжело дышал.

— Выпустите меня отсюда, Моки, — донесся голос Ридры.

Доктор нажал другую кнопку и ремни, стягивающие ее лоб, икры, запястья, раскрылись с треском. Она побежала через камеру к Батчеру.

— Его тоже.

Он нажал другую кнопку. Батчер упал ей на руки. Под его тяжестью она опустилась на пол и начала делать ему массаж.

Генерал Форестер держал их под прицелом вибропистолета.

— Итак, ради дьявола, кто он и откуда?

Батчер снова начал терять сознание, но, цепляясь руками за пол, он поддерживал себя.

— Най… — начал он. — Я… я Найлз Вер Дорко… — голос его утратил жестокость. Он стал немного выше и был окрашен легким аристократическим акцентом. — Армседж. Я родился в Армседже. И я… я убил своего отца!

Дверная пластина скользнула в сторону. Стал чувствоваться запах дыма и горячего металла.

— Что за дьявол так пахнет? — сказал генерал Форестер. — Этого не должно было случиться.

— Я предполагал, — сказал доктор Тиварба уверенно, — что половина защитных слоев этой камеры будет прорвана. Если бы это продолжалось еще несколько минут, у нас вообще не было бы шансов.

Шум шагов. Испачканный сажей космонавт покачивался у двери.

— Генерал Форестер, с вами все в порядке? Внешняя сторона стены взорвана, каким-то образом вскрыты радиозамки на двойных дверях. Что-то пробилось до середины керамических стен. Похоже на лазер.

Генерал сильно побледнел.

— Кто пытался пробиться сюда?

Доктор Тиварба посмотрел на Ридру.

Батчер встал на ноги, держась за ее плечо.

— Несколько наиболее остроумных моделей моего отца, включая ТВ-55. Здесь, в штаб-квартире Администрации Союза, их должно быть не менее шести, высокоэффективных, но не привлекающих внимания. Но теперь о них можно не беспокоиться.

— Я успокоюсь только тогда, — раздраженно сказал генерал Форестер, — когда вы пройдете в мой кабинет и все объясните.

— Нет. Мой отец не был предателем, генерал.

Он просто хотел сделать меня наиболее сильным секретным агентом Союза. Но оружие — это не инструмент, а скорее знание, как его использовать. А у захватчиков есть это знание — это Вавилон-1 7…

— Хорошо. Вы можете быть Найлзом Вер Дорко. Но это лишь делает некоторые обстоятельства, которые, как мне казалось час назад, я понимал, еще более запутанными.

— Я не хочу, чтобы он слишком много говорил, — сказал доктор Тиварба. — Потрясения, испытанные его нервной системой…

— Я в порядке, доктор. У меня сильный организм. Мои рефлексы намного превосходят нормальные, и теперь я контролирую свою нервную систему до пальца на ноге. Мой отец все делал очень основательно.

Генерал Форестер положил ноги на стол.

— Лучше пусть говорит. Ибо, если я не пойму в чем дело, через пять минут я вас всех отправлю.

— Мой отец только начал работу над усовершенствованиями в шпионе, когда ему пришла эта мысль. Он придал мне наиболее совершенную форму человека, какую только мог создать. Затем он послал меня на территорию захватчиков, надеясь, что я там внесу максимум смятения.

И я причинил им немало вреда, прежде чем они схватили меня. Я не продержусь против ТВ-55, например. Но из-за… я думаю, это семейная гордость… он хотел сохранить контроль над всей операцией в семье. Каждый шпион Армседжа мог получить радиокоманды заранее установленным кодом. В мой спинной мозг вживлен гиперстасисный трансмиттер, большей частью электропластиплазменный. Независимо от того, насколько сложны будущие шпионы, я сохранил над всеми ними контроль. В течение нескольких лет тысячи шпионов внедрялись на территорию захватчиков. До моего пленения мы составляли мощную силу.

— Но почему вас не убили? — спросил генерал. — Или они решили обратить всю эту армию шпионов против нас?

— Они открыли, что я — оружие Союза. Но в определенных условиях этот гиперстасисный трансмиттер уничтожается в моем теле. И мне требуется не менее трех недель, чтобы вырастить новый. Поэтому они никогда и не узнали, что я контролирую остальных. Но они использовали на мне свое секретное оружие — Вавилон-17. Они вызвали у меня амнезию, оставили без всяких коммуникативных способностей, кроме

Вавилона-17, потом позволили мне бежать из Нуэва-нуэва Йорка обратно на территорию Союза. Я не получил никаких инструкций об устройстве диверсий. Власть, которой я обладал, контакт с остальными шпионами пробудились во мне очень болезненно и очень медленно. И вся моя жизнь стала преступлением, маскирующим диверсии. Как и почему, я по-прежнему не знаю.

— Думаю, я могу объяснить это, генерал, — сказала Ридра. — Вы можете запрограммировать компьютер так, чтобы он делал ошибки, и вы сделаете это, не перепутывая провода, а манипулируя «языком», на котором вы научили компьютер «думать». Отсутствие «я» предотвращало всякую самокритику и самосохранение. В сущности оно прерывало любую осведомленность о символах и символических процессах, а именно таким образом мы различаем реальность и выражение реальности.

— Шимпанзе, — прервал доктор Тиварба, — достаточно координированы, чтобы научиться водить автомобиль, и достаточно разумны, чтобы различить красный и зеленый свет. Но, научившись, они все же не станут свободными, потому что, когда горит зеленый свет, они поведут автомобиль прямо на кирпичную стену,

а когда горит красный свет, они остановятся посредине перекрестка, даже если на них в следующее мгновение налетит грузовик. У них нет символических процессов. Для них красный значит «стой», зеленый — «иди». То, что это не сами действия, а их символы, они не осознают.

— Итак, — продолжала Ридра, — Вавилон-17 — это язык, содержащий для Батчера долговременную программу преступника и диверсанта. Если вы лишите кого-то памяти и оставите его в чужой стране, сохранив ему только названия частей и инструментов машин, не удивляйтесь, если он станет механиком. Манипулируя его словарем, вы легко можете превратить его в моряка или художника. Вавилон-17 — такой точный аналитический язык, который снабжает вас техническим мастерством в любой ситуации, в которой вы окажетесь.

— Но вы хотите сказать, что этот язык даже вас мог обратить против Союза? — спросил генерал.

— Начнем с того, сказала Ридра, — что слово, обозначающее на Вавилоне-17 слово «Союз» может быть превращено на английский как «тот, который захватывает». Теперь понимаете? И все программы подчинены этому слову. Когда мыслишь на Вавилоне-17, становится совершенно

логичным постараться уничтожить собственный корабль, а потом при помощи самогипноза заблокировать этот факт, чтобы вы не могли раскрыть собственное деяние и остановить себя.

— Вот ваш шпион! — прервал доктор Тиварба.

Ридра кивнула:

— Вавилон-17 программирует действия личности, усиливая их самогипноз, при этом все, что мыслится на этом языке, кажется «правильным», поскольку на других языках оно выражается очень грубо и неуклюже. Запрограммированная личность, во-первых, должна стремиться любой ценой уничтожить Союз, а во-вторых, оставаться скрытой от остальной части сознания. Это и произошло с нами.

— Но почему Вавилон-17 не полностью подчинил вас? — спросил доктор Тиварба.

— Он не рассчитан на мой «талант», Моки, — ответила Ридра. — Я анализировала эту проблему на Вавилоне-17. Все очень просто. Человеческая нервная система производит радиошум. Но нужна антенна с поверхностью на много тысяч квадратных миль, чтобы уловить этот шум. В сущности, единственная система другого человека. Лишь несколько человек, подобно мне, лучше других контролируют ее. Я контролирую испус-

каемые мной радиошумы. И я просто несколько исказила их.

— И что же должен сделать с этими шпионами, которых вы скрываете в голове, я? Подвергнуть вас лоботомии?

— Нет, — сказала Ридра. — Исправляя свой компьютер вы не рвете половину проводов. Вы исправляете язык, вводите отсутствующие элементы и компенсируете двусмысленности.

— Мы ввели главные отсутствующие элементы, — сказал Батчер, — на кладбище «Тарика». Мы на пути к остальным людям.

Генерал медленно встал.

— Не может быть, — он покачал головой. — Тиварба, где лента?

— У меня в кармане, где и пролежала все время, — сказал доктор Тиварба, доставая катушку с записью.

— Я отправлю это криптографам, и мы все проверим, — он подошел к двери. — О, да, я вынужден вас закрыть…

Он вышел, а трое оставшихся смотрели друг на друга.

5

— …да, конечно, я должен был знать, что тот, кто сумел наполовину проникнуть в нашу наиболее защищенную камеру и саботировать военные усилия в целом рукаве галактики, сможет сбежать из моего закрытого кабинета… Я не дурак, но я думаю… Я знаю, что вас не беспокоит, что я думаю, но они… Нет, мне не приходило в голову, что они похитят корабль. Да, я… Нет. Конечно, я не уверен… Да, это один из самых больших наших кораблей. Но они улетели… Нет, они не нападали на наши… У меня нет никаких сведений, кроме оставленной ими записки… Да, на моем столе они оставили записку… Да, конечно, я прочту ее вам… Именно это я и хочу… хочу все время сделать…

6

Ридра вошла в рубку боевого корабля «Хронос». Когда она опустила на пол свой чемоданчик, Батчер отвернулся от контрольного щита.

— Как дела внизу?

— Есть какие-нибудь затруднения с новыми приборами? — спросила Ридра.

Парень из взвода навострил уши.

— Не знаю, капитан.

— Мы должны вернуться в Снэп и передать корабль Джебелу и его людям на «Тарике»… Брасс говорит, что он сможет сделать это, если вы, парни, хорошо справитесь со своими обязанностями.

— Мы постараемся, но поступает так много приказов. Сейчас я должен идти вниз.

— Сможете пойти через минуту, — сказала Ридра. — Допустим, я сделаю вас почетным квинукамайокуна?

— Кем, кем?

— Это парень, который читает все приказы и интерпретирует их. Ваши далекие предки были индейцами, верно?

— Да. Семинолы.

Ридра пожала плечами.

— Квинукамайокуна означает это на языке майя. Некоторое отличие. Они отдавали приказы, завязывая узелки на веревке, мы используем программные карты. Бегите.

Ратт дотронулся до лба и убежал.

— Как вы думаете, что генерал сделает с вашей запиской? — спросил Батчер.

— Это уже неважно. Она сгладила впечатление в верхах: они поразмыслят над ней и над теми возможностями, которые она перед ними открывает, а мы тем временем будем делать свое дело. У нас есть исправленный Вавилон-17 — назовем его Вавилоном-18 — это наиболее могущественное мыслимое оружие.

— Плюс моя армия убийц, — сказал Батчер. — Думаю, мы справимся в шесть месяцев. И ваше счастье, что эти припадки болезни не ускорили ваш метаболизм. Мне это кажется несколько странным. Вы должны были погибнуть, не овладев Вавилоном-17, так было рассчитано.

— Им не повезло, что они напали на меня. Что ж, как только мы кончим с Джебелом, мы оставим на столе командующего захватчиками в Нуэва-нуэва Йорке записку:

— *«Эту войну следует закончить в шесть*

месяцев», — процитировала она. — Лучшее прозаическое предложение из всех, когда-либо мной написанных. Но сейчас нам придется поработать.

— У нас есть инструмент, которого нет ни у кого, — сказал Батчер. Он подошел и сел рядом с ней. — А с хорошим инструментом дело пойдет легче. А что мы будем делать в оставшееся время?

— Думаю, я напишу стихотворение. А, может, роман. Мне есть, что сказать.

— Но я все еще преступник. Покрывать плохие дела хорошими — лингвистическая ошибка, которая уже не раз причиняла неприятности людям. Особенно, если хорошие дела еще в будущем. Я по-прежнему ответственен за множество убийств.

— Весь механизм суда, предназначенного для устрашения, тоже лингвистическая ошибка. Если вас это беспокоит, возвращайтесь, отдайтесь им в руки, пусть вас судят, а потом попробуйте заняться своим делом. Пусть лучше я буду вашим делом.

— Конечно, но кто сказал, что этот суд легче?

Ридра начала смеяться. Она остановилась перед ним, взяла его руки, положила на них лицо,

все еще смеясь.

— Но я буду вашим защитником! А вы теперь должны знать, что даже без Вавилона-17, я сумею уговорить кого угодно.